

Ю.В. Костяшов

**СЕРБЫ В АВСТРИЙСКОЙ
МОНАРХИИ В XVIII ВЕКЕ**

**Калининград
1997**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.В. Костяшов

СЕРБЫ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ В
XVIII ВЕКЕ

Калининград
1997

Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке: Монография / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1997. - 220 с. - ISBN 5-88874-064-0

Монография посвящена истории той части сербского народа, которая с конца XVII в. оказалась в составе монархии Габсбургов. Исследуются демографические процессы, экономическое и общественно-политическое развитие сербов под властью Австрии в XVIII в. Особое внимание уделено изучению роли православной церкви в истории народа и проблеме формирования сербской нации.

Монография предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей исторических специальностей.

Рецензенты: доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета Г.Ф. Матвеев; кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ивановского государственного университета Д.И. Полывянный.

На обложке: Сербский воин. Гравюра Мартина Энгельбехта.

Юрий Владимирович Костяшов

СЕРБЫ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ В XVIII ВЕКЕ

Монография

Лицензия № 020345 от 27.12.1991 г.

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Л.Г. Владимирова.

Подписано в печать 20.12.1996 г. Формат 60×90 1/16.

Бумага для множительных аппаратов. Ризограф. Усл. печ. л. 13,9.

Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ .

Калининградский государственный университет,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.

КИПО, 236000, г. Калининград, пр. Мира, 5.

ISBN 5-88874-064-0

© Калининградский государственный
университет, 1997

© Костяшов Ю.В., 1997

Юрий Владимирович Костяшов

СЕРБЫ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ В XVIII ВЕКЕ

Монография

Лицензия № 020345 от 27.12.1991 г.

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Л.Г. Владимирова.

Подписано в печать 20.12.1996 г. Формат 60×90 1/16.

Бумага для множительных аппаратов. Ризограф. Усл. печ. л. 13,9.

Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ .

Калининградский государственный университет,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.

КИПО, 236000, г. Калининград, пр. Мира, 5.

ВВЕДЕНИЕ

Русские ученые и путешественники, посещавшие в прошлом веке сербские области Австрийской монархии, неизменно удивлялись открывавшейся их взору картине. Бывший в 1841 г. проездом в Сремских Карловцах и их окрестностях известный славист Николай Иванович Надеждин с восхищением писал о фрушкогорских монастырях, “замечательных не столько древностью их основания, сколько нынешним устройством, значительностью находящихся в них библиотек и просвещением живущих в них иноков”. “Здесь, - продолжал ученый, - находится средоточие духовной жизни для всех австрийских православных, в особенности для сербов; сюда стекается юношество со всех краев империи, ибо здесь находится полная гимназия, в которой, впрочем, науки преподаются на латинском и немецком языках, и главная архи-дieceзальная семинария”¹.

Русских путешественников поражали разумно спланированные и застроенные города, уютные крестьянские поселения с добротными домами, хозяйственными постройками, ухоженными полями, садами и виноградниками. Бросались в глаза необычная “латинская” архитектура здешних православных храмов, бритоголовые сербские священники и архиереи в напудренных париках и французском платье. Непривычно было слышать бойкую немецкую речь на местных базарах и ярмарках. Все это были приметы тех изменений, которые произошли с австрийскими сербами - единственным в своем роде кусочком православного мира, которому была уготована судьба в течение двух с лишним столетий развиваться в русле центрально-европейской социальной, политической и культурной традиции.

Еще одной особенностью данного региона было то, что он стал своеобразной зоной широкого культурного контакта. Помимо уже упомянутых славяно-сербского и германского начал в нем заметную роль играли венгерский, греческий, восточный (турецкий), румынский и русский компоненты. Все эти элементы перемешивались, взаимодействовали, давая причудливую смесь, которая так поражала иностранцев. “А язык здесь, - писал в 1726 г. только что прибывший в эти края знаменитый русский учитель Максим Суворов, - турецко-немецко-греческо-сербский”².

В историографии неоднократно отмечалась видная роль “австрийских” сербов в исторических судьбах всего сербского народа в XIX в. Воеводину нередко называли “колыбелью сербской нации”, подчеркивали невозмож-

ность успешной борьбы за независимость Сербии без помощи собратьев из Дунайской монархии. Чтобы понять и объяснить их роль и значение в этой борьбе и в деле формирования сербской нации, необходимо обратиться к предшествующему историческому этапу. Изучение истории сербского народа под властью Габсбургов в XVIII в. дает богатый материал для выявления предпосылок того комплекса сложных и многообразных явлений, который принято называть Сербским возрождением.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают более чем столетний период с конца XVII по конец XVIII в. 1690-м годом датируется так называемое Великое переселение сербов из Турции, за которым последовало юридическое оформление статуса сербского народа в рамках Австрийской монархии, определенного “привилегиями” Леопольда I. Конечной гранью указанного периода является последнее десятилетие XVIII в., ознаменовавшееся таким крупным событием, как Темишварский сабор 1790 г. и последовавшими вслед за ним принципиальными изменениями в правовом положении и социально-политическом развитии австрийских сербов. Кроме того, рубеж XIX столетия оказался переломным моментом в истории всего сербского народа - кануном мощного национального движения, в которое оказались вовлеченными сербы по обе стороны Дуная и Савы и которое в конечном счете обеспечило достижение национальной независимости и возрождение сербской государственности.

В XVIII столетии сербское население в пределах государства Габсбургов не имело какой-либо одной компактной территории, ни тем более строго очерченных границ. Большая часть переселенцев осела в южных районах Венгерского королевства - будущей Воеводине, а также в ряде мест Центральной Венгрии и некоторых областях Хорватии. В 1718 - 1739 гг. в состав Австрийской монархии входили и исконно сербские земли - Северная Сербия с Белградом.

До сих пор в историографии преобладала тенденция раздельного изучения этих различных, а иногда и географически удаленных друг от друга групп населения. В настоящей работе делается попытка рассмотреть историю всех сербов в границах габсбургского государства вне зависимости от места их проживания и административной принадлежности. Формальным основанием для такого подхода служит тот неоспоримый факт, что все сербское население Монархии находилось под юрисдикцией единой церковной организации - Карловицкой митрополии; на него распространялись

и основы правового статуса, определенного в конце XVII в. монаршескими патентами о привилегиях.

Начало профессиональных исследований прошлого австрийских сербов связано с деятельностью Матицы Сербской. На страницах изданий этой культурно-просветительской организации с конца 1820-х годов стали публиковаться важные источники с более или менее обширными комментариями историков. Эти публикации не были в строгом смысле научными, их цель состояла прежде всего в воспитании патриотических чувств в сербском народе.

Первые попытки дать систематическую историю австрийских сербов в XVIII в. относятся ко времени революции 1848 - 1849 гг. и принадлежат перу Александра Стоячковича и Исидора Николича³. Оба автора, основываясь на трудах австрийских историков, излагали основные вехи в жизни народа, начиная с Великого переселения 1690 г. и заканчивая современными им событиями. Главным смыслом исторического развития народа они объявляли стремление к собственной государственности, которое со времен Г. Бранковича трансформировалось в идею Воеводины в Австрийской монархии.

Следующий этап в изучении истории австрийских сербов приходится на третью четверть XIX в. и связан с деятельностью историков романтической школы, самым ярким представителем которой оказался профессор Гаврила Виткович. Негативная оценка этого направления в историографии распространялась и на труды самого Витковича, которые представлялись образцом нелогичности, некритичности, субъективности и бессвязности⁴. Действительно, историк иногда допускал произвольное толкование источников, нередко пользовался непроверенными сведениями. Однако дурную славу Г. Витковичу создали клерикальные историки из-за его критики церкви и православных иерархов. Заслугой ученого, помимо его титанической работы по публикации источников, является также и то, что он одним из первых попытался сформулировать и проиллюстрировать источниками важнейшее значение Воеводины в процессе формирования сербской нации⁵.

В последней трети XIX в. романтизм, выполнив свое идеологическое назначение, связанное с задачами формирования национального самосознания и консолидации нации, постепенно уступает место новому “критиче-

скому”, или “научно-критическому”, направлению⁶, которое возглавил Иларион Руварац (1832 - 1905). В своих сочинениях Руварац большое внимание уделил критике бытовавшего еще в то время мнения о Георгии Бранковиче как подлинном потомке сербских деспотов. Его занимал вопрос о характере Великого переселения 1690 г., при этом он отвергал тезис о “приглашении” сербов и называл их “незванными гостями”. Путем анализа текстов привилегий, дарованных австрийскими монархами, ученый доказывал, что в них отсутствуют конкретные обещания о предоставлении сербам отдельной территории и права выбора светского предводителя. Эти и другие подобные “разоблачения” неизменно порождали длительные дискуссии, ученого даже обвиняли в непатриотичности⁷. Однако почти все написанное историком, в конце концов признавалось и утверждалось в науке.

В последней трети XIX в. в сербскую историографию вошел ряд талантливых и плодовитых клерикальных историков из числа священников, монахов и профессоров теологии. Многие из них называли себя последователями И. Руварца, но руководило ими не столько стремление к исторической правде, сколько желание укрепить авторитет православной церкви посредством идеализации ее роли в прошлом. Наиболее видными представителями апологетической школы были такие историки, как Д. Райкович, Р. Груич, Д. Руварац, М. Якшич, Й. Томич, Дж. и М. Вукичевичи. Ими была подробно разработана и снабжена многочисленными историческими примерами особая “церковная” концепция, которая сводилась к следующему тезису: после ликвидации в результате турецкого завоевания сербской властелы, которая выступала организатором освободительной борьбы народа, эта функция переходит к сербскому духовенству. Православная церковь “национализируется”, становится единственной выразительницей чаяний народа, связывает с ним свою судьбу, история народа становится историей церкви и т. п.⁸ Через призму этой теории трактовалась и вся история австрийских сербов в XVIII в.

Вышедшая из церковных кругов концепция “народной церкви” постепенно утвердилась и в светской историографии. Идеализация роли церкви будет особенно понятной, если помнить о том, что с утратой сербами собственной государственности православная церковь осталась их единственным национальным институтом, и признание “коллорабационизма” духовенства как бы бросало тень на многовековой период национальной истории.

В первые десятилетия XX в. в сербской исторической науке появляется ряд крупных буржуазных историков нового поколения, которые также считали себя последователями критической школы И. Рувараца: Д. Павлович, Й. Скерлич, Н. Радойчич, Й. Радонич, А. Ивич, Д. Попович, М. Костич, Ю. Хлапец и др.

Крупнейшим представителем позитивизма в сербской науке был историк литературы Йован Скерлич (1877-1914). В своем главном труде “Сербская литература в XVIII веке” он дал широкую панораму истории сербского народа под властью Габсбургов. Его выводы и наблюдения, далеко не всегда подкрепленные скрупулезным анализом источников, в большинстве своем оказались удивительно точными и во многом определили тогдашний уровень национальной историографии. Он первым обратил внимание на глубокую дифференциацию внутри сербского общества, в том числе в граничарской среде. Й. Скерлич, по сути, в одиночку противостоял апологетической школе клерикальных историков в оценке роли православной церкви в Австрии, отстаивая приоритет “гражданского слоя” в общественном и культурном развитии народа⁹.

Академик Йован Радонич (1873-1956) уже в самом начале научной карьеры нашел свою тему - история рубежа XVII и XVIII веков, в центре которой оказалась личность ложного сербского деспота Георгия Бранковича¹⁰, в котором он видел не только родоначальника новой историографии, но и основателя сербской политической теории и предтечу идеологов югославянской идеи.

Профессор истории из Суботицы Алекса Ивич (1881-1948) известен своими работами по сербским миграциям в Австрию. В отличие от утвердившегося в историографии мнения об их позитивных последствиях для развития сербской нации, историк указывал на произошедшее ослабление национального ядра сербов в его прежних этнических границах. Что же касается их судьбы под властью Габсбургов, то подчиненное положение сербов и ставшая их главным занятием военная служба, по его мнению, обрекали народ на быстрое исчезновение¹¹.

Самым плодовитым автором межвоенного периода был профессор истории Белградского университета Душан Попович (1894-1965). Наибольший интерес представляют его исследования в области конкретных историко-этнографических тем: “Что ели и пили на митрополичьем дворе?”, “Что можно было купить в лавках Белграда?”, “Одежда граничар” и т. д.¹² Д. Попович, пожалуй, первым из сербских историков обратил внимание на

повседневную жизнь и быт прошлых поколений, тем самым приблизил и сделал их понятнее современникам. В то же время его высказывания о социальной структуре, политических институтах, коллизиях общественной борьбы поверхностны и наивны; огромный статистический материал плохо упорядочен и слабо обработан. Книги Поповича напоминают объемные справочники, где собраны разнообразные и трудно соединимые сведения по самым разным темам.

В целом в межвоенный период произошло существенное расширение проблематики исследований, которая стала включать вопросы демографии, некоторые новые аспекты экономического и политического развития, проблемы формирования нации, связи Воеводины с Сербией, культурно-цивилизационную ориентацию народа. В то же время в этот период не была создана общая историческая концепция развития сербского народа в Австрийской монархии в XVIII в.

Югославская историография после второй мировой войны в методологическом плане представляла довольно пеструю картину. Ведущее положение в исторической науке продолжали занимать ученые, сформировавшиеся в довоенные годы (Радонич, Радойич, Попович, Костич и др.). Продолжали публиковать свои труды церковные историки (Д. Кашич, Д. Иванчевич). Первые работы марксистского направления, затрагивающие историю австрийских сербов в XVIII в., стали появляться в 50-е годы. При этом исследователи Р. Бичанич, М. Миркович, Н. Гачеша попытались втиснуть накопленные предшествующей историографией знания в узкие схемы “исторического материализма”. Вряд ли можно считать этот опыт удачным: выводы авторов о зарождении в XVIII в. в югославянских землях Австрийской монархии капитализма не нашли подтверждения в последующей историографии.

После второй мировой войны возобновилась дискуссия о месте церкви в жизни сербского общества под иноземной властью. В 50-60-е годы появились труды Б. Джуржева, в которых возрождалась революционно-демократическая трактовка истории церкви, идущая от Светозара Марковича¹³. В 70-е годы и позднее эту критическую линию продолжил другой историк-марксист - Никола Петрович, пишущий на материале австрийских владений. Призывая “критически пересмотреть консервативное и апологетическое отношение сербской буржуазной историографии к истории православной церкви”, он утверждает, что церковная организация после ликвидации государственности у сербов оказалась подчиненной государству за-

воевателей¹⁴. Главным недостатком этого еще не завершенного спора о роли православной церкви было то, что оценки историков базировались скорее на их общих впечатлениях, нежели на обстоятельном анализе имеющихся источников.

В течение двух последних десятилетий сербская историческая наука достигла значительных успехов в изучении истории австрийских сербов. Такие историки, как Р. Веселинович, С. Гаврилович, Г. Станоевич, Н. Гаврилович, А. Форишкович, С. Пецинячки, В. Крестич и другие опубликовали ряд серьезных исследований по истории XVIII в. Общая методологическая направленность этих произведений основывается на позитивистских воззрениях с некоторыми вкраплениями других исторических теорий, в частности, марксизма.

Наибольший вклад в изучение прошлого австрийских сербов принадлежит академику Славке Гавриловичу¹⁵. До него исследователи склонны были объяснять исторический процесс в сербских землях Австрии на уровне политических и правовых институтов, общественных столкновений и изменений. С. Гаврилович взглянул на этот процесс через призму социально-экономического подхода, что до некоторой степени сближает его с марксизмом. При этом в работах ученого нет и следа схематизма, подгонки под заранее сформулированные тезисы. Книги С. Гавриловича лишены романтического пафоса, порой перенасыщены фактическим материалом, обильным цитированием и пересказом источников, но каждая из них становится событием и значительно обогащает наши знания о прошлом.

В России первый систематический очерк истории сербов в Австрии появился только в 1865 г. и принадлежал перу русского слависта Н.А. Попова¹⁶. Несмотря на некоторые недостатки и неточности, это небольшое сочинение, по сути, “открыло” отечественному читателю историю австрийских сербов. Н.А. Попов интересовался и историей военных поселений сербов в Австрии и России¹⁷. При этом документальным материалом ему служили мемуары сербского граничарского офицера Симеона Пишчевича, которые он позднее опубликовал целиком.

Краткие сведения по истории австрийских сербов в 1860-1880-е годы можно найти также в работах обзорного или общего характера А.И. Иващенко (1831-1903), С.Н. Палаузова (1818-1872), В.И. Ламанского (1833-1914), Е.Е. Голубинского (1834-1912), И.С. Ястребова (1839-1894), В.В. Качановского (1853-1901)¹⁸. К этому же времени относятся и первые попытки осветить русско-сербские церковные, военные и политические связи. Са-

мые важные вехи в развитии этих связей на основе архивных материалов были затронуты в “Истории России с древнейших времен” С.М. Соловьева¹⁹. По преимуществу культурным контактам русских и сербов были посвящены работы И.И. Первольфа (1841-1892), В.И. Григоровича (1815-1876), Н.И. Петрова (1840-1921)²⁰. Одесский славист А.А. Кочубинский (1845-1907), основываясь на материалах “Истории” Соловьева и немногочисленных публикациях источников в российской печати, написал обширный очерк сношений России с южными славянами при Петре I²¹. Церковные связи России с сербами, преимущественно на материале XVI - XVII вв., наиболее полное освещение нашли в работах Н.Ф. Каптерева (1847-1918)²².

Большая заслуга в популяризации знаний о югославянских народах Австро-Венгрии принадлежала дипломату, историку и этнографу Л.В. Березину (1836-1889). В вышедшем в 1879 г. в двух томах труде “Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница”²³ содержались разнообразные сведения об истории, экономике, географии, природно-климатических условиях, административном устройстве, положении церкви, образовании и этнографии югославянских земель под властью Габсбургов. Имевший страноведческий уклон, труд Л.В. Березина носил компилятивный характер, тем не менее он способствовал знакомству русской читающей публики с положением и историей австрийских югославян, в том числе сербов.

В начале XX в. история сербского народа в составе Австрии затрагивалась в популярных очерках Д. Войновича, А.А. Погодина (1872-1947), Г.А. Воскресенского (1849-1918)²⁴. Проблеме русского влияния на литературу Сербского возрождения посвятил свой труд П.А. Заболотский (1877-1920)²⁵. Наиболее заслуживающей внимания работой этого периода стала книга известного слависта П.А. Кулаковского (1848-1913) “Начало русской школы у сербов в XVIII веке”²⁶.

В советском славяноведении первые работы, касающиеся истории австрийских сербов, появились только после второй мировой войны. Они принадлежали перу крупных историков - М.Н. Тихомирову (1893-1965) и С.К. Богоявленскому (1871-1947), для которых эта тема не была основной в их исследованиях²⁷. Почти весь фактический материал в этих публикациях был воспроизведен по работам российских дореволюционных историков. Общие сведения об истории Воеводины в XVIII в. содержались также в коллективной монографии о революции 1848-1849 гг., в двухтомной

“Истории Югославии” и нескольких изданиях учебника “История южных и западных славян”²⁸.

В 70-80-е годы одним из главных направлений советского славяноведения становится изучение проблемы Национального возрождения. В работах известных историков В.И. Фрейдзона, И.С. Достян, И.И. Лещиловской наряду с главными объектами их исследований (Хорватия и Сербское княжество) появляются и сюжеты из прошлого австрийских сербов. Весьма интересными и новыми представляются выводы об особенностях формирования сербской нации и анализ роли Воеводины в этом процессе, выяснение влияния состояния социальной структуры на процесс национальной консолидации и освободительное движение²⁹. Особо следует сказать о последней монографии И.И. Лещиловской “Сербская культура в XVIII веке”, впервые в отечественной науке дающей целостное представление по данной теме³⁰. Различным аспектам русско-сербских связей посвящены работы А.Л. Нарочницкого, В.М. Хевролиной и А.П. Бажовой, которые ввели в научный оборот новые источники, расширив наши представления о русско-сербских связях³¹.

Наиболее заметный вклад немецкоязычной историографии в изучение прошлого сербов в Австрии внес австрийский историк Йоганн Генрих Швикер. В центре внимания его работ находились правовое положение и политическая история сербов, которая преимущественно трактовалась им как церковная история. В рамках этого подхода историк подробно описал наиболее существенные этапы внутрицерковной борьбы, дал характеристику всем важнейшим сербским саборам на протяжении XVIII в.³².

При несомненных достижениях предшествующей историографии в изучении истории австрийских сербов все еще остаются определенные пробелы. Во-первых, сосредоточив внимание на противостоянии сербов иноземным властям, историки недооценивали степень дифференциации внутри сербского общества, разные слои которого имели несхожие интересы и преследовали подчас различные цели. Во-вторых, упрощенно изображалась социально-политическая жизнь сербского народа, в частности, явно недостаточно уделялось внимания деятельности народных саборов, их составу, кругу полномочий, эволюции этого представительного органа. В-третьих, нуждается в дальнейшем изучении комплекс проблем, связанных с историей православной церкви в Австрии, ее ролью в общественной жизни сербов на протяжении всего XVIII века. В-четвертых, вопросы правового статуса сербского населения чаще всего рассматривались в формально-

юридическом аспекте, без учета социально-психологических факторов. В-пятых, в историографии до сих пор отсутствует комплексный анализ контактов и взаимоотношений сербов как с ближайшими соседями (хорватами, немцами, венграми, румынами), так и со своими собратьями в Турции и Венеции. Нуждаются в уточнении и некоторые устоявшиеся представления о русско-сербских связях в XVIII в.

Наконец, до сих пор не появилось крупных монографических работ, дающих целостную картину развития сербского народа в государстве Габсбургов, отсутствует и единая, признанная в науке концепция этого развития. Добавим, что в отечественной историографии единственным систематическим изложением истории австрийских сербов в XVIII в. до сих пор остается упомянутый 50-страничный очерк Нила Александровича Попова, вышедший более 130 лет назад и во многом уже не соответствующий современному уровню знаний.

Все привлеченные для исследования источники по своему происхождению следует разделить на три большие группы: австрийские, сербские и иностранные, в том числе русские.

К первой группе относятся привилегии Леопольда I, дарованные сербам во время и после Великого переселения 1690 г., а также подтверждавшие и развивавшие их дипломы и патенты его преемников на австрийском престоле, которые определяли правовой статус сербского народа в государстве Габсбургов. Важным дополнением к ним являются постановления и указы различных правительственных учреждений, а также решения Венгерского государственного собрания: нормативные акты, определявшие положение жителей Военной границы; налоговое законодательство; различные урбарии; городские привилегии. Сюда же можно отнести материалы различных комиссий, которые раскрывают механизмы подготовки тех или иных решений, дают представление не о декларируемых, а о подлинных мотивах действий властей.

Следующим уровнем управления были местные органы власти в жупаниях и граничарских генералатах. Их распоряжения, а также материалы текущего делопроизводства несут наименьшую “пропагандистскую” нагрузку и ближе всего стоят к реальной жизни. Особый интерес в этой связи представляют статистические материалы - переписи населения, сведения о разверстке и сборе налогов, описи имущественного положения жителей отдельных имений, населенных пунктов и областей.

К последней, но, быть может, и самой интересной группе “австрийских” источников относятся описания сербского народа, сделанные в разное время высокопоставленными австрийскими чиновниками и предназначавшиеся главным образом для внутреннего пользования правящей элиты Дунайской монархии. Эту группу открывает знаменитая “Тайная информация” кардинала Л. Колонича 1706 г., в которой дается характеристика общественной структуры, занятий, верований, главных качеств сербов³³.

Первый специальный труд, посвященный описанию австрийских сербов, появился в 1761 г. и принадлежал перу Иоганна Бартенштейна³⁴. Сочинение предназначалось будущему императору Иосифу II, у которого автор был наставником. В работе Бартенштейна обстоятельно показана история переселения сербов в пределы австрийского государства, а отдельные главы посвящены привилегиям, административному делению, церковной организации, внутренним порядкам и обычаям сербов. В заключительной главе, которая носит знаменательное название “О пользе, которую государство извлекает и может извлечь из иллирского народа”, Бартенштейн дает своему ученику конкретные рекомендации на будущее.

То, чего так не хватало сочинению И. Бартенштейна - личных впечатлений и живых свидетельств, - оказалось главным достоинством важнейшего труда о сербах крупного австрийского чиновника Фридриха Вильгельма Таубе (1728-1778), который в 1776 г. по заданию Иосифа II специально изучал состояние сербских земель империи. В трехтомном сочинении³⁵ Таубе содержится обстоятельное описание всех хоть сколько-нибудь значимых сфер хозяйственной жизни сербов, начиная от земледелия и животноводства и кончая рыболовством и пчеловодством; много внимания уделено развитию школьного дела, верованиям, обычаям, нравам народа с непременно экскурсами в его историческое прошлое. Таубе лучше других писателей XVIII в. представлял внутреннюю жизнь сербского общества, видел его неоднородность.

Сочинение Таубе дополняет написанное десятилетие спустя Францем Стефаном Энгелем еще одно описание сербских земель, которое автор составил во время службы в Славонско-Сремской военной границе в 1786 г.³⁶ В нем даны подробные сведения об организации, правовом статусе, особенностях положения жителей Военной границы; описаны форма одежды, оружие, жилище, образ жизни сербов.

Среди сербских источников по степени важности на первое место, безусловно, следует поставить материалы, касающиеся деятельности саборов. Это решения представительного органа или составленные на их основе представления австрийским властям; протоколы, или “записники”, работы саборов; инструкции и указы депутатов и их “пленипотенции” (полномочия).

Ко второй группе сербских источников относятся разнообразные акты митрополита и его двора, собраний епископов, Синода и другие документы, исходящие от высших властей православной церкви. Помимо сугубо церковных проблем в них отразился весьма широкий круг вопросов жизни сербов-мирян. Тексты завещаний архиереев, а также хорошо сохранившиеся приходно-расходные книги митрополитов дают точное представление об имущественном положении церкви. Характеристику духовенства и отношение сербов к церкви содержат протоколы “экзаменов” священнослужителей, постановления церковных судов, распоряжения митрополитов об исправлении нравов, правила для священников, монахов, семинаристов и прихожан.

Третья и самая обширная группа документов сербского происхождения - материалы официальной и частной переписки, в которых отразился практически весь круг интересующих нас вопросов. Их дополняют дневники переписки высокопоставленных представителей православного клира. Четвертую группу составляют городские документы: протоколы и постановления городских магистратов, цеховые уставы, протоколы заседаний и решения отдельных цехов, сборники постановлений городских судов, расходно-приходные книги, ведомости уплаты налогов, пошлин, сборов. Они служат материалом как для изучения развития ремесла и торговли, так и для выяснения общественно-политической ориентации горожан, их роли в политической жизни.

К пятой группе относятся не слишком многочисленные и отрывочные эпиграфические материалы, в которых запечатлелось, говоря современным языком, общественное мнение той эпохи. Последняя группа источников включает произведения разных авторов и направленности, которые с известной долей условности можно отнести к литературному жанру. Это прежде всего жизнеописания отдельных архиереев сербской церкви, произведения автобиографического характера, мемуары. Самый значительный источник мемуарного характера - “Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича”, граничарского офицера, перешедшего на русскую

службу и дослужившегося до генеральского чина³⁷. Особое место среди литературных источников занимает “Представление Марии Терезии” 1778 г. Захария Орфелина³⁸. В нем известный сербский просветитель предлагает план реформ, а заодно рисует общую картину состояния сербского общества.

Характеризуя сохранившиеся сербские источники XVIII в., следует отметить известную неравномерность распределения документов как во времени (большая их часть приходится на 1720-1730-е годы, середину и конец столетия), так и в пространстве (преобладают документы из Вены, Белграда, Сремских Карловцев, Буды и Нови-Сада).

Особую группу источников составляют записки иностранных путешественников, посещавших населенные сербами земли Австрийской монархии в последней трети XVII - XVIII в. Среди них наибольший интерес представляют дневники англичан Дж. Уэллера (1675-1676), доктора Е. Брауна (1669), Й. Милса (1736); русских путешественников - стольника П.А. Толстого (1697-1698), паломника по святым местам В.Г. Григоровича-Барского (1724), священника И. Фальковича (1781), поэта и публициста А.С. Кайсарова (1804), а также венгерского графа Д. Телеки (1795). Излагая свои впечатления от увиденного, иностранцы подмечали прежде всего то, что отличало сербов от других народов во внешнем облике, жилище, обычаях и нравах людей. Интересны их наблюдения о социальной структуре сербского общества, отношениях сербов с другими этническими группами в районах совместного проживания. Однако в рассказах о сербах немало поверхностных суждений, преувеличений, а то и просто вымысла, что особенно проявилось в оценках степени культурного развития сербов.

В ходе работы автору удалось выявить около трехсот публикаций источников с общим числом документов свыше восьми тысяч. Они были напечатаны отдельными книгами; в специализированных исторических изданиях: “Летопис Матицы Сербской”, “Старинар”, “Споменик”, “Глас САНУ”, “Гласник САНУ”, “Граджа”, “Мешовита граджа”, “Зборник за историю”, “Зборник за книжевност и език” и др.; а также в церковных, религиозно-просветительских и общественно-политических журналах: “Беседа”, “Глас Истине”, “Сербский Сион”, “Богословский Гласник”, “Вестник Сербской православной церкви”, “Братство”, “Дело”, “Отаджбина”, “Бранково коло” и др.

Всестороннее изучение истории сербского народа под властью Габсбургов было бы невозможно, если бы не появившиеся в последние годы

фундаментальные издания источников, подготовленные академиком С. Гавриловичем, его учениками и коллегами³⁹.

Помимо опубликованных источников в настоящей работе использованы не известные ранее архивные материалы из фондов российского посольства в Вене⁴⁰: реляции послов (их общее число за столетие составило около десяти тысяч единиц), приложения к ним, которые нередко включали послания сербов русским самодержцам, прошения и письма в Коллегию иностранных дел и другие российские инстанции; частично депеши и канцелярские цыдулы. Эти документы представляют особую ценность, ибо со времени своего учреждения в 1701 году и до конца XVIII в. постоянное дипломатическое представительство России в Австрии стало для русского правительства главным поставщиком сведений о положении в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе и на Балканском полуострове. Они позволяют по-новому взглянуть на некоторые проблемы как внутреннего развития австрийских сербов, так и русско-сербских связей.

Помимо документов “Венской миссии” в работе были использованы дела из ряда других фондов РГАДА (фонд Сената и его учреждений, несколько фондов Госархива, собрания корреспонденции разных лиц и др.), АВПРИ (фонды “Внутренние коллежские дела”, “Приказные дела новых лет”, “Сношения России с Сербией и Славонией” и др.), РГВИА (фонд “Гусарское повытье”)⁴¹.

Автору удалось привлечь и неопубликованный материал из двух сербских архивов: Архива Сербской Академии наук и искусств в городе Сремские Карловцы (фонд бывшего Патриаршеско-Митрополичьего архива) и архивного собрания Музея сербской православной церкви при Патриаршеской библиотеке в Белграде⁴². Материалы сербских архивов дополнили круг опубликованных источников, особенно с точки зрения изучения противоречий и борьбы внутри самого сербского общества.

Сербские источники даются в переводе на русский язык. Документы из российских архивов воспроизводятся с использованием следующих археографических приемов: введено словоразделение и деление текста на предложения, титлы раскрыты, выносные буквы внесены в строку, введен отсутствующий в словах мягкий знак, а твердый знак в конце слов снят; вышедшие из употребления буквы заменены современными. Даты приводятся по юлианскому календарю; датировка по новому стилю специально оговаривается.

Целью настоящей работы является выявление тех специфических условий и предпосылок в социально-экономическом и политическом развитии сербов под властью Габсбургов в XVIII в., которые в более поздний период обеспечили этой части сербского народа ведущую роль в экономическом развитии, процессе становления сербской нации, формировании национальной идеологии и культуры.

Свою сверхзадачу автор видел в том, чтобы представить отечественному читателю многомерную и живую панораму общественного бытия небольшой части сербов, чья судьба на рубеже XVIII в. круто изменилась, обрекая их на нелегкое выживание в чуждой социокультурной среде, но и давая им шанс к национальному обновлению и общественному прогрессу.

Глава I

УЧАСТИЕ СЕРБОВ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА БАЛКАНАХ В КОНЦЕ XVII-XVIII в.

Турецкое нашествие на Балканы в XIV в. вызвало бурные миграционные процессы, затронувшие прежде всего сербский народ, оказавшийся на главном направлении наступления турок. По мере завоевания Сербии османами, в особенности после поражения на Косовом поле в 1389 г., сербское население стало интенсивно перемещаться на север в сторону Венгрии. Уже в правление короля Сигизмунда (1387-1437) в районе Буды и Пешта появляются сербские поселения: Сербский Ковин, Чепель, Сентандрей и другие, здесь же строится православный монастырь. Со второй половины XV в. миграционные потоки сербов за Дунай и Саву становятся постоянными. Только в одном 1480 г. из Сербии в Южную Венгрию перешло около 60 тыс. человек, тогда как местное венгерское население уходило дальше на север из-за страха перед участвовавшими турецкими нападениями¹.

После Мохачской катастрофы 1526 г. массы сербских переселенцев вновь оказались под властью Турции, присоединившей обширные районы восточной Хорватии, всю Славонию, Срем, Бачку, а затем Банат и еще 13 венгерских комитатов, включая Буду и Пешт. За время более чем полутора-векового турецкого владычества сербский элемент здесь становится господствующим. Помимо территории современной Воеводины, где сербы стали преобладающим этносом, их колонии появляются в Штирии, Истрии, Западной и Северной Венгрии, Молдавии и Валахии. Венгерские и австрийские правители охотно принимали сербов на службу, предоставляя им немалые привилегии, в том числе освобождение от некоторых налогов, свободу вероисповедания, внутреннее самоуправление².

В конце XVII в. начинается обратный процесс вытеснения османских завоевателей с Балкан христианскими государствами при лидирующей роли дома Габсбургов. Сербь вновь оказались втянутыми в конфликты великих держав и переживают несколько новых миграционных волн, имевших далеко идущие последствия для судеб сербского этноса.

1. Венская война и Великое переселение сербов 1690 г.

На протяжении XVI и XVII вв. сербы видели в Австрии христианское государство, которое боролось с мусульманской Турцией, и считали ее естественным союзником. Во время австро-турецкой войны 1592-1606 гг. они впервые восстают против турок и в последующих войнах занимают сторону Австрии, с ней связывают надежды на освобождение. Самым значительным событием в этом ряду стала так называемая Венская война 1683-1699 гг., которую вела Священная Лига против Турции.

В ноябре 1682 г. из Константинополя выступило огромное турецкое войско в поход на Вену. Это было последнее и невиданное по своим масштабам наступление османов на Центральную Европу. Летом следующего года турки осадили столицу Австрии. Однако с помощью союзника Габсбургов польского короля Яна Собеского турецкое войско было наголову разбито 12 сентября 1683 г. и обратилось в беспорядочное бегство. Вспоминая о событиях тех дней, сербский патриарх Арсений III Черноевич писал в грамоте русскому царю Петру Алексеевичу 7 (17) октября 1696 г.: “Возвращаясь через сербские пределы, треглавый змий и его отродье яростно извергают отраву, какая была предназначена областям западного немецкого царства... Многие пакости христианскому роду сотворили, во все концы земли разнеслась весть, что страна наша попала в полон, города разорены, святые церкви разрушены, а имущество наше разграблено, христианский род отведен в рабство, иные же от меча пали”³.

Между тем австрийское войско перешло в контрнаступление: были освобождены многие хорватские и венгерские земли, в сентябре 1688 г. турки сдали важнейшую крепость на Балканах - Белград, в октябре следующего года австрийцы дошли до Скопле и спалили его. Угроза нависла над султанской столицей. Однако после взятия Скопле австрийская армия утратила наступательную силу. С конца 1689 г. турки с помощью войска своего союзника - татарского хана Хаджи-Селима начинают теснить австрийцев, затем наносят им ряд крупных поражений и, наконец, принуждают к бегству. В третий раз за несколько лет война прокатывается по сербским землям⁴.

Как свидетельствуют многочисленные источники, сербский народ с 1683 г. встал на сторону Австрии. Этому в немалой степени способствовала удачно проведенная Австрией пропагандистская кампания.

Готовясь к широкому наступлению на Балканах, Леопольд I в 1687 г. направил грамоты константинопольскому патриарху с призывом совмест-

ными усилиями сбросить турецкое ярмо. Позднее австрийцы распространяли среди населения Балканского полуострова “призывные письма”, в которых сербы, болгары и другие народы брались под “цесарскую защиту”, им разрешалось сражаться под австрийскими знаменами и давались щедрые обещания народам, областям и отдельным лицам. Командующие австрийской армии докладывали императору Леопольду I, что сербы повсюду встречают их как освободителей, помогают, снабжают продовольствием⁵.

Надежды сербов нашли отражение в знаменательном факте предоставления сербским патриархом Арсением III займа Габсбургам на военные нужды в 20 тысяч дукатов⁶. Но наибольшее значение имело непосредственное участие сербов в войне. Формы этого участия были многообразны. Известны случаи массовых восстаний в зонах боевых действий. Арсений определяет число повстанцев в 50 тыс. сербов, болгар и хорватов. Кроме того, немало добровольцев сражалось в австрийских отрядах. Были сформированы и чисто сербские полки со своими командирами, достигавшие по численности нескольких тысяч солдат. Согласно различным оценкам, сербы составляли от одной шестой до одной четвертой части австрийского войска⁷. По сообщениям русского посланника в Вене К.Н. Нефимонова, сербские воины выигрывали по сравнению с немцами, проявляли чудеса храбрости и способны были выполнять самые трудные боевые задачи⁸.

Интересно, что в сербских источниках сербы рассматриваются едва ли не как равноправные участники коалиции христианских государств. Очевидец событий Афанасий Диякон Сербин так описывает действия сербов после взятия австрийским войском города Буды: “Лета 1689 собрашася немцы и сербли и угри и приидоша вси вкупе на великий Белгород и сматошася вси турки, и вся Македония возмутися и сам Царьград, и вся Сербская земля подвижеся и побегоша в горы и вси турки бежаху к Царюграду. Сербски же воины... собрашася воедино, и бысть полк велик”⁹.

Желанное освобождение от турецкого ига, однако, не оказалось ни скорым, ни легким. Сербскому населению пришлось испытать все тяготы войны, и вскоре энтузиазм, сопровождавший победы австрийского оружия в первые годы войны, сменился разочарованием, страхом и отчаянием. Эти новые настроения запечатлелись в летописных сводах. Вот типичная запись современника (1687): “Увы нам! И в этот год была лютая война, и кровь лилась рекой, и страдал христианский род от проклятых турок и немцев (!), и разбросало по всей земле сербский род”¹⁰.

Начавшееся в 1690 г. возвращение турок в Сербию сопровождалось неслыханной по жестокости расправой над местным населением. По свидетельствам очевидцев, турки “всех предавали сабле, не ища ни правых, ни виноватых”. Особенно сильное впечатление производит рассказ летописца о разорении Дечанского монастыря и окрестных сел: “И было то время жестокого страха и горя! Матерей с детьми разлучали, отцов с сыновьями, молодых в рабство угоняли, а старых секли и вешали. Люди к себе смерть призывали, а не жизнь под проклятыми турками и татарами”. В сербских источниках того времени описания турецкой мести возводятся до масштабов разорения и гибели всей земли сербской, еще более страшной, “нежели во времена султанов Мурата, Баязида и звероподобного Селима”¹¹.

Волна османского террора заставила тысячи сербских семей оставить свои родные места и спастись бегством. Вслед за отступающей австрийской армией огромные толпы беженцев двинулись на север к Белграду, а затем начали переправляться через Дунай и Саву. “Вся Сербская земля побежала к Буде - патриарх сербский и все архиереи, иноки и миряне, и весь народ христианский, - записал очевидец событий иеромонах Кирилл Хоповец. - Впереди такого множества людей шел святейший патриарх господин Арсений Черноевич, как Моисей пред Израилем через Красное море”¹². Так началось Великое переселение сербов 1690 г.

Большинство историков изображало его как организованное и направляемое движение народа, совершенное под эгидой православной церкви и предводительствуемое самим ее главой. Сторонники романтической школы шли еще дальше, рассматривая переселение как результат злонамеренной деятельности Арсения III, который “подстрекал” народ к переходу в Венгрию, действуя по заданию Габсбургов. Прямо противоположная точка зрения была высказана Илларионом Руварцем, который первым назвал исход 1690 г. “самым обычным бегством”, отводя таким образом обвинения в адрес высшей православной иерархии за свершившуюся “национальную трагедию”¹³.

Вопрос об участии духовенства в переселении 1690 г. представляется достаточно сложным. Если задаться целью выяснить происхождение тезиса о том, что переселение было совершено под руководством Арсения Черноевича, то придется признать, что истоки этой легенды восходят к самому патриарху.

Нет сомнений, что переселение началось и протекало как стихийное бегство народа, единственным мотивом которого было желание спасти жизнь. В условиях же всеобщей паники пример патриарха мог оказаться

заразительным и способствовал расширению масштабов бегства. Тем более, что вместе с патриархом передвигалась многочисленная свита, в пути к нему присоединялись другие священники и монахи, а в обозе Черноевича перевозились мощи князя Лазаря и другие сербские святыни¹⁴. Бегство патриарха придавало переселению особый смысл, делало его каким-то всеобщим, особенно если учитывать ведущее место, какое занимал глава церкви в жизни тогдашнего сербского общества.

Большинство сербов смутно представляло себе конечную цель похода. Рассказ Афанасия Сербина рисует впечатляющую картину движения огромной массы измученных людей - мужчин и женщин, стариков и детей. В дороге многие из них умирают от голода и болезней, замерзают от холода и становятся жертвами разбойников. К весне те, кто сумел перенести трудный путь, скапливаются в Белграде и его окрестностях, их положение ужасно: "И лежах трупы умерлих людей сербских по всем улицам великого Белгорода и по всем селам его и во всех путех его лежаху мртви и не бяхе погребаящаго; котори же живи хождаху и не бяхе в них видения, ни красоты человеческия, но бяху почернели от глади, и лица их бяху яко лица ефиопска, и тако скончашася и не оста десятой части людей. Оставши же избегоша от своєю земли и оставише ю пусту всю"¹⁵.

Именно в Белграде, да и то не сразу, Арсений III впервые выступил в роли предводителя беженцев. Будучи осведомленным лучше многих своих соотечественников, он хорошо понимал, что Белград - это еще не конец пути, что сербам придется идти дальше до тех пор, пока от турок их не будет отделять граница (о том, где она пройдет, тогда не мог знать никто). Патриарх сознавал, что ему самому и церкви, главой которой он являлся, придется жить в другой стране и в других условиях. Высший клир был обеспокоен обеспечением своих прав и привилегий на будущее в христианском, но католическом государстве. Вот почему патриарх постарался представить себя перед Веной единственным и законным предводителем народа, для чего нужно было, по крайней мере, создать видимость, что церковь управляет массой беженцев. С этой целью Арсений созвал в Белграде 18 (28) июня 1690 г. "духовный и светский сбор", на котором присутствовали по 14 представителей мирян и духовенства¹⁶.

Непосредственным поводом для созыва "сбора" послужило не столько стремление патриарха "узнать настроения и желания народа", как нередко утверждается в историографии, сколько необходимость отреагировать на полученные Арсением накануне личные письма Леопольда I и его Мани-

фест балканским народам от 6 апреля 1690 г. В Манифесте содержалось обещание “защиты и покровительства”, а также сохранения прав и привилегий, в том числе свободы вероисповедания, всем, кто будет способствовать успеху борьбы с турками¹⁷. Этот призыв уже не мог переломить хода войны, но давал патриарху возможность вступить с австрийскими властями в переговоры по поводу будущего сербского народа и церкви. Какого рода покровительства добивался Арсений III, видно из составленной на собрании 18 июня петиции Леопольду из шести пунктов. Весь список сербских пожеланий ограничивался исключительно предоставлением прав и привилегий духовенству: свободы деятельности православной церкви, невмешательства светских властей в церковную жизнь, освобождения сербского духовенства от налогов и повинностей, права свободного выбора патриарха и назначения им епископов и священников, права церковного суда и т. п. Причем эти права должны быть гарантированы на всей территории Габсбургской монархии - “где сейчас находятся и куда потом переселятся наши люди греческого закона”¹⁸. В Вену был направлен епископ Исаяя Джакович для вручения петиции и личного послания патриарха, в котором Леопольд торжественно именовался “венгерским и сербским королем”. Для пущей убедительности посла снабдили специальным мандатом с печатями и подписями всех участников собрания, дабы у австрийских властей не оставалось сомнений в том, что патриарх действует от имени и в согласии со всем народом¹⁹.

Пока шли переговоры в Вене и Исаяя Джакович собирался в обратный путь, турки продолжали наступать в Сербии. 6 сентября был взят Ниш, а в конце сентября началась осада Белграда. Австрийское командование ввиду явного превосходства сил противника даже не пыталось организовать эффективную оборону города: был отдан приказ об эвакуации войска через Дунай и Саву. 8 октября Белград пал. Вместе с ним стали переправляться и сербские беженцы. Вот как описывает этот последний этап переселения Афанасий Сербин: “Сербли же влезоса вси в струги и бысть стругов до десяти тысящ и побегоша вси рекою Дунаем противу воды и приидоша под град Буду, котори есть под цесарем, под турками же никто от сербов не оста, но цесарю поддашася и седоша округ реки Дуная и по иным городам”²⁰.

В исторической литературе приводятся различные цифры о численности переселившихся сербов: от нескольких десятков тысяч до полумиллиона и более. Между тем источники дают достаточно точное представле-

ние о количестве сербских беженцев. Арсений Черноевич уже осенью 1690 г. сообщал в Венгерскую придворную канцелярию о переходе на земли короны Св. Стефана более чем 30 тыс. сербов²¹. В донесении кардинала Леопольда Колонича императору Иосифу I в 1706 г. говорится, что патриарх Арсений “привел с собой 40000 душ под защиту австрийского дома”²². Эти цифры следует признать наиболее вероятными. Всего же за время Венской войны, согласно новейшим подсчетам Г. Станоевича, в Венгрию и Славонию перешло не менее 70 тыс. сербов²³.

Еще более неопределенны сведения о социальном составе участников переселения. В историографии неоднократно отмечалось, что то были “лучшие сербы”: люди “храбрые и состоятельные”, “наиболее культурные и богатые”, “национальная элита”. Естественно предположить, что среди бежавших были прежде всего участники восстания и их семьи - люди, которым было что терять при возвращении турок. Но важно подчеркнуть и другое: переселенцы были самой активной в политическом отношении частью сербского народа, имели развитое чувство национального (этнического) самосознания. По своему социальному положению это были, во-первых, все слои духовенства, начиная с высших иерархов и кончая приходскими священниками. Во-вторых, из Сербии бежало городское население (из городов Печ, Ниш, Призрен, Крушевац, Валево, Белград, Заечар, Ужице). Наконец, за Дунай и Саву переходили крестьяне, включая кнезов - представителей сельского самоуправления. Однако доля крестьянства в массе переселенцев была существенно меньшей по сравнению с его удельным весом в общей численности населения Сербии²⁴.

Абсолютное большинство сербских переселенцев конца XVIII в. распространилось по опустевшей в результате войны территории современной Воеводины. В исторических областях Среме, Бачке, большей части Бараньи к началу XVIII в. сербы оказались единственными жителями; в Славонии, равнинной части Баната и бассейне реки Мориш - доминирующим населением. Кроме того, сербские переселенцы оседали на берегах Дуная и Тисы на своем пути в глубь Европы, подальше от возможного турецкого преследования. Самые богатые и влиятельные сумели достичь окрестностей венгерской столицы и поселиться в городах Буда, Пеште и Сентандрее, Острогане, Коморане, Шопроне, Сегеде и др.

Проехавший по этим местам в 1699 г. русский посол П.Б. Возницын записал в своем дневнике, миновав венгерский город Сибенторн на половине пути от Мохача до Буды: “До сего места даже от самые Сирмии (Срема. -

Ю.К.) тамошние жители говорят по сербску и по словенску”²⁵. Помимо собственно Венгрии следует указать еще один район компактного проживания сербов. В результате успешных операций австрийского войска в Хорватии (еще в 1688 г. они взяли крепость Костайницу) и вторжения в Боснию под власть Габсбургов перешла обширная область между реками Купа и Уна, заселенная преимущественно сербским населением.

Первые годы после великого исхода 1690 г., пока еще продолжалась война, переселенцы надеялись вернуться назад в Сербию. Об этом говорил своим соплеменникам патриарх Арсений, посещая фрушкогорские монастыри; об этом не раз писали сербские иерархи, обращаясь за содействием к России²⁶. Однако таким надеждам не суждено было сбыться: шестнадцатилетняя война подошла к концу. В октябре 1698 г. в местечке Сремские Карловцы был созван конгресс для заключения мира между Османской империей и Священной Лигой. Согласно Карловицкому мирному договору, подписанному 26 января 1699 г., Австрия закрепила за собой часть Срема и Хорватии.

Таким образом, в конце XVII в. происходит крутой перелом в истории сербского народа, который во многом определил перспективу и особенности его развития на длительный срок и продолжает влиять на его современное бытие. Вызванная турецким вторжением в Европу и длившаяся несколько столетий миграция сербов на север в конце XVII в. привела к качественному изменению: в результате Венской войны 1683-1699 гг. сербский этнос оказался разделен государственными границами на две основные части - турецкую и австрийскую; третья часть народа к этому времени осела в Далмации - тогдашних владениях Венецианской республики.

Отсутствие или несовершенство статистики того времени, осложненное незавершенностью процесса этнической дифференциации балканских славян, когда религиозная принадлежность часто заменяла национальную, - все это не дает возможности сколько-нибудь точного определения численности сербов во всех трех государствах. По существующим в историографии оценкам, на рубеже XVII - XVIII веков в Сербии (без Боснии) проживало около 200 тыс. сербов; в Австрийской монархии до 200 тыс., в том числе 155 тыс. в Венгрии и свыше 40 тыс. в Хорватии; в венецианской Далмации число православных сербов достигало 40 тыс. человек²⁷. Приведенные данные, хотя и являются приблизительными, позволяют сделать вывод о том, что в начале XVIII в. на территории государства Габсбургов

оказался не малый “осколок” сербского этноса, как часто принято думать, а значительная часть сербов, сопоставимая по своей численности с оставшимися в Османской империи соплеменниками.

2. Австро-турецкие войны XVIII в. и миграции сербов в Австрию

Поражение Турции в Венской войне многим современникам казалось началом окончательного вытеснения османов из Европы. Эти настроения еще более укрепились к исходу второго десятилетия XVIII в., когда Порта вновь оказалась вовлеченной в военный конфликт с христианскими державами.

В апреле 1716 г. Австрия заключила союз с Венецией, которая с конца 1714 г. не слишком успешно отражала военный натиск Порты, стремящейся к ревизии установленных Карловицким миром границ. Летом 1716 г. австрийцы начали наступление в Среме. В начале августа “цесарская армия” под командованием принца Евгения Савойского разбила, как говорится в Грабовацкой летописи, “целый табор турецкий” под Петроварадином, а начальный визирь с янычарами “в великое бегство обратися”²⁸.

Эта победа нашла отражение во множестве сербских летописей, однако поражение и бегство турок уже не воспринималось современниками как радостное событие. Незвестный монах из Хоповской обители, рассказав о причиненном монастырю ущербе и пленении “агарянами” при отступлении многих сербов, добавляет: “Ох и люто было христианам! И сожгли они в то же лето монастырь Крушедол и деспотов (имеются в виду св. мощи деспота Уроша и династии Бранковичей. - Ю.К.) и монастырь Ремету”. Ему вторит другой безымянный автор: “И тогда выпал снег на Макавей, и был мороз, и был лед на воде в августе четвертого дня. И тогда была война повсюду, и погибель от голода и холода. И от этой беды нигде нельзя было найти теплого прибежища!”²⁹.

Настоятели фрушкогорских монастырей жаловались митрополиту В. Поповичу 7 февраля 1717 г., что жители Срема претерпевают как от турок, так и от немцев: “И беспрестанно должны мы им носить и давать, но много господ и много начальников, и каждый глядит, чтоб ему несли и давали”. Подобные настроения дали повод австрийскому генералу Петрашу заявлять, что сербы “больше любят турок, чем Его цесарское величество”³⁰.

После изгнания турок из Срема австрийцы осенью того же года заняли весь Банат и приблизились к главной турецкой крепости - Белграду, после чего военные действия были приостановлены. Весной 1717 г. 150-тысячная австрийская армия, в составе которой было и около десяти тысяч сербских добровольцев, двинулась на Белград. Форсировав в середине июня Дунай, австрийцы вступили в бой с 30-тысячным гарнизоном крепости. Осада длилась два месяца, а 16 августа произошла одна из самых значительных битв в новой истории, во время которой погибло 13 тысяч турок, а еще пять тысяч попало в плен. Потери австрийцев были на порядок меньше. Прямым следствием новой победы Евгения Савойского стала капитуляция Белграда, одновременно турки отступили по всей Сербии на юг до Ниша и на восток по течению Дуная до Оршавы. После взятия Белграда ожидалось продолжение австрийского наступления, однако в войну неожиданно вступила Испания, высадив свои войска на присоединенный ранее к Австрии остров Сардинию. Испугавшись больших осложнений, Карл VI согласился на мирные переговоры с находящейся на грани военной катастрофы Португалией³¹.

Переговоры о заключении мира между Австрией, Венецией и Турцией проходили в сербском городе Пожаревац при посредничестве английских и голландских дипломатов и завершились подписанием 21 июля 1718 г. (по н. ст.) мирного договора, установившего новую австро-турецкую границу. Австрия получала все территории, оккупированные ее войсками во время кампании 1717 г.: Северную Сербию с Белградом от устья Тимока на востоке до Дрины на западе с прохождением южной границы по реке Западная Морава; Темишварский Банат и Малую Влашку вплоть до реки Олты (Алуты) на востоке; Южную часть Срема; узкую полосу земли правого берега Савы до реки Уны³². Эти территориальные приобретения означали, что Австрия в первый раз выступила на Балканах как государство-завоеватель.

Двадцатилетний период после заключения Пожаревацкого мира был временем наибольших успехов Габсбургов в борьбе с Турцией на протяжении всего XVIII в. Для сербов победы австрийского оружия означали, помимо неизбежных в таких случаях тягот войны, еще и новые условия жизни для тех из них, которые оказались на землях, впервые вошедших в состав Австрии. Присоединение Северной Сербии и Баната привело к тому, что под властью Габсбургов, пусть и на непродолжительное время, оказалась большая часть сербского народа. К тому же жители Сербии ук-

репили связи со своими соплеменниками на венгерских и хорватских землях, что сыграло важную роль в развитии национального движения сербов в будущем.

В середине 30-х годов вновь начали ухудшаться австро-турецкие отношения, в австрийской столице время от времени стали распространяться слухи о турецких набегах и пограничных конфликтах. Об одном из них сообщал российский посол Л. Ланчинский в своей секретной реляции от 19 февраля 1735 г.: “В недавних числах были здесь из Боснии ведомости, якобы из той провинции турки в цесарскую впадши, жителей рубить и пленить стали, но потом оказались иные обстоятельства, а имянно: тамошний паша получил указ набрать 12000 человек пехоты для посылки в Персию, а понеже тамо жители от доброй части есть христиане и волей итти не хотели, то паша насильно их ловить и принуждать велел. Отчего христиане стали к границам цесарским бегом спасаться. Паша же, уведав о том, за ними несколько конницы в сугонь послал, и некоторые по пути пойманы, а иные немногие на границе при супротивлении порублены”³³.

Между тем в 1735 г. началась русско-турецкая война, которая велась Россией за выход к Черному морю и для пресечения набегов крымских татар. В союзе с Россией против Турции решила выступить и Австрия. В ее планы входили наступательные действия по широкому фронту. Австрийское войско должно было проникнуть через Сербию в глубь Балканского полуострова, захватить Боснию и Герцеговину, Албанию, а также Валахию и Молдавию до реки Прут.

Еще до официального объявления войны весной 1737 г. Австрия вступила в тайные переговоры с печским патриархом Арсением IV Йовановичем и другими высокими иерархами и заключила соглашение, предусматривающее восстание сербов в помощь австрийскому войску. В середине июля 40-тысячное войско, в составе которого были и сербские граничары, перешло границу и начало наступление в сторону Ниша; почти одновременно открылись военные действия в Боснии.

На этот раз не было столь массового участия сербов в антитурецком восстании, как во время предыдущих войн: на стороне Габсбургов сражалось от 3 до 5 тысяч сербов. Скорее всего, это объяснялось незначительными успехами австрийского оружия. После летнего наступления австрийцы уже осенью 1737 г. вынуждены были остановиться, а затем стали оставлять и завоеванные позиции. В октябре был сдан Ниш, австрийцы повернули назад к Белграду. Опасаясь скорого прихода турок, на север вновь

потянулись сербские беженцы, в том числе и сам печский патриарх Арсений IV со свитой. Они дошли до Белграда, а когда угроза нависла и над ним, стали переправляться за Дунай и Саву³⁴.

Исход войны был решен в нескольких крупных сражениях летом 1739 г., которые закончились победой турок. В начале сентября был заключен прелиминарный мир, а 18 сентября (по н. ст.) в Белграде подписан окончательный вариант договора. По Белградскому миру Австрия возвращала Турции Северную Сербию, Малую Влахию (Северинский Банат) и правый берег Савы. Таким образом, через двадцать лет после Пожаревацкого мира Сава и Дунай вновь стали пограничными реками между Турцией и Австрией.

Война 1737 - 1739 гг. вызвала новую волну переселения из Сербии в пределы Австрийской монархии. За Дунай и Саву бежали высокие иерархи православной церкви, граничары из военных поселений, участники анти-турецкого движения и простые жители городов и сел. По сообщению Арсения IV, с ним переселилось не менее шести тысяч душ, а общая цифра беженцев, вероятно, оказалась еще выше. Помимо сербов на территории современной Воеводины расселилось и несколько тысяч немцев, евреев, греков из Белграда и его окрестностей³⁵.

Белградский мир 1739 г. стал в определенном смысле поворотным пунктом в истории всего сербского народа. Бывшая доселе достаточно подвижной, подвергавшаяся неоднократно пересмотру австро-турецкая граница окончательно стабилизируется, сохраняясь в неизменном виде почти два столетия, вплоть до первой мировой войны. Однако и во второй половине XVIII в. продолжалось переселение сербов в пределы Австрийской монархии из Османских владений, причем оно в значительной мере утратило былую связь с военными конфликтами.

Вместе с сербами миграционные волны влекли за Дунай и Саву из глубины Балканского полуострова торговцев разной этнической принадлежности - греков, евреев, армян, цинцаров (фракийских влахов); за ними тянулись цыгане, закрыть доступ которым австрийские власти оказались не в состоянии, а попытки прикрепления их к земле закончились провалом. Австрийский чиновник Ф. Таубе, основываясь на собственных впечатлениях, писал в 1777 г., что сербы "каждый день" переходят в Австрию из Албании, Боснии, Сербии и других балканских земель. Кроме того, он отмечал переселение "весьма многих иллиров из венецианской Далмации", от которых государству мало проку, так как они, по его мнению, еще ленивее,

чем местные жители³⁶. Австрийские власти, особенно во время правления Иосифа II, охотно принимали беженцев из Турции, так как господствовало мнение, что благосостояние державы зависит от увеличения числа ее жителей.

Самый массовый исход сербов из Турции пришелся на период последней австро-турецкой войны 1788-1791 гг. Принявшие участие в антитурецком восстании жители Сербии вследствие военных неудач австрийской армии вынуждены были спасаться от репрессий турок бегством в Австрию. Число беженцев было столь велико, что русский посол в Вене Д.М. Голицын счел нужным отметить сей факт в своей реляции 5 (16) июля 1788 г.: “На сих днях получил я... достоверное сведение, что из турецких земель в нынешнее военное время тамошних людей разного возраста и пола до тридцати тысяч душ перешло в императорския королевския области, в которых потому от здешняго правительства приняты потребныя меры к доставлению сим выходцам пропитания и жилищ на отведенных им землях”³⁷.

3. Немецкая колонизация и сербы

Сербь не были единственным подвижным элементом в этой части Балканского полуострова. Параллельно с сербскими миграциями на север за Дунай и Саву происходило достаточно мощное встречное движение жителей ряда центральноевропейских стран в южные пределы Австрийской монархии. Причем если поток мигрантов с Балкан был в своей основе стихийным, то крупномасштабные переселенческие акции в противоположном направлении проводились с помощью и при участии государства.

Венский двор с начала XVIII в. уделял большое внимание колонизации отвоеванных у Турции областей с целью увеличения обрабатываемых площадей, укрепления торговли и увеличения числа податных лиц. Эта политика находилась в русле общего курса на централизацию, утверждение единообразия в стране с крайне пестрой экономической, культурной и национально-религиозной структурой. Особое беспокойство Габсбургов вызывали области с этнически однородным населением (такими до начала 1720-х годов в основном были сербские земли в границах современной Воеводины), на которые в первую очередь были обращены германизаторские акции властей. Всем этим целям и должна была служить программа переселения немецкого элемента в приграничные с Турцией районы Венгрии и Хорватии.

Первые немецкие поселения появились на заселенных сербами землях вскоре после Карловицкого мира. В 1702 г. была основана первая большая немецкая колония в Осиеке, а затем в Вараждине. Немало немецких семей переселилось в Баранью, опустевшую после окончания венгерского восстания под руководством Ф. Ракоци. Однако настоящий поток немцев хлынул после заключения Пожаревацкого мира в 1718 г. По плану графа Мерси колонизация Баната рассматривалась как главное условие для экономического подъема края, так как только экономически и культурно развитое население могло принести пользу казне. Первыми немецкими переселенцами становились, как правило, военные, в том числе ветераны; чиновничество; вспомогательный персонал, обслуживающий войско. За ними потянулись ремесленники и торговцы. Примерно с 1723 г. началось “великое переселение швабов” - массовая сельская колонизация³⁸.

Колонизационный процесс развивался в двух формах: государственной, плановой и приватно-спахийской, причем первая играла ведущую роль. Государственные власти заботились не только о создании новых поселений колонистов, но и поощряли внедрение отдельных немецких семей в чисто сербские или венгерские села с целью размыwania этнической компактности негерманского населения. Что же касается инициативы владельцев частных имений по переселению на свои земли новых подданных, то она получила широкое распространение во второй половине XVIII в.³⁹

С целью активизации колонизации и привлечения более широкого круга добровольцев по указам Карла VI переселенцам предоставлялись существенные льготы: они бесплатно получали земельный надел, оставаясь свободными коморскими подданными; государство оплачивало все расходы, связанные с переездом и провозом имущества; им предоставлялись льготы по уплате пошлин и дорожных сборов. По приезду на место поселения колонистам, как правило, безвозмездно передавали дома с хозяйственными постройками (пустующие или даже специально отстроенные), снабжали на первое время продуктами питания, топливом, фуражом. Наконец, переселенцы освобождались от налогов на три года, а следующие три года платили их в сокращенном размере. Ремесленникам срок налоговых льгот увеличивался до 15 лет⁴⁰.

Основная масса немецких колонистов прибывала из германских земель: Баварии, Бадена, Вюртенберга, Эссена, Эльзаса и Лотарингии, Пруссии; в меньшей степени - из Чехии, Моравии и Силезии. Не поощрялось переселение немцев с территории самой Австрии, дабы не уменьшить там числа

налогоплательщиков. Всеми способами сдерживалось проникновение в пограничные районы венгров, в противном случае утратил бы смысл план создания сербско-немецкого клина на пути их объединения с турками в антигабсбургской борьбе. Наконец, местами выхода колонистов становились не только австро-германские земли; в Сербию, Банат, Бачку и Хорватию прибывали небольшими группами иностранцы со всей Западной Европы: французы, итальянцы, испанцы, швейцарцы и некоторые другие⁴¹.

Установка властей на “фаворизацию” колонистов в немалой степени осуществлялась за счет местного сербского населения. Немцам и другим переселенцам выделялись лучшие земли вблизи рек и основных дорог, а сербы вытеснялись “в глубинку”, на песчаные почвы и окраины болот. Кроме того, освобождение “швабов” от налогов приводило в какой-то мере к увеличению налогового бремени сербов⁴².

Итоги переселенческой политики за время правления Карла VI были весьма значительными. До начала 40-х годов только в Банате было основано 52 немецких поселения, а уже существовавшие сербские и румынские села пополнились выходцами из Германии других европейских стран. За это время, по подсчетам Б. Янкулова, на территорию Воеводины переселилось 10 - 12 тыс. немцев. Практически во всех городах изучаемого региона появились и стали быстро разрастаться населенные немцами кварталы⁴³.

Несколько сократившаяся в 40-50-е годы, немецкая колонизация возобновилась в широких масштабах в начале 1760-х годов, в особенности после обнародования в феврале 1763 г. знаменитого Колонизационного патента Марии Терезии, которым переселенцам гарантировалась финансовая поддержка государства и предоставлялись значительные льготы. В развитие этого решения в 1766 г. в Вене была основана Колониальная комиссия, которая руководила немалым штатом вербовщиков, действовавших как внутри страны, так и за ее пределами⁴⁴.

Австрийским опытом привлечения иностранцев весьма интересовались в России, которая нуждалась в образованных людях, военных, искусных мастерах. Откликаясь на этот интерес, посол Д.М. Голицын в одной из своих реляций за 1766 г. описал этот процесс.

Посол сообщает, что основной поток переселенцев в Венгрию идет из разных германских провинций, которые прибывают в Вену “на собственном иждивении” и только здесь получают “денежное награждение”: “Каждому совершенного возраста холостому человеку дается шесть гульденов, а женатому девять, и буде детей имеет, то на каждого ребенка по гульдену;

прочим же людям как мужеска, так и женска полу не свыше трех гульденов”. “После того награждения, - продолжает Голицын, - отправляют их отсюда водою (Дунаем. - *Ю.К.*) в одну из провинций Венгерского королевства, называемую Темишварский Банат, лежащую при Турецких границах, где им отводят или нарочно строят дома, в которых первой год живут они без платежа, а в последующие не много платят, яко жильцы за наем домов”.

Основные льготы колонистов Голицын описывает следующим образом: “...в собственное их владение дается им потребное количество пахотной земли и на развод несколько лошадей и рогатого скота, а на шесть лет увольняются они от всяких податей, как по прошествии сего срока должны они платить, смотря по их состоянию и обстоятельствам”. Масштабы немецкой колонизации посол оценивает как очень значительные: “...так захочены люди к переходу в Венгрию, что из всех, в том числе и из самых дальних имперских округов на собственном иждивении до здешнего места в великом числе приезжают, так что более тысячи двухсот фамилий считается вышедших в одном нынешнем году из империи в Венгрию на поселение”⁴⁵.

Перечисленные князем Голицыным льготы колонистам не всегда были одинаковыми. Ф. Таубе приводит несколько другие цифры и считает их явно недостаточными, особенно слишком непродолжительное время освобождения от налогов. “И разве не удивительно, - восклицает он, - что как только истекнут свободные от податей годы, так многие из них начинают бедствовать, распродают скот, бросают свой дом и тайком исчезают”⁴⁶. В 1782 г. правительство Иосифа II значительно увеличило льготы колонистам. В частности, льготный срок освобождения от налогов и податей возрос до десяти лет, увеличилась денежная помощь, в первую очередь для ремесленников. Эти меры вызвали новую массовую волну переселенцев: только в 1784 - 1789 гг. на территорию современной Воеводины переселилось около 38 тыс. немцев⁴⁷.

Следует сказать, что качественный состав немецких колонистов был весьма пестрым. Наряду с производительным элементом переселялось немало бедняков, бездомных, авантюристов, прельщавшихся возможностью получить подъемные на переезд и исчезавших еще на пути следования к месту поселения. По отзывам Ф. Энгеля, “порядочные люди и в Германии могут найти способ зарабатывать, а в эти земли (Славония и Срем. - *Ю.К.*) прибывают только те, которые приверженны пьянству и лени почти в

такой же степени, как и местные жители”⁴⁸. Не имевших склонность к вредным привычкам ждали другие опасности. По сообщению австрийского генерала Митровского, бывшего командующим в Среме во время войны 1788 - 1791 гг., прибывшие из Германии колонисты “из-за нездорового климата и крепких здешних напитков, к которым они не были привычны, очень быстро почти все поумирали”⁴⁹.

В правление Марии Терезии была предпринята попытка сделать ставку в колонизационной политике на асоциальные элементы. По рецептам эпохи рационализма бродяг, воров, бунтовщиков и других уголовников предполагалось направлять в Банат для перевоспитания в специально созданных для этих целей мастерских. Учрежденный императрицей комитет для наблюдения за нравственностью жителей Вены усердно высылал в Банат и Славонию попадавших в его руки женщин. Блудниц предстояло приучить к труду и постепенно превратить в степенных хозяек. Из эксперимента с мастерскими ничего не вышло, но массовое переселение преступников и проституток внесло свою краску в пеструю картину демографических процессов в этом регионе. При Иосифе II эта практика была прекращена. Колонистами отныне могли становиться только люди семейные и добрые католики, что существенно улучшило прибывавшие в сербские земли кадры⁵⁰.

Немецкая колонизация, особенно в случае массового заезда новопоселенцев в какую-нибудь местность, создавала для сербского населения много неудобств, а то и превращалась в настоящее бедствие. В 1786 г. в Руму прибыло сразу 599 немецких семей, что увеличило население этого небольшого города чуть ли не в два раза. На первых порах немцев размещали в домах горожан, что давало повод ко всеобщему недовольству и конфликтам. Кроме того, сербы не без основания полагали, что с них будут собирать дополнительные суммы налогов вместо освобожденных от всех платежей переселенцев. Наконец, нередкими были случаи, когда сербское население насильственно перемещалось со своих земель, чтобы освободить место для основания немецкого поселения⁵¹.

К сожалению, в литературе отсутствуют какие-либо данные об общей численности немецких колонистов. Известно только, что за время двух самых массовых во второй половине XVIII в. миграционных волн (1768 - 1771, 1784 - 1789 гг.) на территорию современной Воеводины переселилось 12478 немецких семей, или около 55 тыс. человек⁵². Основываясь на многочисленных фрагментарных сведениях, касающихся отдельных лет и

некоторых местностей, можно предположить, что итоговая цифра была, по крайней мере, в два раза больше.

С конца 1730-х годов немцы стали второй по величине группой населения в Северной Сербии, Южной Венгрии, восточных районах Баната. На всей территории Австрийской монархии (за исключением собственно Хорватии) сербы жили рядом с немцами, с ними в первую очередь имели дело, через их посредство обучались европейским ремеслам, новейшим агротехническим методам, высокопродуктивному животноводству; осваивали навыки строительного искусства, иную бытовую культуру и, в какой-то мере, новый стиль жизни. В конечном счете, через эти контакты сербы приобщились к западной цивилизации.

Помимо немцев, которые составляли основную часть всех колонистов, в области с сербским населением прибывали и представители других народностей. Обращает на себя внимание тот факт, что среди них венгры составляли лишь незначительную часть; существенный рост венгерского населения произошел уже в XIX в.

Начиная с 1745 г. и до конца XVIII в. в южные районы Венгрии отмечался массовый приток словаков. По своему социальному положению это были крестьяне, которые покидали родину из-за тяжелого экономического положения. (Долгое время считалось, что главной причиной были религиозные гонения на протестантов, что не подтверждается новейшими исследованиями). Всего из Словакии переселилось около 20 тыс. крестьянских семей (для сравнения: по переписи 1961 г. в Воеводине проживало 73830 словаков). Воеводинские словаки жили достаточно замкнутыми общинами, плохо смешиваясь с местным населением и до конца XVIII в. сохраняли патриархальные формы жизни и хозяйствования⁵³.

Одновременно со словаками в Венгрию прибывали русины-униаты из Прикарпатья. Власти шли на это как по экономическим (заселить пустующие земли), так и по политическим мотивам (укрепить прослойку униатов и тем самым создать условия для принятия унии сербами). Русины сумели противостоять ассимиляции и до сегодняшнего дня составляют самостоятельное национальное меньшинство (около 20 тыс.) в Воеводине⁵⁴.

Населенные сербами земли осваивали и румыны-скотоводы, которые, спускаясь на равнины, занимались земледелием. Проникновение румын в сербскую среду облегчалось их принадлежностью к одной вере и церкви. Последнее обстоятельство, вероятно, заставляло австрийские власти чинить препятствия этому миграционному потоку вплоть до начала XIX в. Нельзя, однако, забывать о том, что в восточных епархиях Карловицкой

митрополии (в Банате) издавна проживало смешанное сербско-румынское население, в котором сербы составляли меньшинство⁵⁵.

Немногочисленную, но динамичную, имевшую немалое экономическое значение группу соседей сербов составляли евреи. Они проникали в монархию различными тайными путями, и их численность постоянно увеличивалась. Если в 1748 г. во всей Венгрии проживало 14850 евреев, то в 1778 г. уже 39 тысяч. Во второй половине XVIII в. практически во всех сербских городах имелось от нескольких человек до нескольких десятков еврейских семей. Евреи в Воеводине составляли прослойку мелких торговцев, трактирщиков, в некоторых местах - монополистов в изготовлении ракии. Они были ограничены в передвижении, платили все налоги, а сверх того так называемый “защитительный” налог в городах и “таксу толеранции” - по два форинта с человека в государственную казну⁵⁶.

Из других малочисленных этнических групп, селившихся среди сербов, можно упомянуть армян, цыган, чехов, итальянцев, греков и представителей некоторых других народностей как с Балканского полуострова, так и из различных стран Центральной и Западной Европы. Среди них была и довольно большая группа запорожских казаков, которые после ликвидации по указу Екатерины II Сечи обратились к австрийскому правительству с просьбой об их поселении в Военной границе. Получив дозволение Иосифа II, в 1785 г. около 8 тыс. запорожцев переселились в Австрию, в основном на территорию Баната и Бачки. Они сохраняли полное самоуправление, выбирали кошевого и куренных атаманов и получали жалование подобно остальным граничарам. Впрочем, довольно скоро запорожцы слились с окружающим населением и не сохранили особого этнического типа⁵⁷.

4. Переселения сербов в Россию

Оторвавшись от основного ядра народа и оказавшись в чужой, а зачастую и враждебной национальной и религиозной среде, сербы попытались найти поддержку в крупнейшей православной державе мира - России. До конца XVII в. связи сербов с русскими носили спорадический характер и выражались главным образом в приездах в Россию за милостыней представителей духовенства.

Начало регулярных контактов сербов с русскими дипломатами датируется рубежом XVII и XVIII веков. Они связаны с пребыванием в Вене в 1695 - 1697 гг. посланника Кузьмы Никитича Нефимонова и участвовавше-

го в переговорах о мире с Турцией на Карловицком конгрессе думного дьяка Прокопия Богдановича Возницына (1698-1699). Первым постоянным российским послом при австрийском дворе стал князь Петр Алексеевич Голицын (1701-1704)⁵⁸.

До конца XVII в. в России не выделяли сербов и славян вообще в особую группу из общей массы православных балканских народов. Первым русским царем, обратившим внимание на “славянский вопрос”, стал Петр I. Еще в 1697 г. он направил путешествовавшего с Великим посольством капитана Григория Островского в “Шклявонскую землю”. В наказных статьях ему поручалось разведать: “... под которым она государем, и много ль в ней городов и знатных мест, и многолюдна ль она, и какие в ней люди, служилые ль или купецкие, или пахотные (...), славенской ли язык употребляют, и мочно ль с ними рускому человеку о всем говорить и разуметь”⁵⁹. Присланные Г. Островским сведения о “Славянской земле” оказались весьма скудными и вряд ли могли удовлетворить любопытство царя⁶⁰.

Некоторое время спустя послу в Вене барону Урбиху было поручено собирать разные сведения о славянских народах. Урбих обращался к “разным особам в Праге”, пытался разыскать какие-либо книги о славянах, но тщетно. Единственным ученым, взявшим на себя смелость написать о славянах, оказался знаменитый немецкий философ Готфрид-Вильгельм Лейбниц. По заказу посла он составил трактат “О начале и древности славянского народа”. Впрочем, сочинение Лейбница не прояснило представления русского правительства о славянстве, а, пожалуй, еще больше их запутало, ибо автор смешивал воедино славян, сарматов, гуннов, хазар; древнейшим славянским правителем называл Аттилу и т. п.⁶¹ Между тем, в росте интереса России к “славянскому вопросу”, обусловленного в конечном счете активизацией восточной политики при Петре I, немалую роль сыграли сами балканские славяне, в особенности сербы.

С самого начала Венской войны с Балкан в Россию стали поступать письма с различными проектами, которые не могли не заинтересовать русское правительство. В мае 1688 г. печский патриарх Арсений III послал в Москву архимандрита Исая с грамотой, в которой наряду с призывом к русским царям Ивану и Петру к вооруженной интервенции против Турции содержался и целый план объединения православных народов Балканского полуострова в одну державу под скипетром русского царя со столицей в Константинополе⁶². Уже обосновавшись в Австрии, патриарх отказался от

этого утопического плана, хотя и продолжал время от времени заявлять о своей готовности переселиться вместе с народом в Россию⁶³.

Расширение связей с Россией породило большие надежды на заступничество “восточного царя” и способствовало широкому распространению культа Петра I среди австрийских сербов. Отголоски этого культа прослеживаются на протяжении многих десятилетий. Посетивший Фрушку Гору в 1876 г. известный славист В.В. Качановский обнаружил в монастыре Ремете большой портрет царя и записал широко распространенные у тамошних сербов предания о благодеяниях Петра, якобы случившихся во время его тайной поездки по сербским монастырям⁶⁴. А в “Записках” 1864 г. о путешествии по славянским землям другой славист В.И. Ламанский рассказал об услышанной им сербской песне об осаде Вены 1683 г., из которой следовало, что победе над турками Австрия обязана не Яну Собескому, а “московскому кралю”⁶⁵.

Давно назревавшее военное сотрудничество русских и сербов было отчасти реализовано в 1711 - 1712 гг. В это время Петр I не раз обращался к балканским славянам с призывами о совместных боевых действиях против Турции. В частности, он взывал к печскому патриарху Афанасию, сербам-границарам из Австрии, через сербского полковника Михайла Милорадовича обратился к черногорцам⁶⁶. Со своей стороны посол в Вене Урбих общал канцлеру Г.И. Головкину в письме от 20 апреля 1712 г. со ссылкой на того же М. Милорадовича, что православные балканские народы могут “в середине турецкаго империя великое развращение и вред учинить, ежели токмо малом чем вспоможение учинено будет; и хотя мир с турками следует, то б оных в оной включить и им генеральной пардон исходатайствовать”⁶⁷. В том же 1712 г. Москву посетил серб Дмитрий Семенов с предложением собрать против турок десять тысяч вооруженных всадников и был отпущен “к сербскому митрополиту” с соответствующими полномочиями⁶⁸.

Австрийские власти сумели на этот раз пресечь русско-сербское сотрудничество: русские эмиссары-вербовщики арестовывались, сотням или даже тысячам границар препятствовалось выезжать из страны для вступления в русскую армию. Несмотря на сильное противодействие, 157 (по другим данным - 164) сербских офицеров и солдат смогли перейти границу и присоединиться к русскому войску, разместившись впоследствии в Азовской губернии⁶⁹.

И после окончания Прутского похода интерес русской дипломатии к сербам и другим православным народам не пропал. В значительной мере он подогревался поступавшими в Москву через посредство российского посла в Вене А.А. Матвеева (1712 - 1715) проектами использования балканских славян в борьбе против Порты. Так, в январе 1713 г. посол сообщал в своей реляции подробности переданного ему “волошским секретарем” плана антитурецкого восстания. В нем говорилось, что поскольку Россия не может надеяться на скорую помощь “христианских принцов, которые как звычайно токмо сходно своих особыми интересами все чинить будут, зело нужно найти способу к поднятию бунтов между народов, турками недовольных”. Среди последних в проекте особо выделяются черногорцы - “народ, природою склонный к нападению на турок”, которому одна только “надежда о грабеже подает способ к подвигу”. Рисуя план предстоящей кампании, автор обещает “бес трудности” собрать многотысячное войско⁷⁰.

Еще более привлекательно выглядел другой, присланный Матвеевым, проект, полученный им от агента Кареты из Венеции 16 ноября 1713 г. В нем излагался план создания на Балканах 500-тысячного повстанческого войска из сербов, черногорцев и других православных народов, с помощью которого царь Петр сумел бы турок “из Европы выгнать”. Автор особенно упирал на дешевизну проекта: “...только б тем народам дать воинския припасы и генерала или иного какова начальника, который б их управлял и в добрый порядок приводил”⁷¹.

Близкое знакомство с сербами и представителями других балканских народов навело Петра I на мысль использовать их для реализации его грандиозных планов обновления российской государственности. 16 декабря 1715 г. он подписал Именной указ находящемуся в Вене резиденту Веселовскому “О приискании из приказных людей, бывших в цесарской службе и знающих славянский язык, от всех коллегий по человеку”. В указе предписывалось подобрать служащих в центральных правительственных учреждениях Австрии чиновников из славян, чтобы “они люди были добрые и могли те дела (в которых коллегиях они бывали) здесь основать”⁷². Между тем в Россию часто направлялись не такие, нужные в петровских преобразованиях люди, а разного рода авантюристы. Российский посол Генрих Гизен (Гюйсен), сообщая А.Д. Меншикову о большом наплыве разных славянских офицеров, желавших выехать из Австрии в Россию, добавлял, что его рекомендательные письма часто обманым путем

попадают к худым людям; а чтобы исключить такие случаи, он намерен в добавление к официальным документам “всегда малое описание особы и лица их посылать”⁷³.

В конце своего царствования у Петра I появилась мысль о наборе за границей единоверцев для устройства войсковых подразделений, могущих нести пограничную службу, использовав успешный опыт в этом деле Австрии. Осенью 1723 г. сербскому майору Ивану Албанезу были даны четыре универсала с призывом к сербам вступать в гусарские полки на Украине. В течение 1724 г. с Албанезом прибыло в Россию 136 человек, а всего в Сербском гусарском полку на 27 декабря 1724 г. числилось 177 человек, в том числе 109 сербов⁷⁴. Всего же, по сведениям из Коллегии иностранных дел, майором Албанезом к августу 1725 г. было набрано 278 человек, а на начало 1726 г. собрано офицеров, капралов и рядовых 337 человек⁷⁵.

Одновременно с призывами к сербам поступать на русскую военную службу российский посол в Вене Л. Ланчинский получил еще несколько высочайших указов с требованием способствовать облегчению “в налогах и отягощениях и озлоблениях сербо-словенскому народу греческого исповедания чинимых”. Однако будучи поляком и католиком, посол не проявлял большого желания хлопотать о православном населении. В своих обширных реляциях он годами не вспоминал о сербах, откликаясь только на прямые указания из Петербурга и отделиваясь в основном заявлениями, что заботу о сербах “имеет беспрестанно в рабской памяти и действительно в разведывании о тяготах их находится”. Время от времени Ланчинский намекал на то, что сведения о гонениях против сербов преувеличены. Он то с похвалой отзывался о заботах правительства о народном просвещении (“здешнему двору обучение сербского народа весьма не неприятно”), то прямо заявлял, что “тягостей им наносимых не усматривает”⁷⁶. Такая проавстрийская позиция посла не осталась незамеченной сербами и порицалась ими⁷⁷.

Между тем вербовка сербов на русскую службу продолжалась и в 30-е годы. Л. Ланчинскому приходилось участвовать в ней не по своей воле. Нежелание посла втягиваться в эту акцию можно понять. Во-первых, австрийские власти с большим подозрением относились к выезду за границу своих подданных. Еще в 1725 г. Карл VI издал указ, запрещающий всем обывателям уезжать из страны “без заблаговременного объявления причин и обстоятельств, куда, для чего и зачем из наследных наших земель выезжают”, после чего заявителю необходимо было получить специальное по-

зволнение⁷⁸. Послу приходилось затрачивать много усилий, чтобы получить от властей патенты для очередных, присланных из России вербовщиков, а потом еще и переправлять новобранцев за границу, заботясь об их одежде и пропитании, да еще и придумывать разные способы, как вывезти большее число сербов, нежели было указано в патенте (он в частности, предложил “не мундировать сербов”, дабы на границе “читать их было трудно”)⁷⁹.

Во-вторых, приток желающих служить русскому царю оказался настолько велик, что посольство временами становилось похожим на переселенческую контору, осаждаемую толпами людей. А кроме того, вербовка сопровождалась постоянными скандалами. То вербовщики, растратив полученное, начинали требовать дополнительных денег, причем посла настолько поражали запрашиваемые суммы, что, сообщая о них в КИД, он удивлялся: “...разве что писарь одним нулем прописался”. То заимодавцы обращались за компенсацией понесенного ущерба. Вербовщик Иван Божич оставил после себя 3,5 тыс. гульденов долга, который власти вознамерились взыскать с посла. Наконец, ему приходилось разбираться с разного рода самозванцами, действовавшими якобы от имени русского правительства. Так, в населенных сербами землях в 1731 г. пребывал некто, называвший себя принцем Александром Кнезовичем и подполковником русской армии. Самозванцу, который “имел при себе нарочитый экипаж”, везде “чинили всякую учтивость”, а он между тем “где мог у лехковерных людей деньги занимал и товар в долг брал”, пока не был разоблачен как “обманщик и бродяга”⁸⁰.

Все эти обстоятельства нарушали привычный и в общем-то необременительный образ жизни дипломата высокого ранга, а кроме того, придавали деятельности посла какой-то двусмысленный оттенок, вызывая как неудовольствие венского двора, так и нарекания со стороны собственного правительства. Вот почему Л. Ланчинский никогда не проявлял инициативы в сербском вопросе и на протяжении всей своей долгой службы в Вене (1715 - 1751 гг.) был сдерживающим фактором в развитии русско-сербских связей.

После Белградского мира 1739 г. участились случаи перехода сербов из Австрии в Россию. По данным Военной коллегии, в 1744 г. в сербском гусарском полку числилось 829 офицеров и солдат⁸¹. Однако по-настоящему широкий размах переселение сербов приняло в начале 1750-х годов, когда после расформирования Потисско-Поморишской границы многие сербские

граничары попытались устроить свою жизнь на новом месте. И хотя эта тема уже освещалась в литературе, вновь обнаруженные архивные документы позволяют дополнить ее новыми фактами и отчасти скорректировать утвердившиеся в историографии оценки.

22 мая 1751 г. русский посол в Австрии М.П. Бестужев-Рюмин направил царице обширную реляцию, в которой рассказал об обращении к нему “скрытным образом” группы сербских офицеров во главе с полковником Иваном Хорватом с предложением организовать переселение попавших “под редукцию” граничар на Украину. Проект Хорвата выглядел весьма заманчиво. Он обещал “набрать и в российские границы исподволь привести единственно ж православного народа целой гусарский полк в тысячу человек, которых всех полным мундиром, амуницией и лошадьми снабдит, подобно же и в дороге содержать будет на собственном коште, не требуя за то ни малейшего себе награждения”. Впрочем, об одной награде было упомянуто. Сербский полковник хотел быть пожалован чином генерал-майора пожизненно, а “по нем из детей его, кто достоин... всегда б были полковниками”. Мотивы перехода сербы объясняли исключительно своей “природной нелицеприятной преданностью к российской нации”. Посол горячо рекомендовал принять это предложение и даже торопил с ответом, ибо ходатаи “уже через третьи руки деревни и пожитки свои продавать начали”, и ежели “резолуция сюды не поспеет, в таком случае небезопасно, дабы те сербы из крайнего отчаяния не пошли в Турецкую протекцию”⁸².

Рескриптом Елизаветы Петровны от 13 июля предложение И. Хорвата было одобрено, а инициаторам переселения через посла велено было передать, что “сколько бы из их народа в нашу империю перейти похотело, всех оных, яко единовѣрных с нами, в службу и подданство наше принять охотно соизволяем”⁸³. И. Хорват и его товарищи восприняли решение царицы с “неописанною радостью”, и в начале октября 1751 г. первые группы граничар стали прибывать в Киев.

Между тем, переселенческая акция сразу не задалась. Вместо тысячи с Хорватом прибыло 77 военных, к которым в течение месяца прибавилось еще 38 служивых людей (чаще всего упоминаемая в литературе цифра 218 человек включает членов семей военных и их слуг). Только что зачисленные на службу офицеры стали требовать денег “на обзаведение” и заявили о своем желании тотчас же отправиться в Петербург ко двору, так что киевский генерал-губернатор М.И. Леонтьев не решился отказать и выдал И. Хорвату две тысячи рублей из средств, предназначенных “на ремонт

фортификации”⁸⁴. Весьма непросто складывались отношения сербов с местным населением, которое вынуждено было нести дополнительную постоянную повинность. Чтобы пресечь возникавшие конфликты, по требованию Леонтьева была разослана по всем цехам и сотням инструкция, чтобы обыватели обходились с сербами “по единоверию дружелюбно и ласково, а не грубиянски”. Киевский магистрат, со своей стороны, непрестанно слал в Сенат ходатайства об освобождении города от беспокойных квартирантов и даже снарядил в Петербург особую депутацию, которая представила в КИД целый реестр жалоб, от которых город “поносит всякия нужды, разорения, пакости и крайнее поругание”⁸⁵.

Несмотря на столь мизерные результаты переселенческой акции и протесты местного населения, Ивану Хорвату был оказан теплый прием в столице, а по указу царицы ему и сопровождавшим его офицерам выдано 6 тыс. рублей в “подарок”. На заседании Сената был одобрен его новый, еще более грандиозный план об учреждении на Украине четырех полков общим числом в 10 тыс. человек. На каждого завербованного новоиспеченный генерал должен был получить по 10 рублей на обзаведение, а под их поселение отводились обширные территории по правому берегу Днепра, получившие название Новой Сербии, где Хорват становился единственным и полноправным правителем⁸⁶.

Реализация проекта И. Хорвата была обречена на неудачу. Дело в том, что австрийские власти всегда с неодобрением относились к выходу своих подданных в чужие государства. Посол Г. Кейзерлинг, сменивший главного организатора переселения сербов Бестужева-Рюмина, разыскал и прислал в КИД монаршеские указы 1725 и 1744 гг., которые вводили сложную процедуру получения разрешения на выезд. С начала 50-х годов препоны для миграции австрийских подданных стали умножаться. По сообщениям российских послов, сербов облагали дополнительными налогами и пошлинами, не разрешали продавать недвижимую собственность, препятствовали вывозу членов семей и слуг. Тех же, кто пытался покинуть страну нелегально, повелевалось “в здешних землях арестовать, сажать в тюрьмы и отдавать в публичные работы”. Наконец 16 ноября (по н. ст.) 1763 г. был обнародован манифест Марии Терезии, которым жителям государства запрещалось уезжать из страны под страхом наказания каторжными работами на срок от 5 до 10 лет и даже смертной казни за троекратную попытку. Те же, которые “в подговаривании подданных к побегу изоблечены”, приговаривались к повешению, а доносителям выдавались щедрые награды⁸⁷.

Трудности с набором добровольцев в Австрии заставили И. Хорвата пойти на всяческие ухищрения. Дело осложнялось тем, что русское правительство вскоре заключило подобное же соглашение с другими граничарскими офицерами И. Шевичем и Р. Прерадовичем, которые также получили генеральское звание и основали на Украине так называемую Славяно-серию. Всем троим надо было как-то комплектовать полки: в наличии было несколько сот людей, а требовались тысячи. Началось взаимное переманивание солдат, в полки стали записывать “сербам” местных жителей, беглых крестьян и всяких случайных людей⁸⁸.

Злоупотребления и приписки со временем приобрели такой размах, что по указу царицы в 1762 г. началось следствие. Только доказанная сумма расхищенного И. Хорватом составила 124613 рублей 1/4 коп. После двухлетнего разбирательства военный суд приговорил “учинить ему, Хорвату, смертную казнь, повесить, а деревни его все описать на Ея императорское величество”. Екатерина II своим указом от 1 декабря 1764 г. заменила казнь ссылкой в Вологду⁸⁹.

Следственное дело И. Хорвата интересно прежде всего тем, что позволяет определить реальные масштабы переселения австрийских сербов в Россию в середине XVIII в. В историографии приводятся на этот счет разные цифры: от нескольких десятков тысяч до миллиона и более⁹⁰. Между тем в ходе следствия была проведена перепись сербских поселений на Украине, из которой выяснилось, что в декабре 1763 г. из 26740 жителей мужского пола в Новой Сербии сербам были всего лишь 1043 чел., то есть менее 4 %. В поселениях Славяносербии этническая принадлежность не проверялась, но зато выяснилось, что вместо 4264 человек, положенных по штату, в полках состояло 1264 человека⁹¹.

Следует подчеркнуть и то, что в отечественной историографии несколько преувеличивается степень бескорыстия сербских граничар, которые якобы стремились в единоверную Россию из-за религиозных гонений и других притеснений в Австрии. Истинные мотивы переселения были проще. О них откровенно поведал в одной из своих реляций Д.М. Голицын: “...всяк же, кто ни является, требует денег, а без того ни одного охотника к выходу в Россию не сыскивается”⁹².

По этой же причине у И. Хорвата оказалось немало последователей, которые время от времени обращались с предложениями нанять для России кто сто, кто тысячу сербов. В Коллегии иностранных дел даже высчитали, что российский рекрут, подготовка которого обходилась казне в

200 рублей, гораздо дороже завербованного за границей солдата, чья доставка стоила всего 60 гульденов⁹³. Самый грандиозный из подобных проектов был представлен Екатерине II 15 июня 1769 г. выходцем из Черногории генерал-майором Иваном Подгоричани. В нем предлагалось создать на Балканах повстанческое войско для борьбы с Турцией, причем автор брался набрать до *пятидесяти* полков (всем им были придуманы особые названия, что должно было указывать на основательность замысла). Но и это число генерал не считал слишком большим, обещая “и больше полков и легионов уформировать, естли щастием Вашего величества вперед войска пойдут”⁹⁴.

Главной целью инициаторов подобных проектов было желание получить доступ к государственной казне. Первоначальные же расчеты относительно дешевизны набранных за границей воинов абсолютно не оправдались. Из доклада Н.И. и П.И. Паниных царице 22 марта 1764 г. следовало, что на Новую Сербию с момента ее создания было употреблено 700 тыс. руб., но образование оказалось неэффективным в военном отношении и “казне в тягость”. Еще более критично сказано в подобном докладе генерала Вильбоа о Славяносербии. Казенные деньги, по мнению генерала, тратятся напрасно, а “все рядовые не токмо в надлежащем мундире и с лошадами в поход, но и в своих жилищах, за неимением рядочной одежды” не могут нести военной службы, а также “большому сомнению подвержено, чтоб исправно к пограничному укреплению сии полки могли служить”. Прямым следствием этих выводов стала ликвидация в 1764 г. Новой Сербии и Славяносербии, влившихся в состав обычных российских губерний⁹⁵.

Достигшая своего пика в 50-е годы миграция австрийских сербов в Россию постепенно пошла на убыль и до конца XVIII в. не носила более массового характера.

Несмотря на явное преувеличение масштабов переселенческой акции середины 50-х годов и ее значения для укрепления военного потенциала России, она имела важные социально-психологические последствия для сербов. Поступая на русскую службу, они долгое время сохраняли живые связи со своей родиной. Через переписку, частые поездки друг к другу, множившиеся в народе подлинные и мнимые истории о богатстве, невероятной карьере, почетных титулах и влиятельных должностях своих соотечественников на русской службе - через весь этот необычно расширившийся поток информации Россия неожиданно приблизилась к сербам, из далекой

северной страны превратилась в геополитическую реальность. Если после Великого переселения 1690 г. единственной альтернативой Австрии для сербов долгое время оставалась Турция, что заставляло их мириться со своим неполноправным положением под властью Габсбургов, то во второй половине XVIII в. они обретают новую опору в лице единой России. Сама возможность уехать в Россию и тем самым обрести лучшее будущее для себя и своих детей укрепляла чувство национального достоинства, формировала новое самоощущение австрийских сербов, способствуя их национальной консолидации.

Каковы же были результаты тех многообразных демографических процессов, в которых, часто не по своей воле, приходилось участвовать сербам в конце XVII - XVIII в. и какая часть народа в итоге оказалась в границах габсбургского государства?

И. Бартенштейн в 1761 г. оценивал общую численность “иллиров” в Австрии в 1,5-2 млн. чел., однако помимо сербов он относит к иллирам и православное румынское население, и славян-униатов⁹⁶. Первые относительно точные сведения о численности сербов в Австрии дала перепись 1797 г., когда на всей территории Венгрии, включая Хорватию, было зафиксировано 678505 православных сербов, одна половина которых проживала в Военной границе, а другая - в жупаниях. Таким образом, за сто лет, по сравнению с концом XVII в., число сербов увеличилось в 3-4 раза. С учетом того, что небольшие сербские колонии имелись в Вене, Словении и других наследственных австрийских землях, итоговая цифра численности сербов во владениях Габсбургов на рубеже XVIII и XIX веков должна была быть несколько больше и составлять приблизительно 700 тыс. человек⁹⁷.

Было бы интересно сопоставить численность “австрийских” и “турецких” сербов. Некоторое представление об этом дают сведения, относящиеся к более позднему периоду. По переписям 1846 - 1847 гг., на территории Венгрии проживало 896902 серба, тогда как в Сербском княжестве - 892315 человек (без учета турок и цыган)⁹⁸. Таким образом, в XVIII в. в Дунайской монархии оказалась довольно значительная часть сербского народа, вполне сопоставимая по численности с населением ставшего вскоре на путь завоевания независимости Сербского княжества.

Размещение сербов на территории государства Габсбургов на протяжении XVIII в. претерпело некоторые изменения. Во-первых, произошло резкое сокращение численности сербов в румынских областях Баната. Во-

вторых, под воздействием сначала немецкой, а затем и венгерской колонизации сербы были в значительной мере вытеснены из Центральной Венгрии, северных районов Бачки и Бараньи. Все это привело к тому, что они оказались в основном сосредоточены в границах современной Воеводины, а также в граничарских крайних Хорватии и Славонии⁹⁹. При этом в результате разнообразных миграционных процессов здесь сложился чрезвычайно пестрый в этническом отношении состав населения.

Сербы соприкасались со многими этносами, обладающими своими, зачастую весьма отличными, образом жизни, языком, культурой и верованиями: хорватами, немцами, венграми, румынами, евреями и другими. Причем национально-религиозная пестрота увеличивалась с запада на восток: от преимущественно двунациональной (сербо-хорватской и православно-католической) Хорватии до основного района сосредоточения сербов в Южной Венгрии (позднейшей Воеводине), ставшей в XVIII в. зоной контакта множества наций и культур. Во всех районах Южной Венгрии (за исключением собственно Хорватии) сербы оставались доминирующим элементом, составляя от 2/3 до 3/4 всех жителей¹⁰⁰.

Глава II

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕРБОВ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ

1. Привилегии Леопольда I и юридический статус сербского населения на рубеже XVII и XVIII вв.

За свои заслуги в борьбе с общим врагом сербы с XIV в. получали от австрийских и венгерских правителей различные привилегии, облегчавшие их положение. В качестве главных обычно рассматриваются

Привилегии Леопольда I, дарованные сербским переселенцам во время Венской войны в 1690 - 1695 гг., которые стали основой юридического статуса сербов в габсбургском государстве на многие десятилетия вперед.

Особое место среди них занимает первая Привилегия от 21 августа 1690 г. В ней монарх заявляет, что поскольку сербы признали его своим законным королем и в войне с неприятелем доказали свою верность, он принимает их “всех вместе и поодиночке под императорскую и королевскую защиту”. А для того, чтобы сербы с самого начала почувствовали, как говорится в грамоте, “благость и сладость нашей власти”, Леопольд милостиво даровал сербам следующие привилегии.

Во-первых, им гарантировалось право свободного исповедания своей веры “по сербскому обычаю восточной церкви греческого обряда и по прописям старого календаря”. Во-вторых, сербам предоставлялось право “свободно собственной властью из сербского народа и языка поставлять себе архиепископа, которого будет избирать между собой церковное и мирское сословия”. В-третьих, определялась юрисдикция архиепископа “над всеми восточными церквями греческого обряда”, в том числе право назначать епископов и священников; “где нужно будет, по собственной воле церкви строить”; право церковного суда, право “канонических визитаций” (то есть инспекционных поездок архиереев по епархиям). В-четвертых, все православное духовенство освобождалось от уплаты десятины, податей и постоя, или “квартирной повинности”. Дополнительные привилегии от 20 августа 1691 г. и 4 марта 1695 г. подтверждали первую, расширяли власть главы сербской церкви на светские дела паствы и закрепляли

организацию православной церкви на территории Монархии в составе семи епархий¹.

Нетрудно заметить, что все содержащиеся в грамотах Леопольда права и привилегии относились к православному духовенству и в первую очередь касались высшего клира. Это и не удивительно, ведь текст привилегии 1690 г. был выработан на основе предложений сербского патриарха Арсения III Черноевича в ходе переговоров с венским правительством. Патриарх запросил даже меньше, чем было обещано в “призывном” Манифесте императора от 6 апреля того же года, который предусматривал выбор своего воеводы и собственное управление.

Издание привилегий означало победу концепции Арсения III о ведущей роли церкви в жизни сербского общества. Что же касается австрийского правительства, то оно решилось удовлетворить практически все просьбы сербского духовенства, исходя как из тактических соображений, так и долгосрочных перспектив. Привилегии были дарованы в ходе войны, то есть в условиях неопределенности, более того, во время неудач австрийского войска. В этой ситуации перед венским двором встала задача как-то урегулировать проблему огромной массы сербских беженцев и с максимальной выгодой их использовать. С одной стороны, сербы продемонстрировали свою приверженность Габсбургам, поднявшись на борьбу с турками, с другой - являлись в глазах австрийских чиновников варварским народом, единственным организующим началом которого выступала церковь. Вполне естественно, что венский двор сделал ставку на привлечение на свою сторону православного клира и даже пошел на ущемление интересов казны, освободив сербское духовенство от налогов. Щедрость Вены объяснялась и далекоидущими стратегическими соображениями. Габсбурги намеревались использовать сербов, зарекомендовавших себя отличными воинами, для охраны границы с Турцией, а кроме того, сербы, расселившиеся на большей части территории Венгрии, могли сыграть роль противовеса антигабсбургской оппозиции.

Последняя задача облегчалась тем обстоятельством, что исходя из так называемого “права меча”, габсбургский двор отверг требования венгерского дворянства о возвращении их прежних владений, придав этим территориям статус “вновь присоединенных”, или “новозавоеванных”. Это означало их превращение в государственные, или коморские², владения. Непосредственно Вене подчинялась и Военная граница - особый вид военно-территориальной системы в пограничных областях. Таким образом, на ока-

завшихся формально в составе земель короны Св. Стефана вновь присоединенных территориях утвердилась австрийская государственная организация со всеми отличиями режима абсолютистского типа. Источником права для сербов после 1690 г. была абсолютная власть императора, который посредством декретов, рескриптов и патентов решал важнейшие вопросы жизни сербов в Австрии³.

Для упорядочения управления новыми районами Венгрии, Хорватии и Славонии была создана особая Придворная комиссия (Neo-acquistische Hofkommission) во главе с примасом Венгрии кардиналом Леопольдом Колоничем (1631 - 1707). Непосредственная власть над сербским населением, за исключением граничар, первоначально принадлежала Будимской коморской инспекции, которая позднее стала именоваться Будимской коморской администрацией. Низшие коморские власти, с которыми сербские поселенцы имели прямые контакты, - провизораты, во главе с провизорами и префектами. Причем практически все коморские чиновники были немцами, очень редко - венграми или хорватами⁴.

Привилегии Леопольда I распространялись на все сербское население монархии, однако австрийские власти уже в первые годы предприняли попытки ограничить их действие переселенцами, пришедшими с Арсением Черноевичем. Вена пыталась оспорить юрисдикцию патриарха, прежде всего в отношении православного населения в Хорватии, ссылаясь на якобы утвердившуюся там унию. На самом деле сербы Хорватской (Марчанской) епархии с момента ее возникновения в начале XVII в. оставались приверженными православию. И когда Арсений III в 1693 г. вопреки явно недоброжелательному отношению Вены совершил путешествие в Хорватию, всюду его с воодушевлением встречали соотечественники как своего истинного главу и защитника⁵.

Отказаться от деления сербов на старо- и новопереселенцев австрийское правительство заставили, в конечном счете, практические соображения, а именно: затруднительность такого разграничения, которое с годами становилось попросту невозможным.

Одним из наиболее важных пунктов сербских привилегий было обещанное в Манифесте Леопольда I право выбора собственного воеводы. Самым реальным претендентом на эту роль оказался Георгий Бранкович (1645-1711). Родом из богатой семьи, проживавшей в Венгрии, Георгий рано остался без родителей и воспитывался под руководством старшего брата - Семиградского митрополита Саввы II. Ему предназначалась карье-

ра дипломата, которую он начал переводчиком в Константинополе (помимо турецкого Бранкович знал латынь, венгерский, румынский и старославянский языки). В самом начале Венской войны Леопольд I, лихорадочно искавший союзников в борьбе с Турцией, издал диплом, которым братья Бранковичи провозглашались венгерскими баронами. Чуть позднее Георгию удалось за 150 дукатов получить от патриарха Арсения III подтверждение, что он потомок древних сербских правителей. Наконец, в 1688 г. австрийский монарх специальной грамотой признал Георгия Бранковича наследником сербских деспотов и возвел в графское достоинство⁶.

В том же 1688 г. Бранкович представил венскому двору обширный мемориал о создании Иллирского Королевства, в состав которого вошли бы православные народы Балканского полуострова. Претендуя на роль правителя в новом государственном образовании, он соглашался признать верховенство Габсбургов и обещал оказать им полную поддержку в борьбе с турками⁷. Эта была первая после Османского завоевания Сербии программа возрождения государства под покровительством Австрии.

Пытаясь приблизить ее осуществление, в апреле - мае 1689 г. Бранкович с несколькими сотнями вооруженных людей поднимает антитурецкое восстание в Оршаве, откуда обращается с призывом о поддержке ко всему сербскому народу, называя себя "самодержавным деспотом земли Славяно-сербской и всего Иллирика"⁸.

Инициатива Бранковича, не согласованная с командованием австрийской армии, вызвала большое недоверие у венского двора: в ней усмотрели действия, способные задеть права династии. Опасения были столь основательны, что Леопольд I потребовал от командующего армией принца Людвиг Баденского "искусно зазвать его (Бранковича) под каким-нибудь предлогом к себе, а если нужно будет и арестовать". Пожелание императора было тотчас исполнено. С момента ареста в октябре 1689 г. и по день смерти 19 декабря 1711 г. Г. Бранкович провел в заключении сначала в Оршаве, затем в Сибине, Вене и чешском городе Хебе⁹.

Арест лже-деспота отсрочил развитие конфликта, который позднее станет определять политическую жизнь сербского общества под властью Габсбургов. Выступив в качестве идеолога учреждения светской власти, Бранкович впервые посягнул на притязания православной церкви, считавшей себя единственным представителем сербского народа. В написанных им в заключении "Славяно-сербских хрониках" он резко выступает против светской власти патриарха, называет Арсения III "Иудой Искаротским",

обвиняя его и в собственных злоключениях. Бранкович первым стал открыто критиковать выгодные лишь духовному сословию привилегии, считая, что они получены только благодаря “безумному вожделению и много-непотребному разорительному подкупу”¹⁰.

Между тем заключение под стражу только способствовало росту популярности мнимого деспота в народе, который два десятилетия вел борьбу за его освобождение. В Вену снаряжались целые делегации, потоком шли прошения в защиту “выбранного и признанного господаря нашего”, монарха просили освободить пленника, что “сильно утешит весь народ сербский”. Все старания оказались тщетными! Только через 32 года после смерти Бранковича сербы получили от Марии Терезии дозволение перенести его тело и захоронить в монастыре Крушедол, рядом с могилой его идейного противника патриарха Арсения Черноевича. Позднее, во время движения Омладины, в Воеводине возник настоящий культ Бранковича, которого стали считать своим знаменем идеологи буржуазного класса¹¹.

В ответ на требования об освобождении Бранковича венские власти еще в 1691 г. предложили сербам выбрать себе вице-воеводу (Vice-Ductor). На эту роль подобрали подходящую кандидатуру - полковника Йована Монастырлию, командовавшего сербскими частями в войне с турками. Монастырлия был представлен патриарху, спешно созвавшему в Буде собрание “народных старейшин”, которое и одобрило назначение. Как венгерский гражданин Монастырлия не имел тесных связей с сербскими переселенцами, даже жил далеко от их поселений в своих имениях, подаренных ему Леопольдом I за отличную службу. В течение 15 лет этот человек должен был служить доказательством того, что Габсбурги выполняют свои обещания. Не сохранилось никаких свидетельств того, что вице-воевода был признан в народе своим предводителем, а его гибель в 1706 г. во время охоты не вызвала какого-либо отклика в сербском обществе. После смерти Монастырлии Иосиф I специальным декретом вообще запретил сербам избирать вице-воеводу¹².

Таким образом, в результате согласованных действий Арсения Черноевича и австрийских властей победила линия на закрепление ведущей роли церкви в жизни сербов-переселенцев. Устранение графа Георгия Бранковича - идеолога светской власти и возрождения сербской государственности - было личной победой патриарха с его теократическими устремлениями. Поощряя эти устремления, Габсбурги, разумеется, преследовали свои цели. Они надеялись на скорое осуществление унии сербов с католической

церковью и, в конечном счете, на превращение православной церкви в часть австрийской государственной машины. Особая роль в этих планах отводилась патриарху Арсению. Уже в 1695 г. высший православный клир получил от Вены право сбора десятины со своих прихожан, патриарху передано в подарок от императора имение Сирач в Славонии, а через два года замок Сечуй стоимостью 23,5 тыс. форинтов под резиденцию. С середины 90-х годов ему же выплачивалась государственная дотация в размере трех тысяч форинтов ежегодно. Сохранились многочисленные жалобы Арсения во все инстанции о задержках в выплате “жалования” и просьбы об увеличении его с трех до четырех тысяч. Когда сумма недоплаченных патриарху из государственной казны денег достигла 20 тыс. форинтов, Иосиф I передал ему в качестве компенсации Дальское имение - одно из лучших в Славонии¹³.

На особые отношения патриарха с австрийским правительством ясно указывает “тайная информация” кардинала Л. Колонича Иосифу I 1706 г. о положении сербов. Сообщая об огромном авторитете Арсения среди своих соотечественников (“одного его взгляда достаточно, чтобы весь этот народ как на доброе, так и на злое дело повернуть”), информатор доверительно подчеркивает полную преданность Арсения III австрийскому дому и рекомендует удовлетворить все личные просьбы Черноевича о присвоении ему звания цесарского советника и титула князя Албании, а также касающиеся его финансовых обстоятельств: “Пусть все, что относится до его персоны, брата его Джорджа и всей его семьи, полностью утвердится”. Обращает внимание и слишком фамильярный тон, в каком Колонич пишет об особе церковного предводителя, советуя императору “через верного человека со стороны двора как следует припугнуть патриарха - человека необразованного и боязливого” с тем, чтобы тот поумерил пыл в защите чистоты православной веры¹⁴. После смерти Арсения Черноевича в 1706 г. сербам запрещалось избирать патриарха, а глава православной церкви в Австрии стал именоваться митрополитом и архиепископом.

Вопрос о том, кто будет представлять сербов перед центральным правительством, имел еще один аспект, а именно - способ избрания своего предводителя. Согласно Привилегии от 21 августа 1690 г., сербы могли самостоятельно выбирать церковного главу, причем это право принадлежало одновременно духовному и светскому сословиям. Однако воспользоваться им после смерти Арсения III оказалось непросто. Во-первых, высший клир сначала хотел вообще обойтись без созыва собрания (сабора) ду-

ховенства и мирян. Епископ Исаяя Джакович, которому патриарх еще при жизни “стадо препоручил”, в начале ноября 1706 г. разослал по епархиям письмо, в котором предлагал составлять грамоты в пользу выбора нового архипастыря: “И напишите так: мы все, нижеподписавшиеся, выбираем всем народом, как духовным, так и светским, себе предводителя и учителя, а имя не называйте, только место оставьте”. Эти грамоты надлежало присылать в Вену, где тогда находился Й. Джакович, для представления двору “народных чаяний”¹⁵. О том, чье имя собирался вписать в пустые формуляры, Джакович тактично умалчивал. Такое келейное решение, однако, не устроило многих. Сербь из Будимского округа ответили в том духе, что против епископа Исаяи ничего не имеют, но хотели бы решить вопрос об избрании преемника почившего патриарха “саборно”. С этой же просьбой они обратились к императору.

Первый выборный сабор состоялся в Крушедольском монастыре 6 (18) января 1708 г. с участием 106 депутатов от всех сословий. Под нажимом властей митрополитом был избран угодный Вене И. Джакович, однако депутаты настояли на включении в текст присяги новоизбранного церковного главы еще одного важнейшего пункта: “Каждый год в день сошествия Святого Духа собирать сабор и по старому обычаю договор и духовное рассмотрение иметь единодушно, а самому по себе ничего не совершать”¹⁶. Это положение давало жизнь важнейшему общественному институту - сабору, который на протяжении XVIII в. играл исключительную роль в политической жизни сербов под властью Габсбургов. В привилегиях Леопольда I сабор не упоминался, но содержалась возможность его проведения с единственной целью - выбора главы православной церкви. Предложение о регулярном созыве общенародного сабора, исходящее от светских депутатов, было направлено на ограничение самовластия высшей иерархии, а кроме того, являлось попыткой создания своеобразного органа реальной автономии сербского народа в монархии. Оно, разумеется, не могло встретить одобрения со стороны австрийских властей. Так, кардинал Колонич советовал Иосифу I не допускать свободного проведения саборов, поскольку весьма опасался, что на них могли бы сербы “приходить к разного рода злонамеренным умозаключениям”¹⁷.

Следующим связанным с привилегиями вопросом было стремление сербов получить в рамках государства Габсбургов отдельную национальную территорию. Еще в ходе Венской войны сербским переселенцам стало ясно, что они нескоро вернутся в свое отечество. С другой стороны, пер-

вые столкновения с австрийскими и венгерскими чиновниками, католическим клиром показали недостаточность одной церковной автономии. Наконец, у венского правительства первоначально также имелись свои планы расселения, не устраивающие сербов. Все это послужило причиной проведения вначале 1694 г. в местечке Байя народного собрания под эгидой патриарха и вице-воеводы, на котором решено было просить монарха о выделении сербам особой территории в так называемой Малой Влахии в междуречье Савы и Дравы. В ответ сербам разрешено было селиться в этой и некоторых других областях, но в декрете Леопольда I и речи не было о какой-либо административной автономии¹⁸.

В 1706 г. патриарх Арсений в челобитной императору от имени всего народа повторил просьбу об отдельной территории, включив в нее помимо Малой Влахии всю Славонию, Срем и другие прилегающие к ним земли. Кардинал Колонич, занимавшийся разбором сербских требований, записал в комментариях для императора: “Опасаться следует, чтобы этот народ не соединился в одно целое, так как и в нынешнем разделенном состоянии свой необузданный нрав проявляет и всяческие причуды чинит, а что бы могло случиться, если бы никто не смог удержать его в повиновении и мятежам никогда бы не было конца - эта их совместная жизнь дала бы им огромную силу”. Приведя примеры своевольного поведения сербов, Колонич заключает: “Вот почему самое лучшее - оставить их там, где сейчас находятся, чтобы и дальше жили они перемешанными с венграми, а так они взаимно ненавидят друг друга, будет один народ за другим присматривать, чтобы не смогли свершиться дурные и опасные намерения кого-либо из них”¹⁹.

На первом народном саборе 1708 г. просьба была повторена в петиции депутатов Иосифу I. Однако эта и все другие подобные обращения сербов остались без ответа, и только во время революции 1848 г. удалось провозгласить Сербскую Воеводину в составе Австрийской монархии²⁰.

Важное место в борьбе за укрепление своего статуса занимало стремление сербов получить собственное представительство в различных органах государственной власти. Еще в послании Черноевича Иосифу I было сформулировано пожелание иметь при Венгерской Придворной канцелярии двух сербских советников, которые должны были “представлять сербский народ во всех делах, защищать и оберегать его от венгерской злобы и пакости”, и “без их ведома не могли бы приниматься решения, касающиеся жизни народа”²¹. В петиции Крушедольского сабора 1708 г. императору

сербы требовали, чтобы их народные представители участвовали в работе Хорватского сабора и Венгерского государственного собрания²². Все эти и другие подобные просьбы оставались без ответа.

Помимо общенародных привилегий австрийские власти издавали привилегии для отдельных территорий, городов, ремесленных цехов. Эта группа документов касалась прежде всего вопросов местного самоуправления. Сербы, в частности, получали право жить под управлением собственных выборных магистратов, иметь своих судей, пользоваться рядом торговых и налоговых льгот, а в некоторых случаях и сербским языком в качестве официального²³. Общее количество адресованных сербам патентов и дипломов уже в первые годы после Великого переселения исчислялось десятками и постоянно увеличивалось. Кроме того, дарованные “навечно” привилегии надо было время от времени подтверждать, например, в связи с воцарением нового монарха. Складывается впечатление, что австрийские чиновники часто сами затруднялись определить, действительно ли сербы получали ту или иную привилегию. С этим была связана и рекомендация Л. Колонича императору затребовать у сербов оригиналы привилегий, чтобы их “изучить на комиссии”. “Если таковые привилегии, - пишет далее Колонич, - нельзя ни изменить, ни сократить... надо их такими темными выражениями и двусмысленными словами изложить, которые бы в разное время, сегодня так, а завтра по-другому, могли пониматься и толковаться”²⁴. “Сегодня что-нибудь дадут, - обиженно заметил об этой практике патриарх Арсений III, ~~Сам австрийцы относятся к своим~~ привилегиям с величайшим вниманием. Императорские патенты тщательно оберегались и многократно переписывались, а на саборе 1726 г. было принято даже специальное решение: хранить оригиналы привилегий в особом сундуке с тремя замками, ключи от которых вручались отдельно представителям от духовного, военного и поместного сословий”²⁶.

Особо следует сказать о положении сербов-граничар. Институт Военной границы был создан на южных рубежах Австрийской монархии во второй четверти XVI в. Первоначально это были отдельные военные поселения, главной целью которых была оборона от возможных нападений османов. К концу XVII в. система военно-территориальных поясов была уже достаточно развита в приграничных областях Австрии и Турции, в которых значительную роль играли славяне, особенно сербы. Австрийские власти охотно принимали сербских переселенцев, обладавших немалым воен-

ным опытом, о которых в Европе широко распространилось мнение как о первоклассных воинах. Посетивший балканские владения Венецианской республики в конце XVII в. стольник П.А. Толстой записал в своем дневнике впечатления о бежавших “от рук проклятых бусурман” сербах: “Те сербы люди военные, подобятся во всем донским козакам, говорят все славянским языком, платье носят герватское... дома имеют строения каменного, к московскому народу зело приветны и почитательны”²⁷.

Первые граничарские поселения в Австрии были основаны на территории Хорватии и Славонии. В XVII в. здесь сформировалось три крупных крайны: Хорватская, позже провозглашенная Карловицким генералатом (входили капитании от Адриатики до реки Купы, включая Жумберак); Приморская (от Капельских гор до моря с центром в городе Сень); Банская крайна (от Карловца до Иванича). Территория и статус Военной границы многократно менялись; с 1635 г. она стала делиться на два генералата: Карловацкий с центром в крепости Карловац и Вараждинский с центром в городе Вараждине. В 1689 г. у турок были отвоеваны области Лика и Крбава (в бассейне одноименных рек), также включенные в состав Военной границы²⁸. Однако самое существенное расширение Крайны произошло после окончания Венской войны.

Еще до заключения Карловицкого мира в 1699 г. появились первые проекты организации граничарских поселений на завоеванных землях. И хотя после 1680 г. Придворная комора и венгерские гражданские власти хотели распустить большую часть сербских ополченцев, принимавших участие в войне с Турцией (так называемую “рацку милицию”), но военные круги настояли на создании Военной границы, которая показала себя дешевой и эффективной в Хорватии²⁹. После разделения в 1702 - 1703 гг. военно-граничарской и коморско-спахийской территории рядом императорских патентов были образованы новые секторы Военной границы.

Новосозданная Славонская, или Посавская граница, с центром в Осиеке тянулась вдоль реки Савы от Градишки, Брода до Рачи (эти три крепости были главными укрепленными пунктами на границе с Боснией). К Посавской границе в районе Срема и Южной Бачки примыкала Подунайская граница со штабом в Петроварадине, она тянулась от Шида к Илоку, переходила на другой берег Дуная, включая Паланку, Ковиль, Титель и Петроварадинский Шанац (Нови-Сад). В военном отношении Подунайская граница подчинялась генералату в Осиеке. Вдоль Тисы от Тителя на север до Сегедина австрийцы устроили Потисскую границу, которую продолжала

(вдоль реки Мориш) Поморишская граница. Резиденции командования двух последних образований находились соответственно в Сегедине и Араде.

Во главе вновь образованных генералатов находились штабы с командующими-немцами, тогда как основная масса офицеров формировалась из сербов. В Посавско-Подунайской и Поморишской границах население было исключительно, а в Потисской - преимущественно сербской народности. Помимо сербов, составлявших большинство населения всей Военной границы, граничарами становились хорваты, немцы, венгры, румыны и представители некоторых других этнических групп³⁰. В начале XVIII в. население Военной границы делилось на четыре категории.

1. Милиция (Landmiliz), несшая активную военную службу по гарнизонам и в военных походах за пределами страны. Она состояла из пехоты (гайдуков) и конницы (гусар) и группировалась в роты, капитании и оберкапитании.

2. Чардацкое войско (Czardacken-Volckh). Вдоль всей границы с Турцией были построены на небольшом удалении друг от друга “чардацы” - деревянные сторожевые вышки, у которых помещались военные караулы, выполнявшие роль пограничных отрядов. В случае приближения неприятеля они подавали сигнал в ближайший штаб о сборе войск (посредством сжигания снопов соломы, которые расставлялись у постов на определенном удалении). Увидев подобный сигнал, все граничары, способные носить оружие, должны были собираться в поход и выполнять все заранее определенные для каждого обязанности. Помимо охраны границы чардацкие формирования являлись своеобразным защитным кордоном от проникновения в страну чумы и других опасных болезней с Востока. Вдоль всей пограничной линии располагалась цепь санитарных зон - “контумацев”, в которых в течение нескольких дней, а иногда и недель проходили карантин въезжавшие в страну лица и перегоняемый на продажу скот. Кроме того, граничары контролировали расположенные у карантинных “растелы” - специальные площадки для приграничной торговли с двойной параллельной оградой посередине. Торговцы с обеих сторон могли свободно разговаривать через разделительный проход шириной около двух метров, а находящиеся между барьерами служители перетаскивали тюки с товарами и передавали деньги.

Граничарам этих двух категорий передавались в пользование земельные участки, размер которых зависел от воинского звания и от числа муж-

чин в семье, способных носить оружие. Земельный надел считался платой за несение службы, покрывая обычно 2/3 жалованья офицеров и рядовых граничар, 1/3 выдавалась деньгами. Они освобождались от уплаты контрибуции, барщины, некоторых налогов и сборов.

3. Отставные воины (Emeriti) владели землей и имели такие же налоговые льготы, как и находящиеся на активной службе граничары, но только пожизненно. После смерти такого “пенсионера” его надел подлежал контрибуции.

4. Внештатные жители (Exempti) - не способные к военной службе гражданские лица - получали трехлетнее освобождение от налогов, если работали на земле, а в случае постоянного занятия ремеслом и торговлей им предоставлялись такие же льготы, как и остальным граничарам³¹.

Жизнь в военных поселениях была довольно строго регламентирована. Граничарские села были, как правило, огорожены, имели один вход, чтобы стража могла легче контролировать жителей. Граничары жили большими семьями-задругами. В одном доме проживало несколько семейных пар, происходящих от одних предков и находящихся в патриархальных отношениях. Обычная задруга насчитывала 50-60 человек четырех поколений. Самый старый, заслуженный мужчина в семье (газда, домовладелец) не служил в войске и руководил всей ее жизнью: распределял работу, представлял перед властями, хранил кассу и ключи от амбара, решал внутренние споры и ходил в суд, первым садился за стол и даже определял меню совместных трапез. Члены задруги обязаны были содержать одного или более солдат, в том числе снабжать одеждой и пищей³². Австрийские власти скоро поняли выгоду существования больших семей и всячески поддерживали сохранение задругской системы, которая стала экономической основой самой дешевой армии в Европе.

Наделение граничар достаточными земельными наделами (их размер в различных краях менялся с течением времени); существенные налоговые льготы; более высокий общественный статус по сравнению с их собратьями, находящимися под гражданским управлением (граничары были гарантированы от посягательств на их личную свободу) - все это в мирное время обеспечивало лучшее положение сербам в Военной границе по сравнению с Провинциалом.

2. Борьба сербского народа в защиту привилегий в первой половине XVIII в.

Российский посол в Вене Г. Кейзерлинг, излагая историю сербских привилегий, заметил, что при всяком очередном их подтверждении австрийцами добавлялись новые пункты и толкования, чем “помянутый народ хотели... лишить того, что он заслугами своими [с]толь дорого себе уже приобрел и получил”. Описывая далее период кануна австро-турецкой войны 1716 - 1718 гг., посол объясняет появившуюся вдруг у Габсбургов благосклонность к сербам: “Крайне нужно было храбрый народ, который наследным землям преградою служил, удержать, а не отогнать”. Так, в 1715 г. Карл VI подтвердил сербские привилегии, что помогло “весьма утишить в том народе произведенное беспокойство”, а самих сербов в полной мере использовать в новой войне. “Но сие благополучие недолго продолжалось, - говорится далее в реляции, - ибо едва только мир с турками в Пассаровиче (Пожареваце. - Ю.К.) 1718-го года заключен был, то начались опять там гонения, где чинить их оставили было”³³.

В 1727 г. Комиссия по вновь присоединенным землям (так называемая Субделегация) издала рескрипт, существенно ограничивающий привилегии сербов и получивший в источниках название “девяти пунктов”. Согласно этому акту австрийские власти оставляли за собой право влиять на избрание архиепископа и епископов в соответствии с принципом “тройственной кандидации”; права митрополита ограничивались чисто церковными вопросами, мирскими делами мог распоряжаться только император “как властитель государства”. Кроме того, ограничивалась компетенция церковных судов, сербы принуждались отмечать католические праздники. Митрополит М. Петрович, которому рескрипт от 12 апреля был представлен в качестве ультиматума, разослал его по епархиям и объявил имеющим обязательную силу. Вероятно, как раз за это проявление “гибкости” 27 мая того же года он был пожалован титулом “цесарского советника”³⁴.

Совсем иначе оценил действия митрополита сербский народ. Представители всех сословий направили своему церковному главе 7 июня 1727 г. гневное послание, в котором писали, что “декрет разглядевши”, убедились, что он “не сходится ни в одном пункте с народными нашими милостиво дарованными привилегиями”. Авторы письма возмутила такая немилость со стороны императора. “Но еще больше мы удивляемся и недоумеваем, - писали они, - как могли Вы, Ваше преосвященство, такой огонь (!) в руки принять, а тем более в народ отправить”. Представители народа прямо об-

винили Моисея в пособничестве венскому двору: "...и только Вашему благодаря посредству такие противности привилегиям нашим издаются"³⁵.

Оппозиция рескрипту 1727 г. была столь сильной, что Моисей решил передать документ на рассмотрение сабора, который открылся 21 мая 1730 г. в Белграде. Однако совместное увещевание депутатов митрополитом и венским комиссаром Геслингем не привело ни к какому результату. Более того, по инициативе светских депутатов была снаряжена делегация в столицу хлопотать об отмене несправедливых решений³⁶.

Рескрипт 12 апреля "переиздавался" с незначительными изменениями еще три раза в 1729, 1732 и 1734 гг. Австрийские власти пытались убедить сербов, что рескрипт "не что иное, как разъяснение, чтобы лучше могли пониматься привилегии". На это сербский депутат в Вене Й. Монастырля резонно ответил, что "Его величество дал нам привилегии без разъяснений, а просто так". Сербь были настроены весьма решительно: "Из наших общенародных привилегий ни одного пункта не дадим выбросить до последней капли крови", - писали будимцы митрополиту Викентию в 1733 г. На епархийских и общенародных саборах они выражали свое несогласие с "девятью пунктами", требовали, чтобы архиепископ их отменил³⁷.

Протестуя против ограничения привилегий, сербы не скупились на заверения в своей верности, готовности умереть за "цесаря". Они выражали уверенность, что "непотребные нововведения" исходят не от императора, а "от другого информатора", то есть от венгров, которые "давно желают погубели нашему народу"³⁸. Действительно, венгерские жупанийские власти не признавали сербских привилегий, оспаривали их законность. Вместе с тем нельзя буквально следовать за документами и изображать дело так, будто венгерское дворянство представляло единственный источник угрозы привилегиям сербского народа. Очевидно, и сами сербы хорошо понимали, что главная опасность исходит от центрального правительства. Оправдываясь за неудачу сербской депутации в Вене, митрополит Викентий писал 26 марта 1735 г. в Будимскую епархию: "...почти совсем уж свой живот погубили, от привилегий не отступаючи, но Карла Шестого не можем насиловать (!)". А в послании русской царице Анне 6 июля 1737 г. он же восклицал: "Не в состоянии человеческий язык рассказать о бедах, причиненных австрийцами... Вместо долгожданной защиты не видели ничего, кроме как до неба вопиющего греха... Где наши разграбленные церкви и монастыри? Где наше имущество из опустошенных сел? Мы просто добыча и подвержены издевательствам немецкого народа"⁴⁰.

Начиная с “тайной информации” кардинала Колонича, австрийские власти постоянно обвиняли сербов в слишком расширительном толковании привилегий. И это была вполне справедливая претензия. Привилегии были весьма ограничены и касались прав церкви, сербы же подкрепляли ссылками на них свои жалобы по любому поводу: на злоупотребления чиновников, обременительные налоги, непосильные повинности, обосновывали ими борьбу за личную свободу от феодалов. В народе с течением времени сложился некий образ “Привилегий”, с которым он связывал представления о лучшей жизни и своем особом статусе в государстве и который имел мало общего с конкретными пунктами монаршеских грамот.

Несмотря на твердые гарантии Леопольда I сохранить за сербами право исповедовать старую веру, австрийские власти усматривали в соединении сербского народа с римской церковью первостепенный “государственный смысл”. В унии видели главное средство преодоления возможного сепаратизма новопереселенцев и самый верный путь для интеграции православных сербов в социально-политические структуры империи, а кроме того, и способ цивилизации этого “варварского народа”.

В проведении унии Вена и католический клир первоначально делали ставку на прикрепление к православным общинам римских “фратров” и принудительное приобщение сербов к католическим богослужениям и обрядам. В “Записке” немецкого происхождения о выдворении в 1693 г. православных жителей из города Печуя (на территории современной Венгрии) сербы обвинялись в изгнании из своих храмов иезуитов, а также в том, что осмеливались “укрываться под своими кроватями”, когда римские священники приходили окропить их дома святой водой. Конфликт православных сербов с католическим клиром в Печуе продолжался несколько лет, пока по решению самого монарха в 1703 г. в городе разрешено было оставаться одним сербам-католикам, а “шизматикам” подлежали изгнанию⁴¹.

Обращает на себя внимание и стремление иностранных властей принудить сербов отмечать церковные праздники по григорианскому календарю. Многократно принимались декреты, предписывающие считать католические праздники обязательными для всего населения империи, в том числе и под страхом наказания до ста ударов розгами, так как разница в датах их проведения порождала отчуждение между представителями различных христианских конфессий⁴².

Депутаты сабора 1730 г. просили Карла VI освободить сербов от участия в католических праздниках, объясняя свою просьбу тем, что “слишком мало дней для работы имеем, исключая к тому же времена холодов, болезней, несения сторожевой службы (Vigiliarum) и выполнения подводной повинности (Vorspant), так что некогда позаботиться о пропитании”⁴³. На саборе 1732 г. депутаты жаловались и на то, что их “заставляют праздновать по григорианскому календарю не только три больших праздника, но и все прочие. Напротив, в дни, предписанные юлианским календарем для праздников, заставляют выполнять общественные работы (publicos labores)”⁴⁴.

Другой болезненной проблемой для православного населения были многочисленные запреты и ограничения на строительство церквей и создание новых приходов. Даже для простой установки в церкви нового колокола сербам приходилось вступать в длительную переписку едва ли не со всеми органами власти, начиная с местной администрации и кончая центральным правительством⁴⁵. Последствия ограничений в этой сфере были особенно ощутимы в связи с тем, что в ходе многих войн православные церкви и монастыри подверглись значительному разрушению. “Вот уже девять лет просим разрешить церкви править, и не дают, а сколько душ из-за этого умирают без крещения и причащения, как скоты”, - жаловался в 1734 г. митрополит В. Йованович⁴⁶.

Особенно сербам были обидны совершаемые при попустительстве властей оскорбления и насмешки над православными обрядами и обычаями. “Никак не можем мы службу церковную совершать, - писали будимские священники в 1720 г. в городской магистрат, - ибо венгры, немцы и другие иноверцы через окна в церковь нашу подглядывают и насмеются над тем, как мы крестимся. И в великий пост, когда наши люди молятся и бьют поклоны, нет мира от их шуток, ругательств и крика. А еще и овечьи головы, и кости, и другую погань, что и язык не выговорит, через окна к алтарю подбрасывают, что не согласуется ни с какими обычаями, ни приличиями”⁴⁷.

Католическая церковь и венский двор надеялись облегчить проведение унии и тем, что заставляли православных священников, вопреки привилегиям, платить налоги и выполнять различные повинности. На вопрос сербского духовенства, почему римские “фратры” не платят, им неизменно отвечали: “Примите и вы нашу веру, и ваши попы платить налог не будут, но, напротив, им цесарь будет еще и доплачивать”⁴⁸.

Австрийские власти зорко следили за каждым фактом перехода сербов в католицизм. Примечателен в этом отношении случай с попом Михаилом из села Смолинаца под Пожаревацом. Будучи в Вене, митрополит М. Петрович получил в мае 1728 г. сообщение, что “поп смолинацкий поуниатился”. Осторожный М. Петрович советует епископу Стефану “отпустить его с миром”, чтоб “не было нам потом разных слов и упреков”. Однако в Сербии не вняли рекомендациям митрополита и поступили по-своему: “Экзарх Максим с гайдуками схватили попа, связали и били, в монастыре Сланце от римского закона отучали”. Австрийские власти, узнав о происшедшем, взяли попа-униата под свою защиту, потребовав у митрополита “сатисфакцию”. Последний распорядился арестовать зачинщика экзекуции и примерно его наказать⁴⁹.

Значительное место в проведении унии католическая церковь отводила курсу на распространение среди сербов латинского языка и культуры через систему обучения. Кардинал Имре Чаки в письме императору от 21 ноября 1718 г. предлагает организовать латинские школы (*convictus*) в Белграде и Осиеке с бесплатным обучением для детей сербов⁵⁰. Одновременно делается попытка наладить выпуск книг специально для сербского населения: “...похваляются, - сообщает М. Петрович, - что устроят в нашей стране типографию, чтобы нам книги печатать”. В то же время на просьбу сербов в 1730 г. организовать типографию “за свой счет” в Белграде была наложена резолюция о ее “непотребности и излишестве”⁵¹.

Сербы, со своей стороны, прилагали немалые усилия для организации собственных школ. Этот вопрос обсуждался практически на всех саборах; издавались распоряжения митрополитов об организации школ при резиденциях епископов и даже каждой церкви, в приходах создавались специальные “школьные классы”, собирались пожертвования на оплату учителей. По предложению светских депутатов сабора 1731 г. в текст клятвы митрополита было введено требование “о школах чрезвычайное попечение иметь”⁵².

То, что заведение школ стало вопросом первостепенной общественной значимости, хорошо сознавалось самими сербами. “Без учения, - писал митрополит Моисей в своем завещании, - многими чужими языками поработены останемся”⁵³. Действительно, сербы оказались в государстве, где процветала бюрократия, где всякого рода бумаги: справки, мемориалы, протоколы, отношения, дипломы, облигации и пр. - играли громадную роль. Они были безоружными перед австрийскими чиновниками, которые

всякое свое распоряжение подкрепляли тем или иным документом, содержание которого для сербов часто оставалось неведомым. И, в свою очередь, требовали от сербов предъявить свои документы. Так появился большой спрос на грамотных людей.

Однако наибольший эффект, по мнению венского двора, могла дать уния с высшим православным духовенством. Источники свидетельствуют о целом ряде случаев принятия унии сербскими православными епископами, были зафиксированы и слухи о переходе в униатство митрополитов. Известно и то, что сербские архиепископы неоднократно вели в Вене переговоры о заключении унии⁵⁴.

Нельзя с определенностью сказать, давали ли они какие-то определенные обязательства, однако несомненно, что проведение унии в жизнь делалось невозможным вследствие непреклонной позиции всего сербского народа. На саборе 1708 г. светские депутаты потребовали изгонять из своей среды епископов или иных церковников-униатов. По их предложению сабор принял решение, что “если митрополит, или иной какой епископ, или некий священник соединится с римской церковью, такового, уже по сотворенному им поступку, считать лишенным своего сана, и на его место другого избрать”. Депутаты сабора 1726 г. предупреждали своих архиереев, что если те изменят православию, их не будут принимать за своих церковных предводителей⁵⁵.

Насаждение унии в различных областях, населенных сербами, имело разную степень интенсивности. Так, в Северной Сербии церковная политика Вены была не столь агрессивной. В то же время больше всего усилий затрачивалось на обращение в “истинную” веру жителей Хорватии и Славонии, где Вена и Загреб вкупе с военными властями и хорватским католическим клиром действовали особенно слаженно и целеустремленно. Здесь власти не останавливались даже перед насильственными мерами: закрывали православные церкви и монастыри, передавали их католикам, назначали в сербские приходы униатских священников, бросали в темницы непокорных. Сопротивление сербов было отчаянным: за двадцать лет в Хорватии случилось по крайней мере пять бунтов на религиозной почве - в 1718, 1727, 1731, 1735 и 1739 гг.⁵⁶.

Особую ненависть властей и загребских епископов вызывали православные монастыри. Расположенные в сербских этнических анклавах в преимущественно католической среде, они были хранителями национального самосознания сербов и средоточием их духовной жизни. Несколько

десятилетий длилась борьба вокруг крупнейшей в Хорватии православной обители Марчи, которую еще с XVII в. несколько раз пытались превратить в центр распространения унии. “Вот уже больше 50 лет, - писали в январе 1717 г. монахи соседнего с Марчей Лепавинского православного монастыря, - как проклятые марчанские еретики едят нас поедом”. Когда в 1736 г. венский двор в очередной раз пытался передать Марчу униатам, возмущенные сербские монахи на Видовдан 28 июня 1739 г. сами подожгли монастырь, предварительно успев вывезти архив, ценности и утварь в Северин и Лепавину⁵⁷.

Среди методов, которые использовали сербы в борьбе за сохранение привилегий, в защиту веры и единства церкви, прежде всего следует выделить случавшиеся время от времени восстания, именуемые “волнениями”, “бунтами”, “ребелиями”. Описание подобных выступлений в источниках позволяет расценивать их как типично крестьянские, со свойственными им стихийностью, локальностью, разрозненностью и т. п.

Число участников восстаний обычно не превышало несколько сот человек, а территория распространения охватывала ряд соседних сел или граничарских поселений. Выступления сербов, как правило, не принимали форму вооруженной борьбы и заканчивались бескровно после обещания властей “учинить комиссию” и пресечь злоупотребления. Впрочем, на мятежников действовали не столько эти обещания, сколько реальная угроза применения военной силы: австрийские власти имели обыкновение немедленно направлять войска в районы, где происходили или только назревали волнения. Так, сербский представитель в Вене Й. Ямбрекович сообщал 16 июня 1731 г. об отправке в Костайницкую епархию шести тысяч солдат под командованием генерала Драшковича с целью расследовать “учинившийся там бунт” и выяснить, “кто был начальником той крамолы”⁵⁸.

Безусловно, народные выступления имели немалое значение. Под воздействием “бунтовщиков” власти вынуждены были смягчать свою политику, заниматься расследованием злоупотреблений, идти на некоторые уступки сербам в различных областях. Кроме того, в условиях иностранного гнета открытая борьба являлась важным источником формирования национального самосознания угнетенного народа. И все-таки восстания оставались лишь эпизодами в общественной жизни австрийских сербов, ее содержание определяли совсем другие методы действий.

При изучении сербских источников этого времени поражает огромное количество жалоб и прошений. Австрийским чиновникам на местах, выс-

шим столичным инстанциям нескончаемым потоком шли разного рода просьбы, записки, мемориалы, проекты и представления. Такие документы составлялись от имени народных саборов, от лица митрополита, епископов, от городских и сельских общин и частных лиц. “Три лошади не смогли бы сдвинуть с места воз с тем, что мы написали и предложили”, - жаловался Викентие Йованович из Вены в 1735 г. Все эти бумаги тщательно регистрировались, подшивались, но давали мало результатов. “Три памятных записки в Военный совет послал, - пишет тот же митрополит некоторое время спустя, - и мне еще одну советуют отправить, чтобы дело продвинуть. Сегодня написал, но очень мало от этого помощи жду”. Австрийские чиновники имели на этот счет весьма твердые принципы. “Вы хоть тысячу мемориалов представьте, - отвечали они, - а все равно одну резолюцию получите”⁵⁹. Но и это весьма скромное право - жаловаться на произвол и беззакония - власти попытались отнять у сербов в 1732 г., а в следующем году Придворный совет принял постановление, согласно которому “впредь жалобы должны направляться в те инстанции, против коих инстанций эти жалобы направлены”⁶⁰.

Сербы очень скоро поняли бесполезность прошений, не подкрепленных соответствующей мздой нужным людям. “И сами знаете, - писал будимский посланник В. Лазаревич к себе на родину в 1708 г., - что в Вене у кого денег нет, на того и не смотрят”. “Невозможно без расходов ничего сделать, - жаловался из столицы митрополит В. Йованович в 1736 г. - Сейчас время такое... когда золото говорит, а уста молчат”⁶¹.

Сербам приходилось платить “таксу” в государственную казну по самым разным поводам. За утверждение епископов и митрополитов взымались громадные суммы в сотни и даже тысячи форинтов. Причем сербским архиереям приходилось оплачивать буквально каждый свой шаг. Моисей Петрович, приехавший в 1718 г. в Вену добиваться своей конфирмации, 30 августа записал в своем дневнике “дополнительные” расходы на получение диплома: “...тому, который писал, - 6 фор., кто носил на подпись - 2 фор., кто печать приложил - 2 фор., секретарю - 6 фор., лакею - 2 фор.”⁶².

Официальные таксы составляли лишь малую часть расходов сербов, гораздо более внушительные средства шли на подкуп чиновников. Для обозначения взятки использовались различные термины: “дар”, “пешкеш”, “презент”. Но особенно прочно в сербском политическом лексиконе той эпохи закрепилось слово “дишкреция” (от нем. “Diskretion”), что можно перевести как “тайное преподношение”. Дарили не только деньги, но и

произведения искусства, ювелирные изделия, восковые свечи, сахарные головы, кофе, лимоны, живой и битый скот, дичь, птицу, вино, мед и т. д. Источники свидетельствуют об определенном изменении характера “дишкреций”. Во-первых, менялся их ассортимент: подношения в натуре, как следствие еще турецких нравов, все более вытеснялись денежными взятками; во-вторых, они постоянно количественно возрастали.

В габсбургском государстве вымогательством занимались и столичные и местные чиновники, причем задаривать надо было не только должностных лиц. Расходные книги митрополитов испещрены записями о выдаче денег лакеям, привратникам, родственникам разных знатных особ и даже “шуту цесаревича”⁶³.

Сербам приходилось содержать всевозможные правительственные “комиссии”, время от времени устраивать роскошные обеды - “трактации”. Но традиционно самым разорительным мероприятием был созыв общенародных саборов. В 1735 г. митрополит В. Йованович сообщал из Вены, с каким трудом удалось добиться разрешения на поведение сабора: “Кресты с себя поснимали и заложили, что было - все прожили. А сегодня думаем и сундук с имуществом заложить”⁶⁴. На этом расходы не кончались: сербы брали на содержание и должны были одаривать присланных на сабор императорских комиссаров и их свиту. Венские посланцы, со своей стороны, занимались откровенным вымогательством. Генерал Локателли на саборе 1731 г. много раз говорил сербам: “Чем больше вы для меня сделаете, тем больше я на ваше благо стараться буду”⁶⁵. Круг завершался в Вене, куда направлялись сербские депутации хлопотать об утверждении решений сабора.

Сербские иерархи не жалели денег, чтобы расположить в свою пользу австрийские правящие круги. Про митрополита И. Джаковича говорили, что он “все свое имущество еще при жизни роздал”. “Но как преставился митрополит, - с горечью писал его преемник в 1708 г. из Вены, - так и дары его умерли”⁶⁶. Новому архиепископу приходилось начинать все сначала. Следует подчеркнуть, что взяточничество в ту эпоху не считалось чем-то зазорным. “Дишкреции” давались “от имени народа”, велся подробный учет всех выплат “господствующим” в специальных протоколах. Сами по себе взятки не были для сербов чем-то новым по сравнению с турецким периодом. Новым, несомненно, были масштабы и какой-то удручающе всеобщий характер взяточничества.

За время австрийского господства политический словарь сербского языка обогатился многими понятиями. В этом смысле едва ли не главным “приобретением” стало введение в официальные документы и переписку термина “сулицитование”, или “сулицитация” (от лат. “sollicitatio” - беспокойство, забота, склонение). Это понятие примерно соответствует английскому “лоббизм” или русскому слову “толкачество”. Им обозначались действия неофициальных и полуофициальных сербских представителей при различных правительственных учреждениях, направленные на достижение благоприятных решений, ускорение прохождения или завершения тех или иных дел.

Для этих целей при венском дворе постоянно находились один-два “народных секретаря” или “общенародных агента”. В их обязанности входило оповещение сербских митрополитов о всем, что происходит в правительственных кругах, а также выполнение различных поручений. На саборах с ними заключались договоры, определялось их содержание - 700 и более фор. в год. Традиция посылать в Вену своего “агента” сохранялась у австрийских сербов до начала XX в.

Народные секретари состояли в постоянной переписке не только с митрополитом, но и с отдельными епископами, граничарскими офицерами, сербскими городскими магистратами и сельскими старостами. Зачастую инструкции и предложения разных групп и отдельных лиц были весьма противоречивы, всегда кто-то оставался недовольным деятельностью агентов. Если к этому прибавить тот факт, что секретарями, как правило, избирались иноземцы и католики, которые более пеклись о собственной выгоде, то будет ясно, почему к их службе было столько нареканий, а некоторым из них приходилось заканчивать свою карьеру бегством или судом⁶⁷.

Для решения наиболее крупных вопросов политической жизни (например, созыв сабора или утверждение его решений) в Вену направлялись целые делегации из 8-12 человек во главе с митрополитом. В “Протоколе о беседах” В. Йовановича обстоятельно описана деятельность такой делегации в Вене в июне-декабре 1731 г. Сербские посланцы имели возможность познакомиться с полным набором бюрократических ухищрений и проволочек. Из одного ведомства их посылали в другое, оттуда - в третье, и так до бесконечности. Австрийские чиновники то велели ждать возвращения из длительного путешествия принца Евгения Савойского, то обещали устроить какую-то комиссию, то ссылались на собственную заня-

тость. А когда исчерпались и эти доводы, стали упрекать сербов в назойливости и намекать на гнев императора⁶⁸.

Существует очевидная связь того или иного метода борьбы с определенными социальными слоями. Если “сулицитации” и “дишкреции” были характерны для имущих классов (церковной иерархии, граничарских офицеров, зажиточных горожан), то протест крестьянства и рядовых граничар нередко выливался в стихийные волнения и бунты. Сочетание всех этих приемов и способов борьбы, в конечном счете, и позволило сербам отстаивать свои права и привилегии в государстве Габсбургов.

3. Изменение правового статуса сербов в период терзианских реформ

Правовой статус сербского населения Австрийской монархии во второй половине XVIII в. регулировался множеством нормативных актов: монаршескими указами и постановлениями центральных органов власти в Вене, статьями законов Венгерского государственного собрания, решениями хорватских саборов, нормативными актами провинциальных собраний. В годы царствования Карла VI государство еще оставалось агломератом во многом самостоятельных земель и провинций, которые сильно различались по уровню общественно-экономического развития, принципам управления и организации власти. Со вступлением на престол Марии Терезии начался процесс ломки этого средневекового сословно-федеративного устройства с целью превращения Австрии в централизованную, бюрократически управляемую страну с единой системой власти, судопроизводства, общими законами, построенную по европейским образцам, в особенности Пруссии. Смена династической идеи на идею государственную означала переход к политике подавления любого сепаратизма, создания единого чиновничества, зависимого от центрального правительства, выравнивание статуса различных регионов с помощью преобразований в законодательстве, внутреннем управлении, религиозно-культурной сфере⁶⁹. И хотя совершенно преодолеть имевшую вековые традиции пестроту и достичь полного единообразия не удалось ни просвещенной царице, ни ее преемникам, новый государственный курс не мог не отразиться на положении сербского народа, который с конца XVII в. имел статус “привилегированной нации”.

Этот статус еще в первой половине XVIII в. начал утрачивать свои и так не слишком прочные основы, о чем свидетельствует, в частности, послание бежавшего из Турции в Австрию печского патриарха Арсения IV русской царице Анне Иоанновне от 2 октября 1740 г. Патриарх был, похоже, сильно разочарован положением своих соотечественников в Дунайской монархии. Он сожалеет о наивной доверчивости своего народа, бросившегося на помощь “римскому цесарю” в последней войне с Турцией: “И кто сможет сосчитать, сколько тысяч у нас дерзновенно, по обычаю славян, на той войне живота лишились, а потом в самых челюстях драконских безо всякой помощи остались? И сколько мечом, огнем, удушением, утоплением, живым на кол насаждением, чреватых жен утроб рассечением, пленением, заточением и иными различными неописуемыми лютыми напастьми и горькими смертями погибли, и остаток доныне погибает...”. Переселяясь в Австрию, патриарх надеялся “дни свои окончить в евангельском терпении”, но обещанная цесарем “протекция” оказалась мнимой, что и вынудило его обратиться за покровительством к русской царице⁷⁰.

Между тем в Вене временно склонились к необходимости отказаться от радикальных шагов, изменяющих статус сербского населения. Восшествию на престол Марии Терезии сопутствовало начало войны за австрийское наследство (1740-1748), которая представляла угрозу самому существованию государства. Двор готов был пойти на далекоидущие уступки отдельным субъектам “лоскутной монархии”, в чьей поддержке, прежде всего военной, был заинтересован. Вот почему 24 апреля (по н. ст.) 1743 г. императрица подтвердила собственные привилегии специальным актом Австрийской придворной канцелярии, повторив диплом Карла VI от 1713 г. У российского посла Л. Ланчинского сложилось впечатление, что сербы расширили свои права: “Еще же королева признает Сербской нации верную службу, в прежних кампаниях оказанную, для поощрения сверх подтвержденных привилегий, оная умножила”. Более сдержанно акт 1743 г. оценил впоследствии Г. Кейзерлинг: “Состояние аустрискаго дома было в то время весьма сумнительно и опасно, а с какою ревностью и пользою поступала тогда сия нация, оное известно по тогдашним историям”. Однако после заключения мира, по словам посла, сербам “дозволено не было пользоваться древними их правостями и вольностями, но паче чинены были разныя новыя учреждения, которыми оной народ не всегда доволен был, а притеснения в вере не пресекались”⁷¹.

Еще одним важным фактором, благоприятствовавшим сербам, были австро-венгерские противоречия. В наступлении на “исторические права” венгерского дворянства Габсбурги готовы были использовать самые разные силы, среди которых важная роль отводилась сербам. Последние очень тонко чувствовали эту комбинацию и нередко прибегали к антимадьярской риторике в своих апелляциях к Вене. Хлопотавший при дворе о подтверждении привилегий Арсений IV восклицал, обращаясь к Марии Терезии: “Или защитите нас от несправедливого насилия венгерских сословий и содержите нас по привилегиям, нам от вас дарованных, или волю нам дайте, чтобы мы сами себя защищали, как сумеем, или предоставьте нам свободу, чтобы все мы, и большие и малые, пошли, куда захотим”⁷¹.

Поощряя сербско-венгерские противоречия, Мария Терезия основала в августе 1745 г. Иллирскую придворную комиссию, которая два года спустя была преобразована в Иллирскую придворную депутацию с резиденцией в Осиеке, позднее перенесенной в Вену (*Hofdeputation Transsylvanicis, Banaticis et Illyricis*). Новый орган был непосредственно подчинен главе государства, был самостоятельным в своих действиях и пользовался равными правами с остальными придворными канцеляриями. Иллирской депутации передавались все дела, связанные с сербской нацией. Только по самым важным вопросам решения принимались по согласованию с Венгерской придворной канцелярией, что стало причиной постоянных столкновений этих двух органов. Первый председатель Иллирской придворной депутации граф Фердинанд Коловрат (1746-1751), про которого российский посол М.П. Бестужев-Рюмин (1748-1752) писал, что он “всем православным... неописанные пакости чинит”⁷³, тем не менее был сторонником невмешательства венгерских властей в сербские дела. 27 августа (по н. ст.) 1748 г. Коловрат представил императрице доклад, в котором предлагались общие принципы политики по отношению к сербам, на несколько десятилетий ставшие официальной позицией венского двора. В докладе утверждалось, что “иллирская нация” относится к наследственным владениям австрийского дома (*Patrimonium domus Austriacae*), а не Венгерской короны⁷⁴. Этот курс защищали и преемники Коловрата - граф Кенигсек-Эрпс (1751-1760), барон Йоганн Бартенштейн (1760-1767) и даже венгерский барон, затем граф Франц Коллер (1767-1777). Объективно такой курс отвечал устремлениям большинства сербов.

В 1740-1760-е годы Венгерский сейм не раз принимал постановления, “которые до Сербского и других под державою здешняго двора состоящих

православного греческого исповедания народа, до их закона и состояния касаются”. Сообщивший об этом факте русский посол Д.М. Голицын (1761-1792) писал в своей первой реляции за 1765 год, что “сколь бесполезно было бы для находящихся в областях здешнего двора народов греческого исповедания, если бы согласная с желанием и намерением венгерских штатов резолюция Императрицы Королевы на их представления могла последовать”. Однако, по словам посла, Мария Терезия и раньше не была склонна “к апробации оных”, и ныне не ожидается, что решения сейма получат высочайшее одобрение: “...и по многим политическим резонам должны оныя остаться, как прежде, без всякого действия”⁷⁵.

Высочайшее подтверждение привилегий не избавило сербов от многочисленных притеснений со стороны как светских властей, так и католического клира. Сообщения о них в донесениях российских послов особенно часто встречаются в 50-е годы. Пересказывая или прямо пересылая в Петербург сербские жалобы о нарушениях их привилегий, дипломаты обращали внимание прежде всего на церковный вопрос.

М.П. Бестужев-Рюмин, описывая в сентябре 1750 г. гонения на православных “в сербской, кроатской и местами в венгерской землях”, сообщает в числе прочего, что отказавшимся от унии угрожают “не токмо все оных имение и пожитки на грабеж отдать, но и ... всех их с женами и детьми мечем искоренить вскоре”. Многие сербы, по словам посла, от страха “принуждены разбежаться по лесам и в горы... и просить здесь не смеют, ведая наперед, что им никакой справедливости показано не будет”⁷⁶.

О реакции властей на сербские жалобы посол рассказал в одной из своих следующих реляций месяц спустя. В ней идет речь о приезде в Вену шести депутатов от сербов из Хорватии бить челом королеве о “несносных обидах и тягостях”. Однако вместо справедливого рассмотрения их просьб “они сперва пасажены были здесь в самые глубокие подземные тюрьмы, а третьего дня повезены в их отечество, и велено их тамо без всякой инквизиции разбросать по крепким тюрьмам, и никого к ним не допускать, откуда... чаятельно никогда освобождены не будут”. Посол добавляет, что хорваты из других земель, видя такой оборот дела, срочно покинули столицу⁷⁷.

В продолжение наступления на народные привилегии под давлением загребского епископа и хорватского дворянства летом 1753 г. была предпринята очередная попытка изгнать сербов из монастыря Марча. Несколько сот солдат под командованием пламенного католика генерала Петацци

силой выдворили из обители монахов, которые затем перешли в монастырь Лепавину. Горе сербов было столь велико, что многие из них говорили, что им “легче было бы смириться, если бы царица... с каждого сербского двора взяла по одной душе и смерти предала”, нежели потерять старейший монастырь. Власти решили навсегда закрыть проблему: монастырь был ликвидирован, постройки разобраны и проданы в качестве строительного материала окрестным жителям⁷⁸.

Этот эпизод оказался настолько важным, что даже отразился на русско-австрийских отношениях. В представленной австрийскому канцлеру Кауницу в конце 1757 г. послом Кейзерлингом ноте протеста закрытие Марчи фигурировало в числе главнейших свидетельств нарушения сербских прав и привилегий. Этот документ стоит отметить еще и потому, что он оказался самым резким и открытым выступлением России в защиту австрийских сербов в течение всего XVIII в. Инициатором дипломатического демарша, судя по документам Венской миссии, была сама императрица Елизавета Петровна. Похоже, ее так поразили поступающие к ней сербские жалобы, что она оказалась готовой пойти на прямое дипломатическое давление. Занявший пять страниц перечень претензий к австрийским властям на самом деле поражает воображение.

Список обвинений открывается упоминанием о будто бы принятом в 1754 г. законе, согласно которому противящиеся унии сербы “имеют быть осуждены на виселицу и к четвертованию”. Далее приводятся факты о неслыханных оскорблениях православных. Католики, говорится в ноте, препятствуют проведению литургии, “во время собрания в церквах приходят туды с заряженными ружьями” и изгоняют прихожан. Непочтение простирается так далеко, что “некоторые не устыдились при освящении святыя ефхаристии в греческих церквах на олтари взлазить и всякие непотребства чинить, також и в кадильницы непристойныя вещи класть”. Осквернение православных храмов доходит до того, что католики “избирают сии дома для таких действий, кои и в законных супружествах там не дозволяются”⁷⁹.

В ответ на ноту канцлер Кауниц утверждал, что ни в 1754 г. и никогда вообще такой закон не принимался, напротив - публиковались указы о защите привилегий “иллирийского народа”. Про монастырь Марчу было сказано, что “имянно греческие исповедники осмелились католиков из онаго выгнать”. Что же касается других обвинений, то они были охарактеризованы как “безстыдная ложь” и “невероятные мерзости”, о которых “слышно не было”. Кауниц добавлял, что само православное духовенство при рас-

спросах “о таких мышлениях и клеветах великое удивление и неудовольствие оказало”⁸⁰.

Возмущение австрийского канцлера “клеветами” имело под собой основание. В обращениях в российскую столицу сербы никогда не жалели красок и, словно соревнуясь друг с другом, к реальным фактам притеснений прибавляли разные небылицы, а также множество зловещих подробностей, рассчитанных на чувствительность адресата. На самом деле принудительная ликвидация православных храмов была явлением достаточно редким, если не исключительным. Во всяком случае, помимо закрытия Марчи нам известен еще только один случай - предпринятая в 70-е годы по инициативе хорватского бана попытка ликвидации как “рассадника смуты” монастыря Комоговина⁸¹.

Гораздо больше проблем сербы испытывали в связи с нормальным функционированием своих религиозных институтов. Именно в 50-е годы были введены противоречившие привилегиям Леопольда I ограничения на строительство и обновление церквей, создание новых православных приходов, увеличение численности православного духовенства; вновь предпринимались попытки нарушить церковное единство сербов посредством ревизии сложившейся административно-территориальной структуры. И все-таки, несмотря на продолжавшиеся все время царствования Марии Терезии попытки ревизии юридического статуса сербов в монархии, вплоть до начала 70-х годов его фундамент составляли Леопольдовы привилегии конца XVII в.

Проводником нового курса по отношению к сербам стал граф Ф. Коллер, занявший в 1767 г. пост председателя Иллирской придворной депутации. При нем смыслом деятельности этого органа, первоначально создававшегося в качестве представительства сербов при центральном правительстве, стало установление строгого государственного контроля за “иллирийской нацией”. Непосредственным поводом для замены старых привилегий новыми регламентирующими жизнь сербов документами стали результаты сабора 1769 г. - самого затяжного из сербских саборов в XVIII в. (заседания продолжались 5 месяцев и 12 дней). Причиной бурных дискуссий депутатов были недовольство народа своим положением и становящееся все более явным “бессилие привилегий”. На саборе был принят документ под заглавием “Общепародная жалоба, которую беднейший и несчастнейший почти во всем свете славяно-сербский иллирический народ передает императрице Марии Терезии”⁸². Это обращение и подтолкнуло

Вену к принятию некоего нового акта, регулирующего специфические сербские проблемы. 27 сентября (по н. ст.) 1770 г. был утвержден Регламент (*Regulament privilegiorum* или *Constitutionis Nationis Illyricae*).

Смысл введения новой сербской “конституции” хорошо подметил российский посол Д.М. Голицын, сообщавший в одной из своих реляций, что в Вене “учинен от здешнего двора Регламент, которым власть митрополита сербского гораздо сокращена противу прежнего, а доходы его и прочих епископов, да и вообще священства сербского и точнее определены, при том учреждены и другие разные как по духовным, так и по гражданским делам предметы”⁸³.

Регламент представлял собой свод норм, правил и инструкций, составленный на основе всех адресованных сербам ранее привилегий, декретов, рескриптов и резолюций, в то же время их во многом изменяющий. Как исходящий от монарха и имеющий высшую юридическую силу акт Регламент 1770 г. как бы аннулировал сербские привилегии в политико-правовом смысле, сводя все, что касалось сербов, к чисто конфессиональной проблематике.

Сам Регламент состоял из введения, в котором говорилось об исторических правах сербского народа, 75 статей и приложений. В первой статье шла речь об использовании привилегий, во второй - о распределении компетенции властей над сербами в Венгрии; статьи 3-64 трактовали вопросы, связанные с организацией православной церкви (структура, состав, высший клир, низшее духовенство, церковный суд и т. д.). Последний раздел (статьи 65-75) был посвящен “нации вообще”: о заведении школ, учреждении иллирской типографии, порядке проведения саборов, строительстве церквей, употреблении календаря, религиозных праздниках, погребениях, порядке заключения браков и т. п. Восемь добавлений и приложений касались процедуры реализации документа и содержали инструкции на этот счет местным властям⁸⁴.

Знаменательно, что полный текст документа получила только верхушка церкви, а сокращенный вариант - военные и гражданские власти на местах. “И хотя помянутый Регламент пред некоторым временем напечатан, - сообщал об этом Д.М. Голицын, - но не иначе, как в самом малом числе экземпляров, кои все епископам розданы для надлежащего исполнения; на-против чего здесь никто не имеет не токмо ни одного печатного экземпляра того Регламента, но ниже копии онаго”. Послу пришлось проявить не-

малую изобретательность, чтобы найти “надежного человека” в Венгерской канцелярии, сделавшего ему точный список⁸⁵.

Принятие Регламента вызвало у сербов недовольство, а сокрытие от народа его полного текста только усилило возмущение. На этой почве в Нови-Саде, Вршице и некоторых других местах произошли волнения. На саборе 1774 г. было принято специальное обращение к Марии Терезии по поводу Регламента, в 31-м пункте которого заявляется решительный протест против посягательств на старые сербские привилегии. Особенно доставалось высшему клиру, который был заподозрен в измене. Толпы людей, собиравшиеся на епископских дворах, требовали от них отмены всех нововведений, а митрополит В. Видак едва не был побит камнями⁸⁶.

С целью преодоления столь массового сопротивления граф Коллер пригласил митрополита на переговоры в Вену для создания нового варианта документа, который затем обсуждал заседавший в 1776 г. Синод сербской церкви, проходивший с участием австрийских комиссаров. Результатом продолжавшейся несколько месяцев работы Синода стала разработка новой “иллирской конституции”, утвержденной Марией Терезией 2 января (по н. ст.) 1777 г. В том же году была упразднена Иллирская придворная депутация. На последнем синодальном заседании полномочным представителем Вены были розданы императорские подарки: епископы получили золотые нагрудные кресты, золотые часы, украшенные драгоценностями табакерки, а митрополит был пожалован высоким титулом “тайного советника”⁸⁷.

Различия между регламентами 1770 и 1777 гг. были весьма незначительными и касались прежде всего доходов и имущества духовенства, разумеется, в сторону возможности их увеличения - это-то и стало почвой для компромисса епископата с правительством. Обнародование документа, который на этот раз был отпечатан в двух тысячах экземплярах, вызвало еще большее недовольство, которое вновь было обращено против собственных владык. В Нови-Саде 19 октября 1777 г. разъяренная толпа прорвалась в резиденцию епископа Арсения Радивоевича, у которого гостили митрополит, несколько епископов и граничарские офицеры, и осыпала своих церковных предводителей градом упреков и обвинений. Во Вршаце народ напал на резиденцию епископа В. Поповича. Толпа требовала восстановить старый календарь, прежний способ похорон, называя владыку не иначе как “предателем” и “отступником”. Среди предъявленных ему обвинений, если судить по донесениям немецких агентов, было и такое: “Прошлой зимой

ты нам привез целую телегу немецких и других чужестранных книг и велел между священниками раздать, чтобы из нас униатов сделали. Ты все утаиваешь и не хочешь сказать, какие еще нашей вере грозят нарушения”. В. Попович обещал отменить все нововведения, но было уже поздно: толпа начала громить епископское подворье, а находившиеся там духовные лица вместе с прибывшими по их вызову представителями властей вынуждены были спасаться бегством. При этом сам владыка был схвачен в качестве заложника. Его удалось спасти от верной смерти благодаря подоспевшему эскадрону гусар, которому пришлось употребить оружие, в результате чего шесть человек было убито и 26 ранено⁸⁸.

И на сей раз в Вене сочли возможным поиск нового компромисса. На такое решение венский двор толкали не столько многочисленные протесты, сколько новое обострение международной обстановки - близящаяся война с Пруссией. В результате появился третий вариант документа, получивший название “Декларатории” (“Rescriptum Declaratorium Illiricae Nationalis”), утвержденного высочайшей властью 16 июля (по н. ст.) 1779 г. С этого времени Декларатория почти сто лет (до 1869 г.) составляла правовую основу положения сербского народа и православной церкви как в Венгрии, так и в остальной Австрии, а некоторые ее части сохраняли силу вплоть до первой мировой войны.

Во введении к документу⁸⁹, состоящему из 70 статей, от имени императрицы отменялись регламенты 1770-х годов, а все имевшиеся их экземпляры велено было собрать и доставить в Придворный военный совет. Уже в первой статье Мария Терезия торжественно обещает соблюдать дарованные ее предшественниками привилегии, однако лишь “до того времени, пока народ сербский будет оставаться верным и покорным”. Декларатория провозглашалась единственным источником толкования привилегий. Важными были две следующие статьи, которые касались компетенции высшего православного клира: “...сербский народ... в делах, которые относятся к вере, совести, закону и вообще - души, зависит от своего митрополита и своих владык”. Однако в противовес многообещающему началу в третьей статье уточняется, что митрополит “только в церковных делах является верховным старейшиной, но ни в коем случае не главой сербского народа в гражданских делах”. Сохраняя прежнюю норму об избрании его народом, документ подробно расписывает процедуру утверждения его монархом и принесения им клятвы на верность династии.

Большая часть статей Декларатории посвящена доходам духовенства. В частности, митрополиту определяется ежегодная плата из государственной казны в 9 тыс. форинтов, регламентируются церковные сборы, взаиморасчеты внутри церковной иерархии, определяется возможный перечень церковного имущества, его деление на личную собственность всей церковной организации или ее структур. Строго оговаривается круг занятий духовенства, среди которых под запрет попало весьма популярное в этой среде ростовщичество (“давать деньги под интерес” разрешалось одному только митрополиту, да и то с высочайшего позволения). Категорически отвергается старинное право митрополитов наследовать имущество православных, умерших “безродными”, что было прямым нарушением Леопольдовых привилегий, а заодно вводится запрет на составление священниками завещаний для светских лиц; впредь не допускается создавать разного рода фонды добровольных пожертвований из-за отсутствия контроля за их расходом. Вообще расходам уделено не меньше внимания. Сказано не только то, сколько можно потратить на проведение сабора или синода, но и сколько заплатить в качестве вознаграждения делегированным на них из Вены комиссарам и даже сколько потратить на порох для пушек, которыми этих комиссаров должны торжественно приветствовать (статьи 4-19, 22-33, 39, 43, 47).

Декларатория определяла структуру Карловицкой митрополии в составе семи епархий и их деление на протопопии, вводился фактический запрет на строительство монастырей. Регулировалось количество приходов и священников (не более одного на 150 домов); ограничивались возможности принятия монашеского чина, а граничарам и вовсе запрещалось без дозволения генерал-команды принимать любой духовный сан (статьи 21, 31, 34-37, 45-47).

Авторы документа были чрезвычайно озабочены иностранными связями сербов. 38-я статья наистрожайше запрещала производить рукоположение священников в Печи или где бы то ни было в Турции. Если в Австрии появлялись монахи-чужестранцы, всякий подданный обязан был “тотчас же, без малейшего промедления, ближайшим провинциальным или граничарским властям о том точно и секретно донести”. Сербским же монахам не разрешалось без специального дозволения выезжать за пределы страны - нарушившие этот запрет наказывались как дезертиры и перебежчики. Стремлением оградить сербов от пагубного иноземного влияния было продиктовано и обещанное в 58-й статье открытие сербской типографии,

чтобы перестали “как это до сих пор было покупать очень дорогие книги из чужих стран”.

Несколько статей Декларатории посвящены сербским представительным органам, главным из которых оставался “общий Сабор”, или “народный Сабор”. Устанавливалось, что его составляют 25 представителей от военных, 25 от гражданства и столько же от духовенства - “никого иного на заседания не допускать”. Особо оговаривалось, что в состав депутатов нельзя включать молодых людей, так как “из-за своей незрелости молодежь не знает, что можно, а что нельзя вслух говорить”. Основное назначение общенародного сабора - выборы нового митрополита; для его проведения необходимо предварительное разрешение монарха и обязательное присутствие на нем уполномоченного двором комиссара. Последняя норма действовала и по отношению к Синоду - собранию епископата под председательством митрополита. Постановления этих двух органов вступали в силу только после их высочайшего утверждения (статьи 3, 15, 21, 60, 62-63, 70).

Несколько статей “Иллирийской конституции” описывали компетенцию церковного суда, которая существенно урезалась (статьи 50-56). Имелись положения об организации различных типов школ. При этом в дальнейшем запрещалось открытие новых богословских учебных заведений, а в Военной границе поощрялось создание школ с немецким языком обучения (статьи 37, 57). Наконец, устанавливались правила относительно заключения браков, в том числе лиц разной веры, двоеженства (каковое, безусловно, пресекалось), похоронной обрядности, использования календаря и церковных праздников (статьи 41-43, 55, 64-65, 67-68).

О последней проблеме надо сказать особо, ибо попытки изменить погребальные обычаи и провести реформу календаря вызвали самое отчаянное сопротивление. Связанные с похоронами нововведения, похоже, не имели какого-либо тайного умысла: власти скорее руководствовались соображениями санитарии, что можно понять, имея в виду частые вспышки эпидемий различных болезней. С этим было связано требование скорейшего захоронения покойников, запрета хоронить умерших за пределами кладбищ, на берегах водоемов (утопленников), вдоль дорог. Не разрешалось вносить покойников в церковь в открытом гробу, устраивать длительное отпевание и т. п. Чуть позднее, уже при Иосифе II, вышел указ, предписывающий хоронить мертвых без гробов, в холщовых мешках и засыпать их негашеной известью. Все эти инструкции и указы сербами наруша-

лись явочным порядком, часть из них вскоре была отменена, а с несоблюдением остальных власти вынуждены были мириться⁹⁰.

Вообще, в регламентах и Декларатории, как и в других постановлениях австрийского правительства этого периода было немало полезных новшеств, продиктованных новыми рационалистическими представлениями, стремлением к искоренению невежества и предрассудков. Чего, например, стоил один императорский манифест 1783 г. о “запрете использования колокольного звона для разгона громовых туч”, о котором счел нужным сообщить в Петербург посол Голицын⁹¹.

Сложнее оценить постановления, связанные с попытками властей ограничить использование юлианского календаря и сократить число православных праздников. Во-первых, здесь также явственно присутствовали сугубо прагматические мотивы: употребление в одном государстве двух календарей порождало множество неудобств и недоразумений, а сокращение числа праздников давало экономическую выгоду, так как увеличивало количество рабочих дней. Справедливости ради стоит отметить, что Мария Терезия начала реформу со своих единоверцев, когда еще в 1754 г. по согласованию с римской курией ликвидировала 24 католических праздника. Затем очередь дошла до православных. Все попытки навязать сербам григорианский календарь оказались тщетными, так что в конце концов Вена вынуждена была отступить от своей затеи. В Декларатории 1779 г. императрица милостливо разрешала сербам “придерживаться старого календаря”. Однако в вопросе о праздниках проявлено было больше настойчивости.

Традиционно сербская церковь отмечала огромное количество религиозных праздников. В первой половине XVIII в. сербы имели вместе с воскресеньями около 170 праздничных (нерабочих!) дней в году. При проведении сабора 1769 г. австрийский комиссар настоял на рассмотрении этого вопроса и добился оставления только 56 главных праздников, не считая воскресных дней. При утверждении регламентов 70-х годов их число сократилось сначала до 42, потом до 39. Эта норма и закреплялась в Декларатории⁹².

Помимо экономического вопрос о праздниках имел и безусловный политический смысл. Обращает на себя внимание, что сербы были возмущены не столько сокращением выходных дней, сколько тем, *какие* праздники подлежали отмене. В протесте будимской общины по этому поводу говорилось, что вычеркнутыми оказались даты, посвященные национальным

святым, “и хотя праздники нескольких сербских святых оставили, но в календарях не захотели записать, что они сербские, а это для того делается, чтобы наши дети мало-помалу забыли и никогда не узнали, что и у нашего рода и племени были свои святые и богоугодные дела”⁹³.

Рассмотренное нами десятилетие со времени сабора 1769 г. до принятия Декларатории 1779 г. стало во многом поворотным пунктом в истории австрийских сербов. Смыслом проведенных реформ явилось выхолащивание политического содержания старых сербских привилегий. Регламентами 1770 и 1777 гг. и последующей Деклараторией была создана постоянная система управления народно-церковной жизнью сербов; народная автономия заменялась церковно-школьной, да и то весьма ограниченной: церковь и школы оказались под строгим надзором государственной власти. Главным инструментом в осуществлении этих преобразований была Иллирийская придворная депутация, распущенная за ненадобностью, когда они близились к завершению. Сербь упорно сопротивлялись нововведениям, пытаясь отстоять свой прежний статус, но эта борьба была ими проиграна.

4. Правовое положение сербов в годы правления Иосифа II и Леопольда II

Насыщенная реформами эпоха йозефинизма мало сказалась на правовом положении сербского населения Монархии. Некоторые из реформ 1780-х годов на сербов вообще не распространялись; другие вскоре были отменены. Среди знаменитых патентов Иосифа II наибольший отклик у сербов получили три. Во-первых, это патент о веротерпимости от 24 октября (по н. ст.) 1781 г., который означал отказ от проводимого на протяжении многих десятилетий курса по навязыванию православным унии с католической церковью. Сообщивший об обнародовании манифеста в Петербург князь Д.М. Голицын подчеркивал его благотворное влияние на приверженцев православия, которым отныне “дозволяется иметь свободное приватное отправление веры”⁹⁴.

В 1784-1785 гг. просвещенный монарх решил распространить свои централистские реформы на Венгрию, заменив существовавшие до того времени 55 комитатов десятью округами-дистриктами во главе с комиссарами, назначаемыми Веней. Эта реформа сопровождалась целым комплексом мер по обмеру земельных владений, учету скота и другого имущества, а также переписью населения. Последнее и вызвало небывалые по масштабу

крестьянские волнения на восточных и южных окраинах королевства. О причинах волнений, захвативших и населенные сербами районы, российский посол Голицын доносил, что многие господские крестьяне, “недождавшись определенных для помянутой переписи комиссаров, явились преждевременно... с требованием, дабы они в непродолжительном времени переписаны были”.

Смысл обуявшего крестьян нетерпения, по сведениям посла, заключался в следующем: “...вдруг оказались у них развратные мысли и толкования, состоящие в том, что выше реченную перепись почитают они за предмет вольности и независимости их от помещиков, и что они посредством ея освобождены от крестьянской работы, и никому иному не принадлежат, как единому правительству”. Число “ослушников”, говорилось далее в реляции, “умножилось уже до семи тысяч человек”, каковые чинят “в деревнях помещиков своих разная грабительства и разорения, сжигая дома и не щадя живота дворянских фамилий и их управителей”. Посол также сообщал о том, что против мятежников была задействована армия, имевшая приказ “поступать против их с наивящею строгостию и вооруженною рукою действовать без всякой пощады”⁹⁵.

Наконец, третьим актом Иосифа II, оказавшимся весьма значимым для сербов - народа разделенного, стали манифесты от 14 марта и 22 августа 1785 г., провозглашавшие свободу передвижения всех подданных, в том числе их право переселяться в другие государства⁹⁶.

В целом десятилетие реформ 1780-1790 гг. способствовало некоторому упрочению положения сербов. Не в последнюю очередь это определялось позицией монарха-реформатора, который находился под большим влиянием своего наставника Бартенштейна, известного своими симпатиями к “иллирскому народу”. Рука Бартенштейна видна и в секретной инструкции комиссарам центрального правительства в Венгрии, изданной в 1785 г. от имени Иосифа II. Документ интересен тем, что в нем император дает емкие характеристики различным народам. Так, владов он считает “неразвитыми, непонятливыми и наклонными к воровству”. Хорватов называет “страшными и неразборчивыми истребителями лесов, беспорядочными хозяевами”, отличающимися “леностию и жадностью к деньгам”, с которыми “дозволительна всякая строгость”.

Значительно позитивней выглядит характеристика сербов: “Сербы же очень способны и менее наклонны к обману: они прирожденные воины, а еще более ловкие купцы. Их умножение весьма желательно, и я верю, что

они переходили бы к нам из турецких областей гораздо больше и чаще, если бы пользовались лучшими привилегиями”. Переселение же “по возможности большия людей расциянской нации из Турции гораздо желательнее, нежели всякия другия”⁹⁷. Иосиф II предпочитал не вносить каких-либо принципиальных изменений в правовой статус сербов, признавая их немалую экономическую роль, а также важную заслугу в качестве противовеса мадьярским сепаратистам.

Последнее обстоятельство оказалось еще существеннее для его преемника Леопольда II (1790-1792). Его вступление на престол сопровождалось необычным оживлением политической жизни. Все недовольные проведенными в предшествующие десятилетия реформами надеялись на смягчение централизаторской политики Вены. Посол России Д.М. Голицын сообщал в марте 1790 г., что на пути следования нового правителя из Флоренции в Вену депутации едва ли не из всех провинций передавали ему свои прошения. Голицын выражал мнение, что ходатаи наверняка получают “если не полное, то по крайней мере частичное возвращение потерянного ими из помянутых прав”⁹⁸.

Крах йозефинизма, стремительное развитие венгерского национального движения в начале 1790 г. не предвещали ничего хорошего для невенгерских народов Королевства. Кризис монархии Габсбургов был выгоден венгерскому дворянству, ибо давал шанс на восстановление в полном объеме прежней феодальной системы власти и своих привилегий. А это, в свою очередь, означало радикальное изменение общественно-политического статуса сербов, и прежде всего роспуск и инкорпорирование Военной границы.

В этих обстоятельствах сербы попытались вернуться к вопросу о своих старых привилегиях, полученных в XVII и XVIII вв., и закрепить их в ранге закона венгерского сейма, дабы признанием за ними права “исторической нации” обеспечить свое будущее в Королевстве Венгрии. В духе этих устремлений митрополит Моисей Путник обратился к Леопольду II 27 марта 1790 г. с прошением, а в мае Вену посетила уже целая депутация сербских епископов и была принята при дворе. Главным требованием сербов было их желание участвовать в работе Венгерского государственного собрания в качестве полноправных депутатов с тем, чтобы без них не принимались никакие решения, касающиеся православного населения. Инициатива сербов встретила благожелательное отношение у канцлера Кауница, да и венгерская сторона готова была к компромиссу. Председатель

Венгерской придворной палаты К. Палфи заявил, что допуск в сейм сербских депутатов возможен, если они откажутся от своих особых привилегий и будут жить по венгерским законам. Дело зашло так далеко, что сербский митрополит и восемь епископов получили приглашение приехать на заседание венгерского сейма⁹⁹.

Между тем открывшееся в июне заседание сейма в Буде очень скоро приобрело характер едва ли не открытого антигабсбургского мятежа. Посол Д.М. Голицын оценил действия депутатов как “покушение на королевскую власть”. Он же отметил и антисербскую направленность сейма, на котором раздавались настойчивые требования, чтобы православные “в противность мнимым древним их правам и привилегиям не были допускаемы впредь ни в какие публичные чины и должности”¹⁰⁰.

В этих условиях появилась и была реализована идея созыва отдельного сабора в Темишваре, параллельно и в противовес оппозиционному Венгерскому собранию. Историки до сих пор спорят, кому принадлежала инициатива в этом вопросе. Большинство авторов сходится на том, что именно Вена намеревалась использовать “сербский фактор” для давления на венгерских фрондеров, чуть ли не принуждением заставив митрополита Путника созвать сербский народный сабор. Некоторые историки, например, Н. Петрович, без достаточных на то оснований приписывают инициативу сербам¹⁰¹. Важнее, на наш взгляд, другое: в начале 90-х годов политические устремления сербов совпали, как это не раз бывало, с интересами правящей династии.

Темишварский сабор открылся 15 (26) августа 1790 г. Уже на втором заседании были сформулированы главные сербские требования. Во-первых, решено просить монарха о выделении сербам “обещанной по привилегиям территории в одном месте, которая составляла бы единое целое и находилась под их собственным управлением”. Во-вторых, предлагалось учредить орган управления в составе центрального правительства - Иллирскую придворную канцелярию. В-третьих, требовались гарантии недопущения гонений на тех сербов, которые не смогут переселиться на отведенную им территорию и останутся проживать на землях Венгерской короны, а также неприкосновенности статуса граничар. Наконец, сабор просил Леопольда II поставить своего четвертого сына Александра деспотом будущей Сербской Воеводины. Все эти предложения находили понимание у присутствующего на саборе австрийского комиссара барона Й. Шмидфельда и были заранее согласованы с Веней¹⁰².

Изложенная программа означала отказ от попыток договориться с венгерскими сословиями через подтверждение сербских привилегий Государственным собранием и допуск к участию в его работе сербских депутатов. Темишварский сабор продолжался более трех месяцев. Последнее его заседание состоялось 22 ноября 1790 г., депутатам оставалось только ждать высочайшей резолюции на все их предложения.

Между тем из всех главных сербских требований Леопольд II в конце концов удовлетворил только одно. Вот что об этом сообщал Д.М. Голицын в своей реляции от 26 февраля (3 марта) 1791 г.: "...Иллирический, обретающей в Венгрии, Кроации и Славонии нации, имеющей также особые свои привилегии и законы, отделя от Венгерской канцелярии дела оныя, повелел возстановить по прежнему... придворную Иллирическую канцелярию, в кою определив с согласия сея нации президентом графа Баласса, бывшего до сего кроатским, далматийским и славонским банусом; учредил, дабы советники в сей были из духовенства и светских людей частию греческаго исповедания, частию же из униатов и католиков сея самая нации"¹⁰³.

Из приведенного фрагмента реляции видно, что вновь учреждаемый орган под председательством бывшего хорватского бана проигрывал даже по сравнению с существовавшей в 1747-1777 гг. Иллирийской депутацией и никак не мог претендовать на роль атрибута сербской автономии. Он просуществовал чуть более года и был ликвидирован в июне 1792 г., а его полномочия переданы Венгерской придворной канцелярии¹⁰⁴.

Отказ венских властей одобрить предложения Темишварского сабора, по сути, ими же инспирированные, объяснялся наметившимся к началу 1791 г. австро-венгерским компромиссом. По окончании работы Венгерского государственного собрания 13 марта (по н. ст.) 1791 г. были обнародованы его решения, среди которых 27-я статья касалась сербов (*De Graeci Ritus non Unis*). Сообщавший об этом посол Голицын приложил к реляции и полный текст статьи. В ней говорилось, что православные "получат право гражданства в Королевстве, с тем однако, что отменяются все относящиеся к неуниатам греческого обряда законы, противоречащие настоящему постановлению; и как и другие жители Королевства Венгрии... они будут иметь возможность приобретать и владеть недвижимым имуществом и занимать любые должности". Вместе с тем указанная статья закона позволяла свободное использование сербами тех старых привилегий, которые не

противоречили венгерским законам и касались духовенства, церкви, вероучения, а также “народных фондов, образования и воспитания молодежи”¹⁰⁵. На Пожуньском сейме 1792 г. сербы вновь были провозглашены равноправными гражданами Венгрии, а карловицкому митрополиту и православным епископам дано право участвовать в работе венгерского парламента¹⁰⁶.

Согласие Леопольда II признать конституцию Венгрии и ее государственную самостоятельность, с одной стороны, и наделение сербов всеми атрибутами равноправных граждан Королевства - с другой, на деле означали окончательную ликвидацию в начале 1790-х годов сербских привилегий как политико-правовых актов, которыми на протяжении столетия определялся юридический статус сербского народа в Австрийской монархии.

5. Военная граница и ее реорганизация

В январе 1747 г. российский посол в Вене Л. Ланчинский впервые был приглашен на смотр граничарских полков, проходящих через Вену на войну в Нидерланды. В реляциях царице Елизавете Петровне он делится своими впечатлениями об увиденном:

“Баталион состоял в 870 человек крупного народа. В том же числе гренадерская компания, которая, как я сшел, была в 95 человеках. Кашкеты (фуражки. - Ю.К.) имели кожаные черные, с золочеными орлами, с черным же пером. Все люди в изрядном мундире далматинском фасоном”. “Народ от большей части вельми крупен и силен, - писал далее Ланчинский. - Мундир лазоровый да епанчи красные, добрые и обоюдное оружие изрядно ж”. Пригласивший посла на смотр фельдмаршал Саксен-Гильдбургхаузен о граничарах был самого высокого мнения: “Нацию вельми хвалил, особливо в том, что с самого начала его команды ни один человек к неприятелю не дезертировал, хотя-де которых и отлучились, то в дома и деревни свои пришли, не пропали. Народ-де здоровый и марширует скоро”¹⁰⁷.

В этих сообщениях Л. Ланчинского отразились значительные изменения в положении граничар и функционировании всей Военной границы. Если раньше она представляла собой систему пограничных застав и территориальной обороны, и за ее пределами граничары почти не использовались, то после Белградского мира 1739 г. они начинают участвовать в многочисленных войнах, которые вели Габсбурги по всей Европе. Батальоны

сербов маршируют в Германию, Нидерланды, Италию, Францию, Испанию, участвуют в разделах Польши. С 1690 по 1802 г. граничары побывали на 13 войнах, которые вела Австрия. Из 112 лет 90 они провели в походах и сражениях. Только за время наполеоновских войн из 101692 солдат из Военной границы погибло в боях 38583 человека¹⁰⁸.

Современники всегда подчеркивали высокие боевые способности граничар, которые, по словам Л. Ланчинского, были “проворнее немцев”. В реляциях посла множество сообщений о подвигах граничар в боях и во время походов¹⁰⁹. Граничары пользовались славой не только храбрых, но и жестоких воинов. Посол Ланчинский, сообщая о баварской кампании, дает описание битвы при Гильгерсберге 28 мая (по н. ст.) 1742 г. В нем говорится, что граничары “после единого залпа тотчас принялись за сабли, неприятеля отбили и разогнали и противящихся порубили - яко неищетное число мертвых по дорогам и пашням лежат”. К тому же они “пардону не дают, но всем, которые им в руки попалися, головы отрубили, то очень мало пленных приводется”¹¹⁰.

Не поскупился на высокую оценку граничар и такой знаток сербов, как Ф. Таубе, который назвал Военную крайну “величайшей драгоценностью австрийского дома”. “Граничарские полки, - говорится в его “Описании”, - во время мира ничего не стоят, а во время войны могут настолько увеличиться, что составляют армию из 80 тысяч солдат. Жители тех областей - все прирожденные воины, имеют здоровое мускулистое тело, которому не страшны ратные невзгоды. Они и не любят ничего другого, кроме оружия, с которым знакомы с малых лет. А когда они приходят на службу в свой народный полк, через короткое время становятся искусными воинами, которые с радостью идут на поля сражений, без страха вступают в битву и так преданы своим знаменам, что дезертирство считается у них отвратительным пороком”¹¹¹.

Боеспособность граничарского войска не в последнюю очередь поддерживалась суровостью царивших в Военной границе законов и постановлений. Здесь сложилась особая судебная система, в которой широкие права отдавались воинским командирам, и свое уголовное законодательство. В военных крайнах вплоть до XIX в. применялись варварские пытки и другие жестокие наказания, немыслимые в гражданских провинциях империи. За мелкие преступления наказывали бичом или били палками (до 250 ударов); нарушение субординации каралось отрубанием руки; лжесвидетеля лишали двух пальцев, которыми он творил крестное знамение, принося

присягу; уснувшего на посту или покинувшего пост ждала смертная казнь, участников тайных собраний вешали; шпионов и перебежчиков к неприятелю живьем сажали на кол, а их семьи изгоняли. Самых опасных преступников сжигали на костре или колесовали. Суровость наказаний австрийцы оправдывали природной дикостью сербов и необходимостью поддерживать строгую воинскую дисциплину¹¹².

Во второй половине XVIII в. происходит существенное сокращение размеров военных краин. Если при Карле VI граничары составляли более половины всего австрийского войска, то за время правления Марии Терезии их доля уменьшилась до одной пятой¹¹³. Тому было несколько причин.

Во-первых, это произошло под давлением венгерских и хорватских словий, для которых инкорпорация Военной границы являлась стратегической целью. Одним из первых требований венгров после воцарения Марии Терезии стал принятый Государственным собранием закон 1741 г. о роспуске большей части краин на территории Королевства. Специально созданная комиссия подготовила обширное обоснование этого предложения под названием “Примечания о реинкорпорации военных сербских поселений”. В нем, в частности, утверждалось, что сербские граничары большую часть времени “сидят дома без всякого дела”, в заграничных походах от них нет никакого прока, а с поля боя они “толпами убегают домой”. Привыкшие бездельничать граничары, по словам авторов документа, легко становятся разбойниками и в сговоре со своими священниками (!) грабят и облагают данью население. В качестве вывода предлагалось перевести сербов под гражданское управление, брать с них все налоги, а на собранные средства сформировать регулярные части для охраны границы с Турцией¹¹⁴.

Не менее настойчиво добивались ликвидации граничарских округов хорватские власти. В обращении к императрице 1764 г. хорватские посланцы объясняли свое требование опасением, как бы “это чудовище (Военная граница. - Ю.К.), раскинувшееся от московских границ до Адриатического моря... со временем не поглотило и нашу католическую веру и наше хорватское государство”¹¹⁵.

Эти обращения в конце концов дали результат, прежде всего в отношении краин, расположенных на собственно венгерских землях, которые к тому же оказались на сотни километров удаленными от границ с Турцией. В 1743-1750 гг. по решению верховной власти была ликвидирована Потисско-Поморишская военная граница, чья территория перешла под юрисдик-

цию жупанийских властей¹¹⁶. Сообщивший об этом в Петербург посол М.П. Бестужев-Рюмин объяснял происшедшее происками мадьяров, которые давно уже “неусыпно старались” отомстить сербам за участие в подавлении их восстаний и для которых наступил наконец благоприятный момент: “... при настоящем владении венгерцы здесь поверхность в делах получили и при дворе паче всех подданных великой кредит имеют”. Смысл изменения положения граничар состоял в том, чтобы “поставить оных в ведение венгерского правления”, а “военных же, обретавшихся в тако называемых по рекам моришких и тиских краях, редуцировать и зделать их венгерскими подданными”. Что же касается земельных владений сербов, их принуждали “выменять на камеральные (коморские. - Ю.К.) плохие”¹¹⁷.

При ликвидации Военной границы сербам был предоставлен выбор: становиться обыкновенными крестьянами, лишившись всех прежних привилегий, с перспективой оказаться под спахийской властью либо переселиться в Банат, на границу с Турцией, где планировалось создать новые граничарские поселения. Вот что сообщал по этому поводу Бестужев-Рюмин: “...означено, что когда крестьянами быть не хотят, то [1 сл. неразб.] из них учредить милицию в Банате, коим отведен будет дистрикт, как слышно, самый плохой, где по большей части болотныя и неплодоносныя места имеются; и в мирное время надлежит им платить еще свыше крестьянских податей, и к тому же придадутся оным для команды офицеры либо венгерцы или шокцы (католики. - Ю.К.), сиречь такие, которые из православных католиками зделались”. Несмотря на столь неблагоприятные условия, по сведениям посла, “пошли было на время в Темишварский Банат от здесь тысяч двухсот двадцати осми фамилий, а числом душ более десяти тысяч”. И все это свершается, заключает посол, “по интригам венгерским, чтоб оных сербов толь лехче в свое раболепство привести, и сперва их зделать крестьянами, а потом принудить быть униатами и наконец шокцами”¹¹⁸.

Реакция сербов, которые очень гордились своим статусом “военной нации”, была очень острой. Симеон Пишчевич, принимавший участие в работе ликвидационной комиссии, вспоминает в своих мемуарах, что после объявления сербам решения властей “в народе произошло было велики мятеж, потому что о касировании ландьмилициев и что оставаца в поданстве у венгров и преселятца и разорять свои дома, сочли себы за великую обыду и нарушение их привилегиев; однако напоследок, как нечим иным таково определение было можно переменить, то и остальсы на том”¹¹⁹.

Помимо ликвидации Потисско-Поморишской крайны в 1749-1751 гг. проводилось так называемое “урегулирование” военных краин в Хорватии, в ходе которого усилена централизация в управлении и резко сокращались граничарские привилегии. Такие нововведения вызывали массовые волнения сербов, их бегство в другие земли государства и за границу, в том числе и в Турцию¹²⁰.

Чтобы найти эффективный и наиболее дешевый способ управления и содержания граничарского войска, австрийское правительство все время экспериментировало. Только до начала XIX в. было испробовано три десятка различных систем, которые одна за другой отменялись¹²¹. Для второй половины XVIII в. наиболее значительной реорганизацией было введение в Военной границе в 1785-1787 гг. так называемой кантональной системы.

В соответствии с реформой, разработанной и проведенной генералом Женеином, каждому полку, который до того являлся чисто военным формированием, определялась территория (кантон) с населением, которая отныне становилась базой для пополнения граничарского войска. Во главе кантона-округа находились капитаны и другие офицеры, которые освобождались от военной службы, но зато должны были заботиться об общественном порядке, осуществлять надзор за граничарскими хозяйствами, вершить правосудие и исполнять другие функции гражданских властей. Параллельно с кантональными офицерами каждому округу придавались “походные офицеры” во главе с полковником или майором, которые отвечали за пограничную и военную службу. Кантональная система вводила новую структуру полков (деление на дивизионы, роты, их состав и численность), прописывала обязанности граничар, которые в основном сохранялись в прежнем объеме¹²².

Разделение военных и социально-экономических функций командных структур граничар оказалось непрактичным, в 1800 г. кантональная система была отменена, а в 1807 г. был принят “Основной граничарский закон”, действовавший до конца существования Военной границы¹²³.

К концу 1780-х годов Военная граница приобрела свой окончательный вид. Она простиралась вдоль турецкой границы от адриатического побережья (в районе городов Книн и Задар) до реки Златна Быстрица на границе с Буковиной, имела площадь 8631 кв. миль и около 900 тыс. жителей. В мирное время число находящихся на службе граничар едва превышало 45 тыс. человек, во время войны оно удваивалось. Граница состояла из шести краин, или генералатов: Банская, Карлштадтская, Вараждинская,

Славонская, Банатская и Трансильванская, которые делились на 17 полков и несколько других небольших формирований¹²⁴.

Во второй половине XVIII в. происходила дальнейшая милитаризация Военной границы, которая по-прежнему подчинялась непосредственно монарху. При этом граничарские соединения все более утрачивали свои особенности по сравнению с частями регулярной армии. Система их комплектования начинала напоминать рекрутские наборы, с той лишь разницей, что краины давали пропорционально численности населения в шесть раз больше солдат, чем другие провинции Австрии.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в течение всего XVIII века сербы под властью Австрии признавали легитимность Габсбургской династии и сохраняли по отношению к ней лояльность. Все это время они находились в ситуации выбора: какую из двух сторон поддержать в непрекращавшемся австро-венгерском споре? Делая выбор в пользу Вены, сербы прежде всего заботились о сохранении своего привилегированного статуса, гарантированного грамотами Леопольда I конца XVII в. Со своей стороны венский двор предпочитал идти в этом вопросе навстречу сербам, будучи заинтересованным в них как важным военном факторе, а также используя в качестве действенного инструмента для давления на венгерские сословия. По мере уменьшения роли сербов в вооруженных силах, и особенно в периоды австро-венгерского согласия Вена шла на существенное ограничение прав сербов. Начавшийся в средние века, этот процесс набрал силу в последние годы правления Марии Терезии, несколько ослаб в эпоху “йозефинизма” и наконец получил свое завершение в короткий период царствования Леопольда II.

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБОВ ПОД ВЛАСТЬЮ АВСТРИИ

1. Социально-экономическое положение сербов на рубеже XVII и XVIII вв.

Земли, на которых селились сербы с конца XVII в. (прежде всего территория современной Воеводины), представляли собой равнинную местность, пересеченную многочисленными и полноводными реками.

Пустующие плодородные земли могли бы создать идеальные условия для высокоэффективного производства, если бы не сильная заболоченность, требующая постоянных мелиорационных работ, и нездоровый, слишком влажный климат. Здесь и во времена турок население жило крайне бедно. Проезжая эти места в 1669 г., английский путешественник доктор Браун записал в своем дневнике: “В Среме многие семьи и жители разных местечек живут под землей”¹. Землянки, которые так удивляли иностранцев, стали прибежищем и для первых сербских переселенцев. К обычным трудностям жизни на новом месте добавлялись и страшные последствия минувшей войны. Вошедшие в состав Австрийской монархии области были полностью разорены: города и села заброшены, разрушены транспортные коммуникации, поля превращены в дикуую пустыню².

Социальная структура сербского общества под властью Турции была достаточно однородна. Побывавший во время Венской войны в Сербии австрийский генерал Д. Гайзлер заметил, что там “нет дворянства, а живут одни крестьяне”³. Эта ситуация была воспроизведена и на вновь заселенных землях. Правда, австрийские власти время от времени давали наиболее заслуженным сербам дворянские титулы, но случалось это крайне редко: за 1683-1717 гг. их получили только десять сербских семей⁴. Это обстоятельство весьма осложняло вхождение сербов в существовавшую общественную структуру, ведь по законам государства собственниками земли могли быть только дворяне. А это в свою очередь означало, что сербам была уготована роль “подданных”.

Как уже отмечалось, среди бежавших от турецких преследований сербов существенную долю составляли ремесленники и торговцы. Однако этим людям, лишившимся большей части своего имущества, приходилось начинать все сначала, а для многих перспектива ограничивалась выбором между нелегкой граничарской службой и подневольным крестьянским трудом.

Во время и сразу после завершения Венской войны с Турцией социально-экономические отношения на вновь присоединенных землях формировались довольно хаотично. По отношению к сербам в правящих кругах монархии боролись две точки зрения. Католическая церковь и Придворная комора хотели, чтобы возможно большее число сербов вошли в состав крестьянского сословия, тогда как влиятельные генералы настаивали на определении их в военную службу и создании новых секторов Военной границы вдоль Савы и Тисы. В конце концов в Вене решили разделить сербов на тех, кто станет обычными подданными (крестьянами-кметами), подчиненными гражданским властям - коморским и жупанийским, и обязанных военной службой граничар. С этой целью была создана специальная комиссия, которая в 1698-1703 гг. произвела "сепарацию" земель и населения на Провинциал (под гражданским управлением) и Военную границу, что, впрочем, оказалось далеко не окончательным решением проблемы, так как в течение всего XVIII в. то и дело возникала путаница относительно принадлежности к той или другой части некоторых населенных пунктов, семей и даже отдельных граждан⁵.

Большинство сербских переселенцев, оказавшихся на землях Провинциала, было включено в систему аграрных отношений, основанных на принципах австрийского и венгерского феодализма. При этом в первые десятилетия в Провинциале преобладало коморское управление, когда Придворная комора в одном лице совмещала фискальные функции государства и являлась феодалом - собственником земли. Начиная с 1699 г. значительная часть Срема, территория Бараньи были переданы и проданы представителям светской и церковной знати. В первую треть XVIII в. только земли в Бачке и Славонии сохраняли в основном государственный статус⁶.

Повинности коморских и спахийских (частновладельческих) крестьян были примерно одинаковыми. Еще в 1698 г. за основу обложения для всех государственных и частных налогов был взят средний надел крестьянина, так называемая сессия (позднее разверстка податей стала вестись по количеству домовладений). Самую большую и наиболее тяжелую подать пред-

ставляла военная контрибуция - как обычная, так и чрезвычайная. В начале XVIII в. контрибуцию платили все земли Монархии, на вновь присоединенных землях она составляла 12 форинтов от полного крестьянского надела в год. Кроме того, с каждого надела взимался земельный налог в размере 11 форинтов, в который включались выкуп за барщину (8 форинтов) и 3 форинта основного денежного налога (ценза). Таким образом, главные повинности крестьян по отношению к государству и спахиям имели вид денежной ренты.

Натуральная рента была представлена десятиной и девятиной. Первая, в принципе, считалась церковным налогом, но собиралась государством, за что католическим епископам предоставлялась ежегодная компенсация. Девятина от посевов и мелкого скота предназначалась спахиям. Придворная комора сохраняла за собой все так называемые “регальные права”: сбор таможенных пошлин, акцизов от торговли вином, налогов на мельницы, пивоварни, занятий рыболовством и проч. С другой стороны, владельцы имений присваивали себе различные права и вводили не предусмотренные законом сборы, требуя, например, от каждого хозяйства ежегодно по одной курице, цыпленку, 20 яиц, пол-оки (640 г) масла, десятую часть урожая слив и другие продукты.

Очень тяжелой была повинность по содержанию военных, имевших право на бесплатный постой в случае следования войска через сербские села (Quartiergeld). Наконец, многочисленные государственные органы, как и спахии, могли требовать от крестьян бесплатного подвоза (Vorspann). Если учесть, что Австрия унаследовала от турок плохо развитую и частично разрушенную войной систему сообщения, форшпанская обязанность занимала значительное место в общем объеме феодальных повинностей. Едва ли не всякая жалоба сербских крестьян в XVIII в. в той или иной форме содержала требование ликвидировать или ограничить законом выполнение безвозмездного подвоза⁷.

О городском сербском населении на рубеже XVII и XVIII вв. сохранились лишь фрагментарные сведения. Некоторая часть переселенцев осела в венгерских городах, образовав в них самостоятельные общины, отдельные от местных жителей. В ряде случаев сербы селились в варошах (местечках, небольших городках) и в турецкий период сохранявших преимущественно сербский характер. Одним из самых крупных сербских городов были Сремские Карловцы, насчитывающие в 1701 г. более 400 домов. Большая колония сербов появилась в Буде, где они заселили несколько кварталов,

называвшихся “нижний город Табан”, или “Сербская варош”. Посетивший Буду в 1715 г. Симон Клемент записал в дневнике, что сербы живут здесь “в 1500-2000 главным образом бедных лачугах, но Сербская варош так многолюдна, что, говорят, насчитывает 20000 душ, среди которых есть много богатых людей. Сербы же оказались рассеяны по этим краям (Австрийской монархии. - Ю.К.) и всегда живут отдельно от венгров и немцев, поселяясь по две или три семьи вместе в этих жалких и малых домишках, чтобы всегда быть готовым, в эти беспокойные времена, двинуться в путь со своего места”⁸.

О численности и занятиях сербских горожан дают представления документы магистрата Буда. В списках налогоплательщиков-сербов за 1706-1707 гг. перечисляется 531 лицо, причем в 195 случаях наряду с именами указываются занятия людей. Всего насчитывается около 50 профессий. Самыми распространенными среди них были: скорняки (чурчии) - 24 человека, портные (абаджии, сабовы и терзии) - 24, одеяльщики (чебеджии и капаманджии) - 18, плотники (дунджеры) - 17, бакалейщики (бакалы) - 16, мясники (касапы) - 10, кузнецы (ковачи) - 9, землекопы (копачи) - 7, лодочники (шайкаши) - 7, кожевники (табаки) - 5, шляпники (тачаджии) - 5⁹.

Австрия оставила нетронутой существовавшую при турках цеховую организацию ремесла и торговли, хотя сербы и должны были получить от властей соответствующий диплом или подтверждение. Под влиянием новых условий она видоизменялась, что сказалось в постепенном вытеснении турецких названий ремесел и других терминов немецкими: “цех” вместо “эснаф” и “руфет”, “цехмайстер” вместо “устабаша” и “руфетбаша” и т. п. Торговцы имели свои “компании”, создаваемые по образцу ремесленных цехов.

О внутренней организации цехов можно судить по нескольким сохранившимся уставам и привилегиям. В них зафиксировались типичные для средневековья правила регламентации производства и продажи ремесленных изделий; определены права и обязанности мастера, подмастерья и ученика, условия перехода из одной категории в другую, а также освященные обычаем нормы поведения внутри цехового сообщества и в быту, вплоть до перечня обязательных блюд, подаваемых на совместных трапезах мастеров¹⁰.

Укрепление городов благотворно сказалось на развитии торговли. Помимо местных рынков сербские купцы постепенно стали участвовать и в

международной торговле, вытесняя дубровчан и конкурируя с немецкими и турецкими купцами. Тому способствовали три обстоятельства. Во-первых, пограничное положение территорий, которые оказались заселенные сербами, создавало благоприятные условия для приграничной и посреднической торговли. Во-вторых, австрийские сербы имели и то преимущество, что сохраняли многочисленные, часто родственные, связи со своими соотечественниками в Турции, особенно в Белградском пашалыке и Боснии. В-третьих, сербские поселения оказались сосредоточены в бассейнах нескольких крупных судоходных рек (Дунай, Тиса, Мориш, Сава, Драва), являвшихся частью главной европейской водной магистрали, что имело первостепенное значение в торговых делах, особенно если учесть неразвитость сухопутной транспортной системы в этом регионе. В начале XVIII в. эта сфера деятельности находилась еще в стадии становления, но она имела хорошую перспективу, став со временем одной из составляющих экономического прогресса сербского народа в государстве Габсбургов¹¹.

2. Социально-экономические процессы на сербских землях в 1718-1739 гг.

Территории, вошедшие в состав империи Габсбургов по Пожаревацкому миру, были разорены войной, а численность населения резко сократилась. По австрийским переписям 1718-1721 гг., в Северной Сербии оставалось не более 30 тысяч, а в Банате около 25 тысяч жителей на 1 кв. км¹². К бедствиям военного времени добавлялись и разорительные налоги, которые Австрия ввела на всех оккупированных землях задолго до заключения мира. Это были в основном натуральные и, так сказать, полуофициальные подати, собиравшиеся военными властями для текущих потребностей армии.

Тяготы войны и первых лет австрийской оккупации ярко запечатлелись в общенародной жалобе Карлу VI от сербских старейшин 1719 г. “Славная цесарская армада, - говорится в ней, - три года по воде и по суку топтала нашу землю, и много нив, пашни и баштин пришло в запустение... И сегодня у кого остался вол или конь, тот день и ночь должен давать военным подводы, и любой проходимец может без всякой причины силою заставить бесплатный провоз выполнять... А еще должны мы чиновникам и военным и зимой, и летом предоставлять квартиры... и продуктов в натуре, чтоб хва-

хватило поесть и попить и человеку, и его коню; а сверх того берут у нас деньги, кому сколько любо, в тройном размере против установленного”¹³.

Возглавлявшие специальную комиссию по обустройству Баната австрийские чиновники А. Каланек и С. Ребентиш направили в октябре-декабре 1718 г. в Придворную комору отчеты о своих поездках по вновь завоеванным землям. В них сообщается, что цветущие ранее провинции пришли в упадок, население голодает, а его численность постоянно сокращается; местные жители страдают от произвола военных властей, обнищали и настолько разочаровались в новых господах, что “даже добрым словом поминают о жизни под османской властью”. С. Ребентиш высказывает опасение, что дело идет к массовому бегству людей в Турцию¹⁴.

Все отвоеванные у Турции земли были переданы казне. В отличие от Славонии, Бачки, Срема здесь не было образовано ни одного частновладельческого имения. В 1718 г. в Банате была учреждена Государственная администрация с центром в Темишваре. Формально она заменяла военную власть на гражданскую, однако ставший военным губернатором Баната еще в начале войны известный генерал-реформатор К.Ф. Мерси и после 1718 г. оставался во главе управления областью. В Северной Сербии, получившей название “королевства”, в 1720 г. была образована Белградская администрация во главе с председателем принцем Александром Вюртенбергским, сосредоточившим в своих руках все административные, военные и финансовые дела и подчинявшимся непосредственно Вене¹⁵.

Австрийские власти хотели создать из новозавоеванных территорий не только мощный оборонительный рубеж, но и своего рода образцовые провинции с новым порядком и совершенно довольными властями жителями, чтобы сделать их привлекательными для оставшихся под турецким игом христиан. Сербия и Банат стали в каком-то смысле испытательным полигоном для политики меркантилизма, который в Западной Европе уже проложил путь капитализму. Меркантилистская экономическая политика Австрии применялась почти в чистом виде в Банате, где ее проводником стал председатель Темишварской администрации граф Мерси. Австрийские власти прилагали много усилий, чтобы осушить болота, прокопать каналы, очистить русла рек, проложить дороги, построить новые поселки. Особое внимание уделялось внедрению передовой агротехники, европейских ремесел, основанию мануфактур, развитию торговли. Наконец, ставилась задача способствовать созданию, выражаясь современным языком, социаль-

ной инфраструктуры, в частности введению почтовой службы и основ здравоохранения¹⁶.

Замысел столь амбициозной программы зиждился на том, что затраты на перечисленные мероприятия скоро с лихвой окупятся, ибо находящиеся в “полудиком состоянии” сербские крестьяне приобщатся к передовым методам хозяйствования, станут крепкими и самостоятельными производителями, а стало быть, и приносящими все большую прибыль казне налогоплательщиками. Проведенная губернатором Баната широкомасштабная “цивилизационная” акция принесла свои плоды, многие проекты удалось воплотить в жизнь. В середине XVIII в. вывоз из Баната превышал ввоз в два раза. Однако полному успеху помешало то, что Придворная комора много экспериментировала, а чиновники были озабочены не столько своей культурной миссией, сколько пополнением коморской кассы. Наконец после двух десятилетий экспериментов естественным путем победила концепция превращения Баната в сырьевую базу для молодой австрийской промышленности¹⁷.

Гораздо менее ощутимыми были результаты экономической политики меркантилизма в Северной Сербии. Здесь очень скоро верх взяли чисто фискальные интересы; австрийская администрация не сумела даже обеспечить систематическую эксплуатацию сербских рудников; не получили развития другие хозяйственные и культурные проекты.

Экономическое развитие всех населенных сербами земель зависело прежде всего от состояния крестьянского подворья. Имеющиеся в распоряжении исследователей достаточно фрагментарные статистические данные позволяют тем не менее составить представление о том, в каком направлении эволюционировало крестьянское хозяйство.

В соответствии с принятой в то время системой налогообложения полный крестьянский надел, называемый “сессией”, включал 24 ютра пахотной земли (1 ютро равнялось приблизительно 0,5 га) и 8 ютар лугов. В действительности сербские крестьяне пользовались гораздо меньшими участками земли в 1/2, 1/4 или даже 1/8 полного надела. Существовали и немногочисленные прослойки крестьян, которые имели дом, усадьбу, а землю арендовали у спахии (инквиллины и желеры); а также не имевшие своего дома и жившие в частных имениях на положении батраков (субинквиллины)¹⁸.

Опубликованные С. Гавриловичем результаты переписи одного из имений в Среме за 1721 и 1737 гг. свидетельствуют о существенном прогрессе

крестьянского хозяйства: расширении обрабатываемых площадей, развитии продуктивности животноводства (рост по всем показателям почти в два раза)¹⁹. Эти успехи выглядят особенно внушительно, если учесть, что земледелие в первой половине XVIII в. оставалось примитивным: господствовало двухполье, главным тягловым скотом был вол, иногда лошадь; железный плуг оставался большой редкостью, почти весь сельскохозяйственный инвентарь изготавливался из дерева. В большинстве районов с сербским населением животноводство преобладало над земледелием. Большое количество пустошей, естественных пастбищных угодий при очень низкой плотности населения создавало благоприятные условия для развития именно этой отрасли. Причем в начале рассматриваемого периода основное значение имело разведение крупного рогатого скота, а затем наблюдается переход к преобладанию свиноводства и мелкого рогатого скота в специализации крестьянских хозяйств²⁰.

В коморских и спахийских владениях существовали все три вида феодальной ренты, но отработочная, самая тяжелая, была весьма ограничена. Число и величина налогов мало изменились по сравнению с началом века. Как и прежде, наиболее тяжелой обязанностью была уплата “контрибуции” (24 форинта с полного надела). Новым стала широко распространившаяся практика передачи сбора налогов в аренду или на откуп немецким чиновникам, граничарским офицерам, сербским кнезам, еврейским торговцам и ростовщикам. Откупная система позволяла резко завышать величину податей и присваивать разницу между предполагаемым и фактическим уровнем дохода. При этом “арендаторы” нещадно обманывали как государственную казну, так и подданных.

Обращения сербов к властям в это время заполнены жалобами на произвол откупщиков. Так, на собрании представителей 47 крестьянских общин в Вербасе (Бачка) 21 августа 1734 г. была снаряжена специальная делегация в Вену хлопотать об отмене сей порочной практики. В принятой на собрании “инструкции” своим посланникам первым пунктом было записано: “Через эту аренду мы уже немало натерпелись от господ офицеров, а особенно с того времени, как высокославная Комора нас начала откупщикам продавать. И просим, чтоб впредь нас не продавали, будто мы бессловесная скотина... А господа откупщики и окружные офицеры обманом вытянули из нас и высосали на 158000 форинтов больше, чем мы должны были дать”²¹.

Помимо проблемы злоупотреблений чиновников и откупщиков сербских крестьян еще более волновал вопрос об их социальном положении. Сразу же после Великого переселения 1690 г. они под угрозой возвращения назад в Турцию настаивали на своем статусе “цесарских воинов, а не частных кметов”. Однако начавшийся еще в конце XVII в. переход населенных сербами земель во владение частных лиц после 1718 г. принял широкий размах. В 1723 г. этот процесс (в историографии он обозначается термином “покмечивание”) получил юридическую основу в 61-й статье Венгерского закона, которая прикрепляла сербов к земле, лишая их права свободного перехода и делая крестьян лично зависимыми людьми. К началу 30-х годов большая часть коморских земель с сербским населением к северу от Дуная и Савы была продана или передана в дар феодалам²².

Тяжесть положения крестьян, находившихся под властью частных лиц, не в последнюю очередь была обусловлена господством более высокой нормы и более тяжелых форм эксплуатации в этой категории имений (достаточно сказать, что доходность частных имений была в три раза выше, чем государственных). Неслучайно употребление в многочисленных протестах и жалобах термина “йобагион” (от венгерского “jobbagy”, латинизированное “jobagio”) для обозначения жителя частного имения. В сознании рядового серба крестьяне на государственных землях считались свободными в отличие от “йобагионов”, которые попадали в личную зависимость от феодалов и почитались людьми низшего сорта. Депутаты сербского сабора 1730 г. при обсуждении вопроса о народных привилегиях обвинили австрийские власти в стремлении “народ наш подчинить власти господ в качестве йобагионов (да буде под спаилуком какоти юбачи)”. И дальше народные представители твердо заявляли: “Мы наших привилегий строго придерживаемся и отвечаем, что как никогда йобагионами не были, так и теперь просим... чтобы Светлый цесарский двор нас йобагионами не сделал”²³.

Реакцией сербов на процесс “покмечивания” и возрастающую эксплуатацию со стороны чиновников и откупщиков были не только многочисленные петиции и жалобы. Нередко дело доходило и до открытых выступлений, которых за двадцатилетний период произошло не менее десяти²⁴. Социально-экономические корни имело и такое неоднозначное явление, как гайдучество. В отечественной историографии его принято считать одной из форм национально-освободительного движения угнетенных балканских народов. И если применительно к османским владениям такая оценка является отчасти справедливой (от налетов страдали прежде всего

зажиточные турки), то в отношении земель под властью Австрии романтическое представление о гайдуках, как борцах за бедных против богатых будет неточным.

Несколько австро-турецких войн, сопровождавшихся разорением и грабежами, массовыми миграциями и репрессиями, неизбежно приводили к социальной деградации и огрублению нравов населения. Гайдуки из защитников слабых превращались в разбойников с большой дороги, жертвами которых становились подданные той же веры. В Славонии, Среме и Банате действовали небольшие дружины из 3-15 человек, которые не только грабили торговые караваны, но и нередко облагали “таксой” целые крестьянские общины. Население не только сел, но и городов с военными гарнизонами пребывало в постоянном страхе от возможных гайдуцких налетов, которые не прекращались с весны до осени (в зимнее время гайдуки укрывались у “ятаков” - помощников, которые помогали им из корыстных побуждений). Власти применяли к гайдукам самые суровые наказания: пытки, смертную казнь, сожжение домов, даже решались на расселение целых деревень, которые подозревались в укрывательстве разбойников. Но никакие меры не помогали искоренить зло²⁵.

Рост социальной напряженности в областях с преобладающим сербским населением вынуждал австрийские власти время от времени заниматься проектами об улучшении положения коморских и спахийских подданных. Так, по решению Придворной палаты в Славонии и Среме в 1731-1733 гг. работала специальная комиссия во главе с коморским советником Габриелем фон Эберлом. Ужаснувшись некомпетентности и произволу чиновников, Г. Эберл в конце своего отчета предлагает заменить их всех без исключения, тем самым облегчить положение подданных, которые от безысходности “впадают в отчаяние и уходят в разбой”²⁶.

Рекомендации Эберла остались без последствий. Однако после ряда крестьянских бунтов в середине 30-х годов Карл VI послал в 1735 г. новую комиссию под руководством генерала Андрея Гамильтона. Новый доклад, мало чем отличавшийся от предыдущего, стал предметом обсуждения на Государственной конференции - высшем совещательном органе при монархе. Поддержав все выводы комиссии А. Гамильтона, Карл VI даже заявил о своем возмущении: “Мне трудно понять, как можно было столь долго скрывать такие многочисленные злоупотребления и угнетение подданных”²⁷. Материалы двух комиссий и решения Государственной конференции были положены в основу двух урбариев 1736-1737 гг.

В 1736 г. был издан так называемый “Траунов урбарий”, который должен был стать основным законом для крестьян-кметов в коморских владениях Южной Венгрии. Свое название он получил по имени генерала Трауна, который руководил подавлением крестьянских волнений 1735 г. Урбарий устанавливал высокую денежную ренту в 6 форинтов в год с полного надела, но зато очень небольшую отработочную повинность - 12 дней ежегодно. Кроме десятины, которая в урбарии детально не описывается, крестьянин давал девятину от вина и всех посевов, кроме огородных²⁸.

В мае 1737 г. Карл VI, “приняв к сердцу жалостливые просьбы своих покорных и любезных подданных”, обнародовал Славонский урбарий, действие которого распространялось и на территорию Срема. Первый его пункт полностью запрещал барщину, которая подлежала денежному выкупу и была включена в общую сумму земельного налога. Единственные отработки, на которые можно было привлекать крестьян, - это строительство мостов и дорог общего пользования по месту проживания. “Большая десятина” на вино, пшеницу, рожь, ячмень, овес и кукурузу сохранялась, но урбарий вводил процедуру измерения причитающейся для уплаты десятой части урожая в присутствии провизора или сельского кнеза с двумя доверенными лицами из крестьян. Что же до “малой десятины”, то она “как совершенно несправедливая полностью запрещалась” как в пользу спахиев, так и по отношению к “беззаконным требованиям” епископов католической церкви. Далее урбарием снижались поборы с крестьян за пользование водяными мельницами, регулировался выпас свиней в лесах, сельским жителям разрешалось без всяких акцизов изготавливать для собственных нужд ракию и иные напитки, ограничивались и некоторые другие “регальные права” спахиев. Очень важным был двенадцатый пункт урбария, по которому в Славонии навсегда запрещалась сдача спахийских земель в аренду, а отнятые у сельских общин земли должны были быть им возвращены²⁹.

Оба урбария, охватывавшие своим действием большую часть заселенных сербами земель, создавали весьма благоприятные условия для улучшения положения крестьянства. Однако начавшаяся австро-турецкая война, поразившая Славонию и Срем эпидемия чумы, сопротивление спахиев внедрению новых норм и слабость новосозданного коморского управления в Осиеке - все это привело к тому, что проведение урбарияльных актов было отложено, а потом и вовсе забыто³⁰.

Свою специфику имело развитие у сербов ремесел и торговли. В течение первой половины XVIII в. понятие “город” (в сербских источниках он чаще всего называется “варош”) использовалось для обозначения сравнительно небольшого поселения ремесленников и торговцев. Они возникали и развивались, как правило, близ крупных крепостей, в административных центрах округов, на перекрестке торговых путей и насчитывали по нескольку сот домов. Как уже отмечалось, с конца XVII в. сербы оседали во многих городах Центральной и Южной Венгрии, образуя в них отдельные сербские общины. Вследствие ухода из этих районов венгерского населения и принявшей широкий размах немецкой колонизации практически все городские поселения на заселенных сербами землях (кроме Хорватии) к 1739 г. приобрели двуязычный характер. Под одним географическим названием скрывалось как бы два отдельных поселения: одно - преимущественно с немецким населением, другое - с сербским. О примере г. Буды, сербская часть которого именовалась “нижний город Табан”, уже упоминалось. Белград состоял из двух разделенных по этническому признаку половин: Дунайский (немецкий) город и Савский (сербский). Аналогичной была структура Земуна, Нови-Сада, Панчево, Белой Церкви и других городов.

Жизнью городской общины руководил магистрат (танач) во главе с “великим варошским биром”, или судьей, который избирался из числа самых богатых и авторитетных горожан. Однако сербские таначи находились в зависимости от немецких магистратов, обязаны были выполнять их распоряжения по общегородским делам. Чаще всего члены сербской общины не имели своих представителей в немецких магистратах, которые считались общегородскими и обладали, в частности, правом установления местных налогов и сборов. Сохранились десятки прошений различным австрийским инстанциям, в которых сербы требовали уравнивать их с другими горожанами (немцами, венграми, хорватами) - “принять в число пургерское”. Еще в июне 1708 г. будимские сербы обратились с посланием в городской магистрат Буды. “Вот уже скоро двадцать лет, как здесь поселились, - говорится в письме, - и живем вместе с вами; вы знаете свои права, а мы нет, не знаем даже: то ли мы бюргеры, то ли крестьяне”³¹. Положение, однако, очень долго не менялось.

Характер ремесленного производства в городах, его организация, набор наиболее распространенных профессий не претерпели значительных изменений по сравнению с периодом до 1718 г. Разве что получила дальнейшее

развитие обнаружившая себя еще в начале века тенденция постепенного вытеснения традиционных балканских ремесел европейскими, получившими распространение с переселением немцев. Этот процесс мог бы развиваться еще быстрее, если бы немецкие мастера не скрывали секретов своего искусства. Так, земунские ремесленники-немцы тщательно следили, чтобы только католики учились их ремеслу. На протяжении полувека в некоторые цехи не было принято в учение ни одного ученика сербской народности, еще меньше допускались сербы в разряд подмастерьев и мастеров.

Хотя разделение цехов по этническому признаку сохранялось, а немецкие и сербские мастера даже на ярмарках обязаны были торговать в разных рядах, взаимовлияние понемногу давало о себе знать. В составе сербских цехов изредка стали появляться немецкие имена, а европейские обычаи, формы организации, профессиональные приемы все более осваивались сербами³².

Объединения купцов первоначально назывались эснафами, позднее - компаниями. В торговле сербам приходилось конкурировать не только со своими традиционными соперниками на Балканах - греками, евреями, армянами, но и с хорошо организованными немецкими компаниями. В 1719 г. указом Карла VI была возобновлена деятельность Восточной торговой компании (Die Orientalische Handelskompagnie), которая получила монополию на торговлю с Турцией всеми видами товаров. Значение этой привилегии будет особенно понятно, если иметь в виду очень благоприятные условия торгового договора, заключенного Австрией и Турцией при подписании Пожаревацкого мира. Договор провозглашал свободу торговли сухим и водным путем. Несмотря на объявленную императором монополию, сербские купцы были столь активны в посреднической торговле с турецкими областями, что председатель Белградской администрации принц Александр в конце концов предложил включить их в состав "Компании Ориенталиш" или принудить сотрудничать с ней. Однако белградские торговцы сумели добиться от Вены в 1725 г. разрешения на создание собственного торгового эснафа, члены которого получили право на исключительную торговлю мануфактурой из Турции, Австрии и Германии.

Отмечавшиеся даже австрийцами деловитость, смекалка, обширные связи и умение рисковать принесли сербским купцам несомненные успехи: к концу 30-х годов под их контроль перешла большая часть торговли на территории Южной Венгрии, Сербии и Баната, а кроме того, они устано-

вили оживленные торговые связи с важнейшими городами Германии, Польши, Турции, Адриатического побережья³³.

3. Экономическое развитие сербских земель в середине и второй половине XVIII в.

Белградским миром 1739 г. завершилась эпоха австро-турецких войн, много раз превращавших населенные сербами земли в арену ожесточенных сражений, разрушавших иногда до основания производительные силы и вызывавших массовые миграции населения. Границы между двумя могущественными державами стабилизировались, и в регионе на полстолетия воцарился мир. До конца века он был нарушен лишь однажды - во время последней австро-турецкой войны 1788-1791 гг., которая, впрочем, не имела былого размаха и столь катастрофических последствий, как прежние войны. Мирный труд в сочетании с чрезвычайно благоприятными природными условиями создавали предпосылки для экономического прогресса этого региона во второй половине XVIII в.

Для характеристики экономического развития сербских земель под властью Габсбургов неоценимое значение имеют описания Славонии и Срема, сделанные австрийскими чиновниками Ф. Таубе (1777) и Ф. Энгелем (1786).

Таубе называет этот район “благословенной землей”, сожалея только о том, что “рука человека здесь еще мало приходит на помощь природе”. Срем, по его мнению, самая лучшая и богатая часть Венгрии: “...плодородие почвы здесь таково, что земле нужен только один лучик солнца, чтобы она уродилась всевозможными плодами... Часами можно ехать вдоль обработанных полей, на которых зреет столько пшеницы, кукурузы, проса, гороха, дынь и других плодов, что всю Германию в случае неурожая можно было ими снабдить в изобилии”. Единственным недостатком этих мест Таубе считал слишком жаркий и влажный климат, из-за которого их прозвали “могилой для немцев”³⁴. По свидетельству Ф. Энгеля, сербы живут в “так щедро наделенной Богом и природой земле, что здесь без особого труда и мучений произрастает все, что хоть немного потребно как для пропитания, так и для удобства человеческой жизни”³⁵.

Вместе с тем оба автора поражались, как далеко еще этой богатой земле до стандартов европейской цивилизации. По словам Таубе, эта дикая страна “существует без домов для убогих и престарелых, больниц и лазаретов,

без исправительных домов и домов для сумасшедших, без гостиниц и сиротских приютов, без родильных домов и пожарных команд”. Его удивляют жестокие наказания и примитивность судопроизводства, при котором “прокуроры и адвокаты поумирали бы с голоду”. Дома славонцев “из-за грязи полностью похожи на жилища американских (!) дикарей: всего одна комната, в которой не найдешь ни окон, ни зеркала, ни столов, стульев или лавки, ни кровати, ни печи и т. п. Эта комната служит постоянным жилищем как для многочисленной семьи, так и для их свиней и домашней птицы. Вся кухонная посуда состоит из одного котла, одного единственного ножа и из нескольких деревянных мисок и тарелок; пальцы служат им вилками”. Со своими детьми, продолжает Таубе, иллиры не нежничают: “каждый глава дома посылает детей пасти скот, такие дети и растут как скоты по лесам и пустошам... Дети каждый день купаются в реках, а зимой целыми днями гоняются по снегу и льду безо всякой одежды за исключением легкой рубашки. Когда наполовину замерзшие и окоченевшие они приходят домой, мать дает им выпить ракии”³⁶.

Весьма неоднозначны отзывы о характере и деловых качествах сербов-иллиров. “Любовь к дикой свободе, привычка к безделию и склонность к неумеренному питию - прирожденные свойства иллира, - пишет Ф. Энгель. - А кроме того, еще и чрезмерная приверженность к дурным привычкам, каковые они выдают за религиозные обряды”. Отмечая далее гостеприимность, взаимовыручку, бесстрашие и выносливость сербов, автор насчитывает гораздо больше пороков: “глубочайшее невежество, суеверие, знахарство, колдовство, пьянство, отсутствие трудолюбия, задиристость и склонность к грабежу”. По мнению Таубе, “природная леность этого народа, особенно мужчин, такова... что иллир не начнет работать, пока его к этому не вынудит голод”, а кроме того, они “изворотливы, лукавы и умеют лицемерить”. “И все-таки можно сказать, - делает вывод чиновник, - что по сравнению с хорватами и далматинцами они просто ангелы”³⁷.

Любопытно, что оба автора видят одинаковые причины такого “неморального” положения народа и предлагают одни и те же пути его преодоления. Таубе на первое место ставит зависимое, бесправное положение сербов: “Горожане, крестьяне, солдаты - все они на положении кметов. Леность везде является оборотной стороной кметства. Пусть будет введена свобода и собственность... Это сделает их прилежными и работающими, население будет быстро увеличиваться, а страна начнет процветать”. Он предлагает сделать упор на воспитание и обучение детей, введение новых

мануфактур за счет государства и привлечение в эти края иностранных мастеров и искусных работников. Последнему средству придавалось особое значение: “Подобно тому, как один единственный храбрый воин во время битвы может сотню трусливых солдат превратить в такое же количество героев, так и пример работающих иностранцев может подвигнуть к труду тысячи ленивых славонцев”³⁸.

В духе таких рекомендаций и строилась экономическая политика австрийских властей в населенных сербами районах. Руководствуясь принципами меркантилизма, правительство заботилось о развитии транспортных систем (в частности, поощряло прокладку судоходных каналов в Воеводине, которые обеспечивали быструю перевозку товаров, тесно связывая экономически отдельные районы); осуществляло немецкую колонизацию этих земель, стремилось к ликвидации препятствий для свободной торговли, поощряло развитие ремесла и учреждение мануфактурного производства, пыталось наладить эффективную систему образования молодежи. На государственных землях и в частных владениях постепенно происходили позитивные изменения в агротехнике и культуре земледелия: переход к трехпольной системе, появление семеноводства и улучшение качества зерна, увеличение посевов кукурузы, внедрение картофеля, некоторых других овощных и технических культур; в качестве тягловой силы все больше использовались лошади вместо волов, неизмеримо улучшился сельскохозяйственный инвентарь³⁹.

О том, что такие изменения были следствием целенаправленных действий, свидетельствует, например, тот факт, что в 1744 г. в большом имении Ивана Адамовича на территории Бачки и Славонии был составлен специальный свод правил для крестьян. На пятидесяти страницах этого документа содержалось 443 наставления относительно производственных операций, начиная от описания условий содержания скота и кончая технологией изготовления кирпича. Еще проще поступали воинские власти, издававшие специальные приказы, которым обязаны были следовать граничары. Например, приказ о выращивании картофеля, в котором объяснялось, как готовить почву, обрабатывать семена перед посадкой и т. д.⁴⁰ Интересно в этой связи привести и одно из донесений российского посла в Вене Д.М. Голицына за 1777 г., в котором он сообщал, что озабоченное малочисленностью “ремесленных людей” в населенных сербами и хорватами районах правительство произвело набор и отправило в Вену 86 юношей, которые “на казенном иждивении переданы разным мастерам для обучения

ремеслам”. После завершения курса они будут отправлены в свое отечество, а на их место набраны новые⁴¹.

Совершивший в 1795 г. путешествие по сербским землям венгерский граф Доменик Телеки описал в своем дневнике произошедшие с сербами перемены. И хотя немецкие и другие поселения иностранцев все еще выделялись, по его впечатлениям, особой красотой и ухоженностью, “сербь во всем берут с них пример и уже стали, особенно в северных областях, добрыми крестьянами, в чем они многократно превосходят своих соседей влахов”⁴².

Типичное крестьянское хозяйство, по описанию Ф. Энгеля, состояло из дома и надворных построек, где содержались лошадь, крупный рогатый скот, свиньи и овцы. Крестьянин пользовался принадлежащими государству или спахиям пашней и лугом, имел виноградник, несколько пчелиных ульев, а изредка владел и мельницей. Средний крестьянский надел во второй половине XVIII в. несколько увеличился и колебался от 0,5 до 1 “полной сессии”. Проблемы нехватки земли в это время здесь не существовало. Более того, историком С. Гавриловичем выявлена любопытная тенденция: спахии нередко навязывали крестьянам и общинам больше земли (от размеров участков зависел уровень повинностей), чем те хотели взять⁴³.

Основной отраслью сельского хозяйства у сербов продолжало оставаться животноводство. “Коров и свиней, а также лошадей, ослов, овец и другую живность, - пишет Ф. Таубе, - иллиры ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью не загоняют в стойла, так как последние у них совершенно отсутствуют, а лень и бедность народа не позволяют им их строить. Тем самым не только теряется удобрение, но и ощутимо сдерживается внедрение племенных пород животных... оставленных на милость и немилость волкам и медведям”. После крупного рогатого скота сербы больше всего специализировались на выращивании свиней. Свиноводство имело свои особенности, о которых весьма живописно повествует тот же автор. По его словам, сербы просто загоняют в лес молодых свиней, где они, предоставленные сами себе, питаются желудями и кореньями: “Когда урожай желудей большой... в дубовых рощах все кишит свиньями. В это время ни одна собака не смеет в лесу показываться, так как ее свиньи просто растерзают. И даже проезжать через такие места на повозке не вполне безопасно”⁴⁴.

Наряду с животноводством продолжало развиваться зерновое хозяйство. Благоприятные природно-климатические условия позволяли крестьянам получать стабильно высокие урожаи, а увеличение посевов кукурузы

обеспечивало им дополнительную прибыль. Если до середины XVIII в. зерно производилось здесь почти исключительно для внутреннего потребления, то во второй половине столетия все большая его часть становится предметом вывоза. Очень развитой отраслью сельского хозяйства, особенно в Среме и Банате, было виноградарство. Оно имело у сербов многовековые традиции, но получило и новый импульс, так как им занялись искусные немецкие виноградари, прибывшие с берегов Рейна. Площади под виноградниками постоянно росли; к концу века производство вина в одном Среме оценивалось в один млн. бочонков, его охотно меняли на зерно и другие продукты по всей Венгрии. Ф. Таубе заметил также, что сербы из всех плодовых деревьев отдают предпочтение сливе: "... из нее изготавливается специальная эссенция, которая под именем ракии или шливовицы (Raky oder Schlivavicza) является любимейшим каждодневным напитком иллиров в турецких и венгерских землях"⁴⁵.

Еще в период правления графа Мерси в Банате были сделаны первые попытки приобщить сербских крестьян к шелководству, но начало бурного роста этой отрасли на всех сербских землях приходится на 1760-е годы. Первоначально им занимались иностранцы, в основном итальянские специалисты. Однако австрийские власти предпринимали чрезвычайные усилия, чтобы вовлечь в эту работу местное население: были созданы питомники по разведению тутовых деревьев, посадочный материал и семена раздавались бесплатно, также бесплатно проводилось обучение всех желающих способам выращивания шелковичного червя, правительство установило специальные премии и награды лучшим шелководам, целая армия коморских чиновников назначалась следить за развитием этой отрасли. На этот раз инициатива властей увенчалась полным успехом: к концу столетия населенные сербами провинции становятся основным шелководческим районом Австрийской монархии. Стремительное развитие шелководства Ф. Энгель связывал с его высокой доходностью, благодаря чему крестьяне имели дополнительный заработок. Ф. Таубе причину успеха видел в другом. Со свойственным ему сарказмом он заметил, что разведение червей "не слишком обременяет крестьян и вполне соответствует исключительной природной лени иллиров"⁴⁶.

Во второй половине XVIII в. крестьянское хозяйство все еще сохраняло в значительной мере натуральный характер, оставаясь, по меткому выражению Таубе, своеобразной "крестьянской мануфактурой", которую он описывает следующим образом: "Земледелец, а лучше сказать, его жена,

производит все, что необходимо как для того, чтобы прикрыть свое тело, так и для удовлетворения домашних потребностей всей семьи... Вот почему крестьянам не нужны иноземные товары. Они для собственных нужд, а не для продажи, изготавливают грубое полотно, турецкое сукно, головные уборы, иллирские туфли и башмаки, которые зовут опанки, и т. д. Большую часть инструментов и инвентаря для земледелия и виноградарства мастерят сами крестьяне, которые к тому же умеют дубить кожу. Женщины красят выделанную овечью кожу голубой краской, а потом ее продают... В то время как женщина-славянка должна все время тяжело работать, ее муж придается праздному безделью»⁴⁷.

В 50-60-е годы XVIII в. происходит существенный сдвиг в социально-экономическом положении сербского крестьянства, связанный с принятием новых урбариев. Первым в их ряду стал так называемый Славонский урбарий Марии Терезии 1755 г. (окончательный вариант 1756 г.), который распространялся также на Срем и действовал до 1848 г.

В соответствии с урбарием каждый крестьянин платил с полного надела земельный налог спахии 3 фор. в год в два приема и должен был отработать на господина 24 дня с двумя волами от восхода до захода солнца или 48 дней без подводы. При этом крестьянин имел возможность откупиться от барщины из расчета 10 крейцеров за каждый день безтягловой работы. Положение об откупе было выгодно прежде всего крестьянину, который мог больше внимания уделять собственному хозяйству. С другой стороны, такая норма позволяла сохранить спахийское хозяйство, не давая ему в то же время слишком расширяться. Урбарий 1756 г. регулировал и другие крестьянские повинности, в том числе обязанность заготавливать для спахии топливо, сено; закреплялись подать на убой скота, правила пользования пастбищами, лесами (откорм свиней), регламентация рыболовства, охоты и др. Кроме того, в документе оговаривались права сельской общины, в частности, по выборам кнезов и их полномочиям⁴⁸.

Принятие Славонского урбария было в известной степени откликом центрального правительства на масштабные крестьянские волнения, которые захватили Хорватию и Славонию в 1755 г. Похожими оказались и обстоятельства создания Венгерского урбария 1767 г., распространявшего свое действие на Баранью, Бачку и некоторые другие провинции с сербским населением. Посылая печатный экземпляр документа в Петербург, посол Д.М. Голицын сопровождал его припиской, что урбарий был принят

“по случаю бывшего в прошлом году в разных венгерских комитатах возмущениях крестьян против их помещиков”⁴⁹.

Урбарий Марии Терезии для Венгрии устанавливал максимальные значения крестьянских повинностей. Крестьянин с полным наделом платил 1 фор. денежной ренты двумя частями в дни Св. Георгия и Св. Михаила; давал помещику ежегодно 2 кур, 2 каплунов, 12 яиц, 1 итце (0,85 л) сливочного масла. С 30 крестьянских хозяйств господин получал одного теленка или 1 фор. 30 крейцеров платы. Барщина устанавливалась на довольно высоком уровне - 1 день в неделю от зари до зари со своим плугом или два дня “работы руками”. Кроме того, урбарий предусматривал право господина привлекать крестьян на дополнительную работу за плату. Что касается сельской администрации, то, согласно урбарии, старосту-кнеза выбирала община из трех кандидатур, предложенных помещиком. В выборы писаря и эшкутов-присяжных он не вмешивался⁵⁰.

После инкорпорации Баната в состав Венгрии в 1780 г. для него был создан особый урбарий - последний из введенных в XVIII в. на югославянских землях Австрийской монархии. Крестьянские наделы делились на три класса в зависимости от качества земли. От последнего зависели величина барщины и размер денежных сборов. С полного надела первого класса (лучшей земли) полагалось 104 дня простой барщины в год, из которых 45,5 дня действительных отработок, а 58,5 дня выкупались за деньги. Барщина с наделов второго и третьего классов составляла соответственно 78 и 62,5 дня, из которых более половины подлежало выкупу из расчета 10 крейцеров за один день. Инквилины обязаны были восемью днями бесплатной барщины спашии или коморе, субинквилины - шестью днями. Лица, занимавшиеся ремеслом или торговлей, откупались от барщины платой в 5-20 фор. в год. Как и другие урбарии, акт 1780 г. предусматривал натуральный оброк, а также десятину от урожая, вина, пчеловодства и др. В целом крестьянские повинности в Банате были более легкими по сравнению с нормами Венгерского урбария⁵¹.

Патент 1781 г. Иосифа II, объявлявший крестьян свободными, давал им свободу передвижения и право выбора места жительства, право заключать сделки и т. п. Однако крестьяне не могли стать собственниками своего надела и освободиться от повинностей иначе, как по соглашению со спашией путем выкупа. Некоторое облегчение им должна была принести налоговая реформа, по которой максимальная сумма налогов и повинностей не должна была превышать 30% общего дохода крестьянского хозяйства, но она

была провозглашена уже в самом конце царствования Иосифа II в 1789 г. и не успела укорениться⁵².

Утверждение и повсеместное распространение урбариальной системы способствовали стабилизации социально-экономического положения сербского крестьянства. После введения урбариев или разработанных на их основе урбариальных договоров во всех населенных сербами провинциях до конца столетия установился относительный социальный мир. Благодаря урбариям было достигнуто, по точному замечанию С. Гавриловича, “известное равновесие между стремлением спахии максимально увеличить отработочную ренту для обеспечения все возрастающих потребностей своего хозяйства и стремлением крестьянства свести к минимуму барщину и создать себе благоприятные условия труда на собственном наделе”. Урбарии, безусловно, способствовали развитию процесса “покмечивания” и прикреплению крестьян к феодальному имению, но в то же время представляли собой препятствие для спахиев в их попытках полностью обесправить крестьянство. В этом смысле можно сказать, что верховная власть посредством введения урбариальной системы в определенном смысле защищала кмета и его хозяйство⁵³.

Во второй половине XVIII в. во всех районах Австрийской монархии с преобладающим сербским населением происходило развитие городов, которые по своему статусу могли быть трех типов: свободные королевские города, коморские городки и военные коммунитеты. Несмотря на очевидные различия в правовом положении, все они имели один и тот же экономический уклад, примерно одинаковую структуру занятий населения, схожие типы организации ремесла и торговли.

Первый тип поселений встречался достаточно редко: к концу правления Марии Терезии во всей Венгрии насчитывалось всего 44 свободных королевских города (во многих из них имелись сербские общины). Что же касается собственно сербских поселений в границах современной Воеводины, то к середине XVIII в. статус свободного королевского города получили только два из них. В 1748 г. Мария Терезия специальной грамотой включила в их число Петроварадинский Шанац под именем Нови-Сад (Neoplanta), который стал развиваться столь стремительно, что уже во второй половине столетия превратился в один из самых крупных центров торговли Венгрии⁵⁴.

Интересна история появления другого города - Сомбора. После ликвидации в 1741 г. Потисской Военной границы жители Сомбора не захотели

переселяться на вновь отведенные для граничар земли и не желали становиться податным сословием под управлением жупанийских властей. Сомборцы стали хлопотать о получении статуса свободного королевского города. Чтобы собрать громадную сумму в 150 тыс. фор. в уплату за императорскую грамоту, им пришлось сложить не только все средства, которыми они располагали, но и набрать кредитов едва ли не у всех венгерских ростовщиков. 17 февраля (по н. ст.) 1749 г. Мария Терезия подписала грамоту об “элиберации”, и Сомбор стал полноправным городом Королевства Венгрии⁵⁵.

Статус города, который сомборцы получили ценой столь невероятных усилий, предоставлял его жителям очень широкие права. Высокопоставленный австрийский чиновник Франц Энгель в своем знаменитом “Описании Славонии и Срема” 1786 г. дал им следующую характеристику. Свободные королевские города, по его словам, в лице магистрата и полноправных горожан приобретают права на венгерское дворянство и свой герб, не имеют над собой господина, и поэтому освобождаются от пошлин и налогов. Горожане сами выбирают городского судью, 12 советников и других чиновников, содержат собственную стражу и независимы от жупанийских властей. Город владеет землей, проводит ярмарки, собирает доходы от владельцев лавок, гостиниц и пр.⁵⁶.

Свободные городки, или местечки (*libera oppida*), чаще всего являлись торговыми поселениями, получившими некоторые из городских прав путем договора со спахией - владельцем земли. Надзор за магистратами таких городков вершила Придворная комора (отсюда еще одно название - “коморские местечки”). Наиболее известные из поселений этого типа - Сентандрея и Суботица⁵⁷.

Однако наибольшее развитие на территории с сербским населением во второй половине XVIII в. получил третий тип городских поселений. Свободные военные коммунитеты (*Freie-Militar-Kommunitaten*) создавались в Военной границе по инициативе самих властей. Последние были озабочены медленными темпами “цивилизации” граничарских областей, слабым развитием там современных ремесел, что негативно сказывалось на боеспособности армии. Жители коммунитетов, если следовать описанию Энгеля, считались “свободными граничарами-горожанами”, они пользовались всеми прерогативами обычных граничар, прежде всего имели налоговые льготы, но были полностью освобождены от активной службы в войске. Делами общин управлял выборный магистрат, который выводился из-под

власти местных военных начальников и подчинялся напрямую Генеральной команде в каждой крайне, а высшей инстанцией для него был Придворный военный совет. Помимо различий в органах надзора по сравнению с первыми двумя типами городских поселений жителям коммунитетов приходилось в некоторых случаях придерживаться воинской дисциплины и, как отмечает Энгель, “они ни при каких обстоятельствах не могли покинуть общину без одобрения высокого военного начальства”⁵⁸. Самыми первыми военными коммунитетами в 1748 г. стали Петроварадин и Стара Градишка, Земун и Брод (1749), Сремские Карловцы (1753). а также Нова Градишка, Митровица, Винковци, Бела Црква, Сень, Костайница и др.

Ранее говорилось о своеобразном дуализме большинства городов, где наряду с сербской общиной существовала и немецкая (католическая), а также о дискриминации горожан-сербов, которым затруднялся доступ в число полноправных “бюргеров”. За время правления Марии Терезии такой дуализм был в основном преодолен: повсеместно были образованы единые магистраты. Так, новосадские сербы в 1747 г. заключили договор с немцами, по которому магистрат формировался из представителей двух народов на паритетных началах. При этом его председатель (“великий судья”) должен быть сербом, а градоначальник (“консул”) - немцем, или наоборот. Подобный порядок действовал и в других городах, что стало существенным шагом вперед по уравниванию прав горожан-сербов с немцами. И все-таки скрытая дискриминация оставалась довольно значительной: доля немцев в населении городов почти всегда была гораздо меньше, чем их гарантированная квота в органах управления. В 60-е годы в Сремских Карловцах они составляли не более 1/5 жителей, а занимали половину мест в городском совете. Изменить положение сербам не удавалось, так как выборы магистрата контролировались австрийскими властями⁵⁹.

Сербские города на территории Дунайской монархии, которые в среднем насчитывали от 2 до 5 тыс. жителей, все еще отставали от крупных венгерских центров, но зато существенно превосходили уровень развития большинства балканских городов. Так, к началу XIX в. Нови-Сад имел жителей в два раза больше Загреба и в три раза больше, чем Белград⁶⁰.

Цехи по-прежнему оставались основной формой организации ремесленного производства. Причем на 70-80-е годы приходится заметный рост их числа. Так, в Нови-Саде в 1770 г. действовало 7 цехов, а в 1788 уже 14. Численность членов в цехе варьировалась в очень больших пределах. В 1772 г. в новосадском цехе кожевников состояло два мастера, пять подмас-

терьев и один ученик, а в цехе скорняков было 57 мастеров, 30 подмастерьев и 52 ученика⁶¹.

После 1765 г. властями было разрешено создавать цехи в военных коммуниитетах. Воинская страсть к регламентации и порядку вела к различным экспериментам для установления за цехами максимально полного контроля. С этой целью, например, всех ремесленников от художников до мясников, а также торговцев объединяли в один городской цех. А в соответствии с “Цеховой привилегией” 1773 г. в Банатской военной границе мастера и подмастерья уже всех граничарских поселений должны были образовать единый цех. При этом в центре крайны при Генеральной команде располагался “главный цех”, а в местах нахождения полковых штабов его филиалы. Все мастера обязаны были один раз в год собираться на общее собрание, где избирался председатель и руководство цеха. Эксперимент оказался неудачным, и в 80-90-е годы единые цехи вновь разделяются, хотя и сохраняют непривычный принцип комплектования, ибо объединяют несколько сходных или не очень сходных профессий. Например, строители, столяры, кирпичники, кровельщики, слесари вполне могли объединиться в один цех со стекольщиками, веревочниками, переплетчиками и даже художниками⁶².

Особо следует сказать о мануфактурном производстве. В марксистской историографии долгое время разрабатывался тезис о том, что XVIII в. или, по крайней мере, его вторая половина являлись “мануфактурным периодом” в истории югославянских земель Австрии. Это утверждение, в свою очередь, использовалось для обоснования идеи о развитии у югославян капиталистических отношений еще в XVIII в.⁶³

Между тем неоднократно цитируемые труды Таубе и Энгеля однозначно свидетельствуют, что в это время мануфактуры у сербов находились еще в зачаточном состоянии. Ф. Таубе сообщает, что “здесь можно найти только очень малое число мануфактур”. Он упоминает про “несколько немецких сукновалень, на которых из грубой домашней шерсти изготавливают турецкое сукно, фланель и другой товар на продажу”. В Пакраце, по его сведениям, “раньше находились хорошие красильни, но к настоящему времени ни одной не осталось”. Около Нашица располагается самая большая стекольная мануфактура, основанная немецкими “фабрикантами”: “Рабочих насчитывается 40 душ, они делают стеклянную посуду и оконное стекло низкого качества, так как оно не выдерживает холода и ломается”. Особо подчеркивается, что “шелководство не входит в число мануфактурных

производств, так как в Славонии только собирают сырье”. В лучшем случае дело ограничивалось “фабриками по разматыванию шелка”⁶⁴. За неимением большего к мануфактурам иногда относили мастерские по изготовлению алкогольных напитков, кирпичей, пивоварни, водяные и ветряные мельницы и т. п.

В современной сербской историографии утвердилось мнение, что до начала XIX в. в Воеводине и других сербских землях Австрии мануфактура практически отсутствовала. Исключение составляли одна-две суконные мануфактуры, основанные немецкими колонистами, да несколько рудников угля и железной руды в Банате и Хорватии. Австрийская меркантилистская политика имела целью развитие мануфактурно-промышленного производства в так называемых наследственных землях, а венгерско-хорватские области и Военная граница должны были стать рынком сбыта для товаров из Австрии и Чехии⁶⁵.

Все без исключения иностранцы, писавшие о сербах и дававшие им часто весьма нелестные характеристики, признавали за ними способности к торговле. Й. Бартенштейн в своем докладе 1761 г. будущему императору Иосифу II среди самых главных выгод, какие государство может извлечь из “иллиров”, назвал доходы, получаемые от их занятий торговлей. “Все иллиры, - писал по этому поводу Таубе, - показывают огромный талант в торговых делах, в которых они весьма искусны, хотя и похожи немного в этом на евреев”. По словам Энгеля, сербы - плохие земледельцы, но “замечательные и ловкие торговцы”⁶⁶.

Бурное развитие торговли объяснялось не только характером народа, но и благоприятным географическим положением сербских земель. Водный торговый путь Тиса-Дунай-Сава-Купа до появления железной дороги оставался основой транспортной системы всего региона. Его значение еще больше возросло к концу XVIII в., когда были построены крупные судоходные каналы, резко сократившие время на доставку товаров. По течению реки суда свободно сплавлялись, а против течения нужна была конная или людская тяга. Последняя использовалась чаще, так как берега рек были поросшие камышом и кустарником, часто заболочены. Суда тянули 12, 14 или 16 наемных бурлаков (государственные грузы двигали осужденные преступники или граничары за плату). Для большой лодки требовалось нанимать не менее 30 бурлаков. По свидетельству одного немецкого путешественника, “владельцы торговых лодок в большинстве своем сербы”. По данным В. Стаича, десятки жителей Нови-Сада владели 2-3 или даже 4-5

речными судами. В некоторых городах были созданы цехи владельцев лодок⁶⁷.

Главными предметами экспорта из населенных сербами провинций были зерно, вино, дерево и скот. По подсчетам М. Костича, в 1776-1786 гг. с территории современной Воеводины вывозилось зерна на сумму более 2 млн. форинтов. Зерно в основном экспортировалось в Италию, особенно в больших количествах в годы, когда там был неурожай. Вывоз шел по рекам, а затем через крупнейший порт Риэку, в котором сербы к концу века контролировали почти треть венгерского экспорта⁶⁸.

Однако главным продуктом вывоза был скот. В качестве товара он имел то преимущество, что его можно было переправлять к месту продажи своим ходом. По сведениям Таубе, “большинство выращиваемых в Славонии волов гонят в Германию потихоньку (!), чтобы они в дороге не похудели”. Он же сообщает, что на втором месте находятся свиньи, вывоз которых еще выгодней: “Пара хороших, жирных свиней стоила в Славонии в 1777 г. от 30 до 34 фор., а в Вене продавалась по 40 фор. Но и затраты, и опасности, пока туда перегонят, не малые. Многие свиньи по дороге заболевают, калечатся идохнут, а то еще умудряются сбежать, потому что остаются полудикими”⁶⁹.

С конца XVII в., а еще больше после Пожаревацкого мира были установлены весьма выгодные условия для торговли между Турцией и Австрией. В течение всего XVIII в. размер пошлин не превышал 3-5 % от стоимости товаров. Торговлю стимулировало и наличие больших потребностей в продовольствии, прежде всего в продуктах животноводства, в крупных городах Центральной Европы и для нужд армии. В Турции, с другой стороны, охотно покупали изготовленные в Европе ремесленные изделия, оружие, сельхозинвентарь, инструменты, а также зерно и бакалейные товары. В качестве посредника в этой торговле решающую роль стали играть австрийские сербы, которые специализировались на поставках скота из Боснии и Белградского пашалыка, чаще всего в сотрудничестве со своими соотечественниками из этих турецких провинций⁷⁰.

Купленный скот переправлялся через четыре специальных пункта на Саве (Земун, Митровица, Брод, Градишка), проходил карантин, который длился от 3 до 6 недель, чистился, осматривался ветеринаром, который давал разрешение на дальнейшую транспортировку. Обычно ввозились тощие свиньи, мало чем отличавшиеся от диких вепрей. Они откармливались в Среме и Славонии и перегонялись дальше на север. Согласно подсчетам

В. Стаича, в середине XVIII в. из сербских областей Турции одних свиней вывозилось в Австрию не менее 40 тыс. голов. На рубеже XVIII и XIX вв. эта цифра была уже в несколько раз выше, так как только через Митровицу за год перевозилось 78,5 тыс. свиней, а кроме того, 12 тыс. голов крупного рогатого скота, 8,3 тыс. коз, овец и ягнят⁷¹. По сведениям Ф. Энгеля, “более половины всех славонских и турецких свиней колют и поедают в австрийских землях; остальных сбывают в Баварию, Францию и через Чехию поставляют в Саксонию”⁷². Оценивая значение торговли скотом, журнал “Вестник Европы” писал в 1827 г., что сербы “свиней беспрестанно отправляют в немецкую землю, и сии животные составляют главное богатство народа”⁷³.

Эта торговля сыграла важнейшую роль в первоначальном накоплении капитала в сербских землях Дунайской монархии и в самой Сербии, в формировании здесь на рубеже веков самого сильного в экономическом отношении слоя сербского гражданства. По образному выражению Г. Грджича, торговля свиньями в определенном смысле сформировала экономику Воеводины и Белградского пашалыка⁷⁴.

Еще более важным с исторической перспективы было установление не только экономических, но и политических связей между австрийскими и турецкими сербами. Будущий вождь Первого сербского восстания Карагеоргий был тесно связан с пречанскими купцами, т.е. жителями областей к северу от Савы и Дуная. С помощью земунских торговцев еще до начала восстания он запасался оружием и порохом. Задруга Ненадовичей вела общие торговые дела с купцами из Митровицы. Из рядов торговцев скотом вышли и другие руководители восстания - Милош Обренович, Младен Милованович, а также первые сербские финансисты, чиновники и дипломаты. Благодаря этим связям повстанцы в Сербии смогли наладить снабжение своей армии оружием, амуницией и продовольствием и получить разнообразную помощь, в том числе и интеллектуальную, от более развитых в культурном отношении сербов из Воеводины⁷⁵.

Вторая половина XVIII в. принесла австрийским сербам относительную стабилизацию их положения и заметный прогресс в экономическом развитии. Повсеместное введение урбариев ограничило возможности роста эксплуатации крестьянства со стороны спахийев, в особенности в отношении самого тяжелого вида ренты - отработочной. Улучшилось и правовое положение сербских горожан, которые постепенно добивались получения

соответствующих привилегий и уравнивания в правах с “римскими бюргерами”, что, в частности, нашло свое выражение в преодолении существовавшего ранее сербско-немецкого дуализма большинства городских поселений.

Весьма благотворное влияние на сербское население монархии оказывали немецкие колонисты и настойчивые усилия австрийских властей в распространении “цивилизованных” форм жизни. В сельском хозяйстве это выражалось в постепенном переходе от животноводства к пашенному земледелию в качестве ведущей отрасли, внедрении передовых агротехнических приемов, новых сельскохозяйственных культур. Все это подготовило условия для превращения в первой половине XIX в. этих земель в самые передовые земледельческие области во всей Венгрии.

В городе происходит заметное улучшение качества ремесла, приближение его к европейским стандартам. Из года в год растет численность населения городов, а в них увеличивается доля торгово-ремесленного слоя. В это же время появляются и первые, основанные немцами, мануфактуры. И хотя до конца столетия мануфактурное производство не превратилось в сколько-нибудь значимый уклад в экономике Воеводины и других сербских областей, оно становилось провозвестником новых отношений.

Большое значение для развития экономики региона имела сохранявшаяся на протяжении всего этого периода благоприятная экономическая конъюнктура, которая обеспечивала все возрастающий сбыт зерна и продуктов животноводства как на австрийский рынок, так и за пределы Габсбургской монархии. Но самым успешным экономическим предприятием для австрийских сербов стало участие их в качестве посредников в австро-турецкой торговле. Они контролировали только один, но зато самый важный, имевший гигантские обороты сегмент этого рынка - экспорт скота, прежде всего свиней, из Боснии и Белградского пашалыка в Австрию. Именно в этой сфере создавались самые крупные состояния и проходил интенсивный процесс первоначального накопления капитала. Благодаря исключительно выгодному географическому положению на перекрестке торговых путей и собственным талантам сербские торговцы превратились во второй половине XVIII в. в значительный экономический фактор в Дунайской монархии.

Особенности социально-экономического развития Военной границы были связаны с политикой австрийского правительства, направленной на сохранение здесь прежних архаичных отношений, которые, как считали в

Вене, только и способны поддерживать военно-граничарскую систему как источник дешевой и боеспособной армии. Этим были продиктованы такие меры, как: консервация задруги в качестве основной ячейки граничарского общества, запрет на отчуждение и деление земельных наделов, строгая дисциплина и всеобъемлющая регламентация жизни военного сословия. Все это привело к явному отставанию Военной границы от гражданских провинций в общественно-экономическом развитии на рубеже XVIII и XIX вв.

Отмечая безусловные успехи в экономическом развитии, следует подчеркнуть, что до конца XVIII в. у австрийских сербов сохранялся феодальный тип хозяйствования как в аграрном секторе, так и в городе. Вместе с тем появление в экономической жизни новых элементов (первые мануфактуры, увеличивающаяся товарность сельскохозяйственного производства, рост торгового капитала, расширение применения наемного труда) подготавливало почву для формирования в будущем основы новых, буржуазных по своей сути отношений.

Глава IV

СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В АВСТРИИ

1. Карловицкая митрополия в XVIII в. Характеристика православного духовенства

С распространением турецких владений на Балканском полуострове расширялись и границы юрисдикции сербской Печской патриархии. Миграции сербов на север привели к тому, что уже с XVI в. сербская церковь создает свои епархии в Хорватии, Венгрии и Далмации. В начале XVII в. основана Сремская епархия с центром в Крушедоле, затем епархии в Вршице, Буде и Иенополье.

Ситуация изменилась с конца XVII в., когда проведенная по Карловицкому миру новая граница Австрии с Турцией разделила единую до той поры церковную организацию. Дело осложнялось еще и тем, что в Австрию переселился сам печский патриарх Арсений III Черноевич со своим окружением, а Порта в 1691 г. назначила печским патриархом Калиника I, который прилагал много усилий, чтобы воспрепятствовать дальнейшему оттоку своей паствы из Турции за Дунай и Саву. Беженцы перевезли на новые земли и разместили по монастырям святые мощи почти всех носителей сербской государственной традиции: князя Лазаря в монастыре Вердник, царя Уроша V в Яске, деспотов из дома Бранковичей в Крушедоле¹. Со времени образования в 1708 г. Карловицкой митрополии (с центром в городе Сремские Карловцы), распространившей свою юрисдикцию на все православное население Монархии, она фактически стала самостоятельной. И хотя Крушедолский сабор 1708 г. признал верховенство печской патриархии, это была сугубо каноническая зависимость: Печь никак не влияла на формирование церковной иерархии, не участвовала в доходах, не имела административной и судебной власти в деятельности Карловицкой митрополии. Калиник I и его преемники при поддержке константинопольских патриархов неоднократно пытались утвердить свою юрисдикцию среди австрийских сербов, но государственная граница и собственные амбиции карловицких митрополитов оказались на этом пути

бии карловицких митрополитов оказались на этом пути непреодолимой преградой².

После присоединения в 1718 г. Северной Сербии и Баната возникла проблема целостности церковной организации православных в Австрии. Самым логичным и естественным шагом было бы вхождение новозавоеванных сербских земель под юрисдикцию уже существующей Карловицкой митрополии. К этому располагало и то обстоятельство, что назначенный еще при турецкой власти белградским митрополитом Моисей Петрович с 1713 г. состоял в тайной переписке с главой православной церкви в Австрии архиепископом и митрополитом Викентием Поповичем, а также заслужил доверие венского двора, показав себя, по словам Карла VI, “весьма верным и преданным нашим делам” во время войны 1716-1718 гг.³.

Однако австрийское правительство взяло курс на разделение сербского населения в церковном отношении на две не зависимые друг от друга митрополии - Карловицкую и Белградскую. Тем самым создавалась всегда поощряемая Габсбургами ситуация раскола и конкуренции между карловицкими и белградскими архиереями за право представлять в своем лице сербское православное население. На словах оба митрополита выступали страстными поборниками объединения. Их письма друг к другу полны призывов “единого фундамента придерживаться”, “духовно сблизиться”, “чтобы было одно общее слово, а не как теперь - тысяча”. Однако на деле раскол удалось преодолеть только после смерти В. Поповича, когда на общенародном саборе в феврале 1726 г. его соперник был избран “верховным архиепископом и митрополитом” всего православного населения в Австрии⁴.

Но и на этот раз вопрос о единстве не был решен окончательно. В июле 1730 г. умер М. Петрович, назначивший себе наследника (администратора) - темишварского епископа Николая Димитриевича, объясняя свой поступок боязнью “братоубийственной распри, какой бы сами себе какую-нибудь пакость и гибель принесли”⁵. Однако уже на похоронах почившего церковного предводителя образовалась оппозиция новому администратору. Торжественность погребальной церемонии была нарушена взаимными обвинениями, проклятиями и угрозами. В пылу спора вальевский владыка дошел до того, что начал публично “отца и мать *по-сербски* трактовать”. Завещание Моисея было объявлено недействительным, ибо перед смертью, как стали утверждать, из-за тяжелой болезни он “начал

фантазировать”, а Н. Димитриевич был обвинен в фальсификации последних писем митрополита. Оппозицию возглавил арадский епископ Викентий Йованович. Церковный клир оказался расколот на сторонников и противников администратора, в борьбу включилось сербское офицерство, гражданские лица; соперники старались заручиться поддержкой печского патриарха и содействием австрийцев⁶.

Оба враждующих лагеря оправдывали свои действия стремлением к единству, обвиняя противную сторону в намерении это единство разрушить. Однако истинные мотивы борьбы не остались скрытыми от современников. В послании на Карловицкий сабор 1731 г. будимские сербы писали: “Видим, что несогласия великие между епископами; не могут один другого вперед пропустить, чтобы стал архиепископом и митрополитом, а всякий хочет им стать”⁷.

Церковным расколом решили воспользоваться австрийские власти как благоприятным случаем для повторного разделения народа. На собранном в Сремских Карловцах в 1731 г. общенародном конгрессе австрийский комиссар граф Локателли, ссылаясь на волю императора, пытался принудить сербских посланников к выбору двух митрополитов. Из-за сопротивления депутатов несколько заседаний закончилось безрезультатно. Тогда сербы решились на крайнее средство - отправить гонцов (“штафету”) ко двору Карла VI. Комиссар Локателли пробовал вразумить их рассуждениями о ненужных тратах денег и времени, пугал перспективой окончательно испортить все дело. “Народ на это ответствовал, - говорится в записках комиссара, - что потерю привилегий считает большим ущербом, чем какие-либо расходы, а сабор может и целый год подождать”. Более месяца ожидали сербские посланцы возвращения “штафеты” из Вены. Австрийский монарх, принимая во внимание неблагоприятное внешнеполитическое положение своего государства, разрешил выбор единого архиепископа под неременным условием, что это не распространяется на будущие выборы⁸.

Избранный митрополитом Викентий Йованович по настоянию светских депутатов перед всем сабором поклялся хранить единство народа. Но его избрание не ослабило, а напротив, усилило борьбу за власть. Уже через несколько месяцев Викентий с огорчением писал о “разгоревшейся среди братиев междоусобной брани”⁹. Митрополит немного лукавил, ибо епископы воевали не столько меж собой, сколько против него самого. Новую оппозицию возглавил бачский епископ Виссарион Павлович, ставший именовать себя “принцем Бачки и вице-митрополитом королевства Сербии и

и дуката Сремского”. В борьбу втягивались все более широкие слои сербского народа, создавались и распадались коалиции, по епархиям рассылались манифесты, проводились встречи и конференции; люди митрополита и непокорных епископов путешествовали по городам и селам, “не пропуская и ярмарки”, агитировали за своих патронов и “подписи с печатями собирали”. Враждующие стороны засыпали жалобами различные австрийские инстанции в поисках “сатисфакции”. Венский двор, помогая то одной, то другой стороне, получил блестящую возможность влиять на общественную жизнь “этого упрямого народа”¹⁰.

Примечательно, что высокие иерархи хорошо сознавали всю, так сказать, непристойность своего поведения. “Пилат Понтийский, предавший Иисуса на распятие, - писал В. Павлович, - человеколюбивей окажется, нежели мы, архиереи и священники”. “Срам на всю Европу (!)”, - вторили ему из соперничающего лагеря. Однако все попытки примирения - “чтобы дальше зло не простиралось” - только подливали масла в огонь¹¹.

После смерти В. Йовановича в июне 1737 г. вновь свои права на митрополию предъявил темишварский епископ Николай, события стали развиваться по уже известной схеме. И только новая австро-турецкая война и приезд в Австрию печского патриарха Арсения IV на какое-то время смогли утихомирить страсти.

Было бы упрощением сводить все мотивы внутрицерковной борьбы к стремлению каждого епископа стать митрополитом. Многолетняя тяжба была также следствием определенного епископского сепаратизма: архиереи ревниво охраняли свои права и привилегии, не хотели допустить расширения власти архиепископа.

Соперничество за митрополичий престол было только верхушкой айсберга - многоступенчатой и крайне запутанной внутрицерковной борьбы. Например, когда появлялась вакансия епископа, разыгрывались такие баталии, что народные депутаты сабора 1730 г. предложили митрополиту всегда иметь наготове “епископа без епархии”, чтобы его в любое время можно было определить во “вдовую епархию” и тем самым избежать очередной распри. Сербский народ хорошо понимал, чьим интересам служат постоянные раздоры в клире. “Господа епископы суть орудия (!) господствующих”, - писали жители городов и сел Будимской епархии в 1730 г.¹².

В момент образования в 1708 г. Карловицкая митрополия насчитывала в своем составе семь епархий. В последующие годы их число неоднократно

но менялось, колеблясь в пределах от 7 до 12, пока в середине века не установилось на восьми: карлштадтская, или верхне-карловацкая, костайницкая, пакрацкая, или славонская, будимская, бачская, арадская, темишварская, карансебишская, или врашацкая. На саборе 1769 г. по настоянию властей была ликвидирована самая беспокойная епархия в Хорватии - костайницкая, а вместо этого образована новая епархия в Среме. Помимо сербов под властью православных владык оказалось и немалое число влахов (в трех епархиях на территории современной Румынии). Самыми богатыми епархиями считались сремская и темишварская, а самыми бедными - костайницкая и будимская. На синоде 1776-1777 гг. было утверждено деление митрополии на 60 протопопий, 1446 основных приходов и 1010 филиалов. Кроме того, в структуру управления церкви входили митрополитская и епископские консистории - состоящие из представителей всех слоев духовенства органы церковного суда. Консистории следили за дисциплиной в среде священнослужителей, решали кадровые вопросы, разбирали споры о браках и разводах и т. п.¹³.

Сохранившаяся лишь фрагментарно статистика дает тем не менее представление о большом количестве православных храмов и монастырей. По всей видимости, не было недостатка и в кадрах священников. По данным проведенных в первой половине 30-х годов переписей, церкви имелись почти в 90% сербских селений, а в городах и по нескольку. В каждом селе было в среднем пять священников, один поп приходился на 30-40 домов, а в некоторых епархиях на 15-20 домов. Средний возраст приходского священника в это время составлял 33 года, причем абсолютное большинство попов были совсем молодыми людьми в возрасте до 30 лет¹⁴. Такая насыщенность людьми духовного звания скорее всего объяснялась привлекательностью положения сельских священников, которые согласно Леопольдовым привилегиям имели налоговые льготы.

Австрийские власти не раз пытались ввести в этой сфере какие-нибудь ограничения. На саборе 1769 г. по настоянию венского комиссара Хадика была принята пропорция, согласно которой один священник должен был обслуживать 100 домов, а в населенных пунктах, где число подворий превосходило 300, четвертый и пятый священники могли быть назначены только по особому дозволению Иллирской депутации¹⁵.

В источниках, особенно иностранного происхождения, встречается немало нелестных описаний представителей православного клира. Английский путешественник Й. Милс, посетивший в 1736 г. многие сербские села

и города на землях Венгерского королевства, дал в своем дневнике такую характеристику их жителям: “Сербы-мужчины все черные, они гораздо хуже венгров; будучи такими же ленивыми, они гораздо подлее и грубее. Они нечистоплотны и неряшливы, а священники выглядят хуже всякого из них”¹⁶.

В действительности по своему положению, образу жизни приходское духовенство мало чем отличалось от простых людей. Об этом мы можем судить из результатов “анкетирования” белого духовенства, проведенного в 1733-1736 гг. по инициативе митрополита В. Йовановича. По специально разработанному вопроснику посланцы митрополитского двора опрашивали приходских священников, выясняя возраст, происхождение, имущественное положение, знание догматов христианства, исправность несения службы и т. д. Сохранились ответы примерно 130 попов, в основном сельских¹⁷. Главное место в экзамене отводилось выявлению уровня профессиональной подготовки священников. Результаты опроса рисуют следующую картину.

Подавляющая часть священников была неграмотной. Грамотность остальных выглядит довольно сомнительно. Про некоторых священников неопределенно сказано: “книгу учили”; про других: “читает книгу быстро, но ложно”, “читает хорошо, но мало что понимает”, “таким чтением не столько славится Бог, сколько хулится”. В материалах “экзамена” удивляет, однако, другое - зачастую полное незнание приходским духовенством элементарных основ православной веры, их, так сказать, профнепригодность. Только один из десяти священников имел представление о “семи таинствах христианской веры”, “десяти заповедях Христа” и “семи смертных грехах”.

Из документов явствует, что священники откровенно пренебрегали своей прямой обязанностью - службами в церкви. Кто отвечал, что “не служит”, кто - “когда может”, кто - “в праздники по чужим церквям, так как своей нет”; про одного священника сказано, что он литургию служит “в четыре года один раз”, про другого - “как попом стал, с тех пор еще ни разу не пел”. “Из сего видите, - не удержался в одном месте “экзаменатор” М. Радкович, - каковы суть учителя людей Божьих!”¹⁸.

Главным источником доходов приходского духовенства к этому времени стали так называемые “церковные сборы” (за крещение, причащение, венчание, отпевание и т. п.). Споры о величине этих сборов служили неиссякаемым источником противоречий между клиром и мирянами. Без бур-

ных обсуждений вопроса о церковных доходах не обходилось ни одного общенародного сабора. Такая дискуссия на саборе 1726 г., по определению М. Петровича, “немалую крамолу вызвала”. Сабор принял компромиссное постановление, которое подробно разъясняло, за что и сколько можно взимать с прихожан, чтобы “не было распрей между священниками и христианами”¹⁹. Аналогичные постановления о “прейскуранте” за церковные услуги принимались на саборах до и после 1726 г. Однако многочисленные жалобы мирян говорят о том, что они часто не соблюдались. Особенно это касалось самых разорительных расходов, связанных с похоронами. Судя по документам, из всех христианских таинств сербы наиболее трепетно относились к таинству смерти, неукоснительно соблюдая соответствующий православный обряд. Этим часто пользовались священнослужители, поднимая цены за свои услуги и не останавливаясь перед закрытием церквей и откладыванием погребений²⁰.

Другим неофициальным источником дохода духовенства были очень частые случаи, именуемые в документах “порчей завещаний”, которые также постоянно обсуждались на саборах. Священники, пользуясь тем обстоятельством, что число грамотных людей в народе было крайне мало, составляли завещания по своему усмотрению, а уж потом не останавливались ни перед чем, чтобы получить “причитающееся”. Возмущение народа было так велико, что М. Петровичу пришлось запретить духовным лицам составлять завещания и “использовать их для своих доходов, как это раньше было”. Впрочем, митрополит рекомендовал другой выход: “Надо чаще навещать болящих и *наставлять* их”²¹.

Многие десятки документов, главным образом неопубликованных, свидетельствуют о бесчисленных случаях аморального поведения духовенства. Особенно было распространено пьянство и чревоугодие. Сербские митрополиты не раз пытались как-то ограничить “трактации безмерные”. М. Петрович запретил духовным лицам присутствовать на трапезах мирян более одного часа. Митрополит В. Йованович, в свою очередь, в 1731 г. под страхом лишения сана запрещал священникам “более трех блюд и меры вина на ежедневную трапезу употреблять”²². Однако этот смертный грех был присущ не только низшему слою служителей церкви. Расходные книги митрополита за 1732 г. зафиксировали едва ли не ежедневные закупки мяса, масла, яиц, вина, пива и прочего в феврале-марте, то есть во время великого поста²³.

Если численность приходского духовенства постоянно поддерживалась на высоком уровне, то институт монашества явно находился в упадке. Правда, некоторые крупные монастыри еще владели земельными угодьями с крестьянами. Из описания 14 сербских монастырей Фрушкой Горы, сделанного в 1734 г., следует, что к ним были приписаны в общей сложности 188 крестьянских дворов и 659 душ, то есть в среднем по 13 дворов и 47 душ на монастырь²⁴. В целом же монастыри утратили былое могущество, многие из них были полностью или частично разрушены и разграблены во время военных действий, число монахов резко сократилось. "...Тернием и сорняками все поросло, и трудно все это исправить, - писал в 1731 г. вальевский экзарх С. Стойков. - Монастыри большие и много их, а мало, где есть по одному-двум монахам, прочие же пусты"²⁵.

Российский посол Г. Кейзерлинг в одной из своих реляций за 1754 г. описал положение православных обителей в Венгрии, которые, по его словам, "никаких маетностей не имеют, а наименьше какие либо пенси получают, но единственно пашнею, для которой и земля весьма недостаточна отведена, да и оную еще к тому сами монахи вспахивать имеют, себя содержать и довольствоваться принуждены. И хотя некоторые из помянутых монастырей наперед сего собственные их маетности и имели, которые однакож у них потом римско-католическим духовенством под всякими предлогами отняты и отданы либо собственным их епископам или же так называемым униатам". Вот почему, заключает посол, монастыри вынуждены "свое пропитание трудом и милостинею искать"²⁶.

Положение монастырей не слишком улучшилось и после того, как в 1752 г. митрополит П. Ненадович добился от Вены разрешения селиться на монастырских землях свободным крестьянам (до 28 семей на одну обитель), которые освобождались от государственных налогов, но платили десятину братии и должны были отработать определенное количество дней в монастырском хозяйстве²⁷.

По сообщению Таубе, в 1777 г. во всей монархии имелось 30 православных мужских монастырей и ни одного женского. Последние к этому времени были закрыты, так как, по его словам, "начали превращаться в публичные дома". Кроме того, под юрисдикцией карловицких митрополитов находилось два сербских монастыря на Афоне, или Святой Горе²⁸. В тринадцати монастырях Славонии и Срема в 1786 г. насчитывались 148 монахов, а их минимальное количество на один монастырь, по установлению синода 1776 г., составляло восемь человек²⁹. Самыми известными и

богатыми были фрушкогорские монастыри, расположенные поблизости от резиденции митрополитов, которые современники называли “Сербским Афоном”.

Культурный и моральный облик основной массы черного духовенства мало чем отличался от белого. Монахи не выделялись образованностью, были поверхностно знакомы с догматами веры и, несмотря на многочисленные “правила”, запреты и угрозы наказания, предавались самым разнообразным порокам, включая сквернословие, воровство, “безмерное и безвременное питание”, сексуальную распущенность и т. п. Митрополит В. Йованович упоминал о монахах не иначе, как с эпитетом “бездельные”. В 1736 г. он писал по поводу обвиненного в воровстве архимандрита Андрея: “Бездельники монахи с [.....] и бестиями наше добро проедают”³⁰.

Особо следует сказать о доходах высшей иерархии. Российский посол Л. Ланчинский после встречи с Моисеем Петровичем, ходатайствовавшим о помощи России сербской церкви, писал в своей реляции от 13 июля 1727 г., что митрополит “лишнего достатка не имеет”³¹. Это было явно ложное впечатление. Из более чем десятка сохранившихся завещаний представителей высшего клира видно, что только денежные накопления архиереев исчислялись многими тысячами форинтов. На погребение М. Петровича, так любившего пожаловаться на свою бедность, ушло более семи тысяч форинтов, а “все белградские лавки, дунайские и савские торговые ряды остались без дорогих черных тканей”. Маркиз Бота, который увидел все это, сказал, что “ни одному царю таких расходов на погребение не делали, как сербскому архиепископу”³².

В услужении митрополита В. Йовановича находилось 38 слуг, на оплату которых уходило почти 2 тыс. форинтов в год, от него не отставали и другие иерархи. На архиепископскую резиденцию в Белграде только за первые семь лет ее строительства (1725-1732) была израсходована громадная сумма в 39972 форинта³³. О богатстве карловицких митрополитов были наслышаны далеко за пределами Австрии. К ним без конца обращались за помощью печские патриархи, а также монастыри с Афона. Комендант Белградской администрации принц А. Вюртенбергский писал в 1721 г. в Вену “о невероятных вымогательствах (Extorsionen) здешнего митрополита и его служителей”. Приводя тому многочисленные примеры, принц делает вывод, что “клир от православных получает такой же доход, сколько составляют все государственные налоги вместе взятые”³⁴.

Образ жизни православных архиереев имел мало общего с ревностным служением Богу и скорее напоминал сытую и веселую жизнь богатых помещиков. В мемуарах Симеона Пишчевича описаны его впечатления от посещения карловицкой резиденции главы церкви во времена патриарха Арсения IV (1747):

“Патриарх при всей своей старости жил очень великолепно, у него во всем было порядочно, и служителей имел как дворецкой, так прочие люди по большей части все немцы(!), и как тот день был праздник его рождения, то все служащие его люди были в богатой лывреи одеты и музыка при столе играла. По окончании стола пошли мы все в другой покой, что перед спальнею, там поставлен был десерт и поднесено кофе... Патриарху угодно было, чтобы мы танцевали и просил начать и открыть бал”. На балу, кстати, собралась “великая компания”. Здесь были граничарские офицеры, дворяне, местные богатеи. Забавы продолжались до глубокой ночи, и “старик патриарх был отменно весел”³⁵. Еще один штрих, дополняющий портрет “веселого патриарха”, принадлежит послу Л. Ланчинскому, сообщавшему, что Арсений IV и все его дворовые “зело охотно табак употребляют”³⁶.

Преемники патриарха не уступали ему в склонности к европейскому комфорту и даже роскоши. Об этом свидетельствует, в частности, отстроенная стараниями нескольких митрополитов новая резиденция в Сремских Карловцах. Комплекс из шести зданий так поразил Таубе и Энгеля, что оба сочли достойным внимания дать его подробное описание³⁷.

От митрополита не отставали, а иногда и превосходили его по богатству отдельные владыки. На саборе 1769 г. при обсуждении кандидатур на митрополичий престол выяснилось, что один из претендентов, темишварский епископ Викентие Видак за восемь лет из своей епархии извлек астрономические по тем временам доходы - 367 тыс. форинтов³⁸. Однако победивший его конкурент Иван Георгиевич был, по-видимому, побогаче. О нем имеется довольно нелестная характеристика среди донесений Л. Ланчинского: “Этот сын карловицкого скрипача... не токмо философии или богословия, но и грамматики не знает, и ниже что-либо прочесть, как надлежит, гораздо же меньше что-либо смыслить может... При том склонность и привычка его к тому влечет, чтоб роскошно жить, обоими руками праведно и неправедно собирать”³⁹.

Блестящий портрет сербского архиерея, разительно отличающийся от привычного довольно скромного образа православного священнослужите-

ля, принадлежит перу знаменитого писателя, жителя Сремских Карловцев Захария Орфелина, который представил в 1778 г. Марии Терезии памятную записку, касавшуюся, в частности, нравов в среде высшего православного клира:

“...Когда епископ надевает на себя блестящее платье из красного шелка, на ноги обувает маленькие французские туфельки с золотыми, серебряными или осыпанными камнями пряжками, натягивает чулки из красного шелка, аккуратно ровняет усы и бороду, искусно постриженные волосы посыпают пшеничной мукой или сильно пахнущей так называемой пудрой, на голову водружает шляпу с золотистой бахромой по краям, подбитую красным шелком, на грудь вешает крест на золотой цепи или зеленой ленте, в кармашек вставляет шелковый платочек, а в руках в тонких белых перчатках держит золотую табакерку или окованную золотом испанскую трубку - тогда он в точности похож на комедианта в театре или какого-нибудь жениха, которого специально разукрасили накануне свадьбы”.

Полна сарказма его заключительная характеристика сербских архиереев: “...Они, презирая свое епископское назначение и службу, совершенно предались жизни, которая приличествует разве что высоким придворным министрам. Поглядите только, как они разодеты, как разнаряжены их слуги, как разукрашены их кони и коляски, как роскошны их пиршества. На все это требуются огромные деньги и большие расходы”⁴⁰.

Официальные доходы сербских митрополитов, по сведениям Ф. Таубе, составляли примерно 34 тыс. фор., а епископов - от 10 до 16 тыс. фор. в год. Они формировались за счет выплат из государственной казны (“жалование” митрополита, как указывает Энгель, составляло 14 тыс. фор.), доходов с недвижимости, церковных сборов и др.⁴¹ Однако гораздо важнее, по видимому, были неофициальные источники доходов.

Одним из них были взятки за назначение на тот или иной церковный пост. Симония была столь заурядным явлением, что вопрос о размерах подношений открыто обсуждался на заседаниях саборов, вызывая бурные дискуссии. А по решению сабора 1769 г. были введены максимальные размеры таксы на рукоположение: отныне дьякон платил епископу два дуката, священник - три дуката, протопоп - 100-150 фор.; епископ митрополиту от 800 до 2000 фор. в зависимости от доходности должности⁴². В действительности плата была на порядок выше. По данным З. Орфелина, епископы берут с дьяконов и священников “не меньше 30, а иногда 40, 50 и больше дукатов”⁴³. Справедливости ради нужно заметить, что и расходы высшего

клира были немалыми. Из счетов П. Ненадовича следует, что за время его митрополитства (1749-1768) он потратил на “дишкреции и вознаграждения” 144236 фор. 49 крейцеров⁴⁴.

Другие источники доходов высшей иерархии были связаны с правом наследовать имущество лиц, не имевших родственников (отнято в 1756 г.), ростовщичеством, продажей “прощальных грамот”, или индульгенций, сбором милостыни, которая фактически превратилась в обязательную повинность. Очень выразительно об этом высказался будимский депутат на саборе 1731 г. Евта Кнежевич: “А наш господин владыка мозги мне проел (прокопа ми мозак), укоряя за милостыню”. Епископ требовал, в частности, чтобы ему давали всю сумму сразу, а не вынуждали ходить по домам⁴⁵. Сбор милостыни приобретал для паствы масштабы настоящего бедствия во время так называемых “канонических визитаций” - объездов владыками своих епархий. Таубе сообщает, что в таких случаях обоз епископа тянут до пятидесяти лошадей⁴⁶. Имеется на этот счет и высказывание З. Орфелина:

”Когда епископам нужны деньги, они или сами под видом канонической визитации объезжают свои епархии, или посылают своих экзархов. И вместо того, чтобы дать православным потребное христианское наставление и проследить, как исполняется христианский долг, они обременяют священников и народ разными своими требованиями. И так как они всегда путешествуют с огромной свитой, все эти духовные и светские провожаемые обрушиваются на какое-нибудь село, как стая саранчи, и не двигаются с места, пока не общиплют его до основания”⁴⁷.

Есть причины подозревать архиереев в нечестном ведении “общенародных счетов”, то есть расходовании средств из специальных фондов (“фундушей”), в которых концентрировались внушительные суммы, собираемые с народа под видом организации школ, устройства соборов, снаряжения депутатий в Вену. Занимаясь денежными махинациями, многие иерархи, по образному выражению В. Павловича, “научились нолями жонглировать”⁴⁸.

2. Церковь - народ - Габсбурги

Выяснение конкретной роли сербского духовенства в общественной жизни народа, определение места православной церкви в политической системе габсбургского государства относятся к числу принципиальных во-

просов истории австрийских сербов в XVIII в. Объективному изучению этих проблем до сих пор мешает целый ряд сложившихся в историографии мифов.

Благодаря усилиям клерикальных историков в исторической литературе утвердился тезис об исключительной религиозности сербов. В работах разной направленности по истории XVIII в. почти всегда присутствуют утверждения о том, что сербы были “набожны”, “религия составляла сущность народной жизни”, “жизнь церкви была жизнью народа и наоборот”, “гражданская жизнь была полностью пропитана религиозной”, “вера являлась высшим законом и его источником”, “религия проникла в každодневную жизнь народа” и проч. и проч. Нередко в качестве доказательства указывается на тот факт, что в уставах некоторых цехов содержалось требование, чтобы члены цеха и их семьи регулярно посещали церковь, постились, строго выполняли свои религиозные обязанности. Однако нельзя забывать, что цеховые уставы, как правило, утверждались высшими иерархами православной церкви⁴⁹. А кроме того, не чувствуется ли в этом некоторого элемента принуждения?

“Корреспонденция, частная и официальная, - пишет видный исследователь истории сербов XVIII в. Д. Попович, - была пропитана церковными фразами и оборотами”⁵⁰. Однако все упоминания в источниках о Боге, Богоматери, святых делались “всуе”, в выражениях типа: “слава Богу”, “Бог даст”, “Бог весть” и т. п., они лишены смысловой нагрузки. Более того, среди тысяч документов практически невозможно отыскать факты, имеющие хоть какое-нибудь отношение к собственно религии.

В “Правилах для священников и дьяконов” епископа В. Павловича довольно подробно говорится о “божественных тайнах” (просфорах). Епископ призывает служителей церкви оберегать “тайны” от посягательств “мух или иной какой мелочи”, а в случае, если “плесень заведется от мокроты”, - просушить их и почистить⁵¹.

В 1717 г. вновь образованной Белградской митрополии необходимо было обзавестись святыми реликвиями. По этому поводу М. Петрович обратился с просьбой к карловицкому митрополиту В. Поповичу. Однако последний не торопился с отправкой “святых мощей”. Недовольный проволочками, митрополит Моисей довольно резко пишет ему: “Все эти обстоятельства нас весьма уязвили... ради этого столько затрачивается труда и ожиданий, как будто с теми вещами (“святые мощи”) корлевство или царство получим!”⁵².

Какой-то бытовизм и даже цинизм чувствуется в этих примерах. Не в том ли и заключалась одна из причин отсутствия “страха Божьего” в народе, на что постоянно сетовали архиереи. “Многие живут так, как будто им не придется умирать”, - с досадой писал митрополит Моисей в 1717 г.⁵³.

Общую картину отношения сербов к православной религии и церкви дает такой программный документ, каким является постановление епископского собрания об исправлении народных нравов 1728 года⁵⁴. Исправлению прежде всего подлежали обычаи, связанные со вступлением в брак в четвертый или пятый раз (православная церковь допускает только три), браки между родственниками, двоеженство, многоженство. Попам запрещалось венчать людей, которые не причащаются и не имеют духовного отца. Особенный гнев епископов вызывали музыка и неумеренное веселье: “К церкви подходить с обычными церемониями, кроме музыки, которую мы безусловно отвергаем и запрещаем, потому что к церкви Божьей со страхом подходить подобает... и денно и нощно с музыками по улице не шататься”.

Епископы обсуждали поминальные обряды, на которые “приходили без приглашения, ели, пили, напивались и глумились и бесчестились”. В документе особо выделяется категория активных богохульников, которые “суть ругатели и злочинцы, досаждают своим родителям и поносят веру и душу и прочие хулительные слова произносят, и не исповедаются, и не причащаются”. За такими людьми устанавливался надзор, и они наказывались по приговору церковного суда. А в 1732 г. о таких “нарушителях веры, поста и креста” принято решение подвергать их десятидневному аресту.

Гораздо обширнее была, однако, категория людей, попросту равнодушных к вере. “Некоторые, - негодуют епископы, - от лености и отсутствия страха Божия на службу божественную не идут, но сидят по домам и на игрищах глумятся, а иные в механах пьют... Некоторые от пасхи и до пасхи единожды или дважды в церковь приходят, а иные и вовсе не идут, еще и других удерживают(!)... а некоторые, конечно, по наущению сатаны и никогда своих девиц в церковь не допускают, также слуг со служанками удерживают”. Но и те, кто все-таки приходит на богослужение, не вызывают у архиереев одобрения: “...в уста в церкви целуются и приветствуют друг друга, и глумятся, и говорят от бесстрашия Божьего”. Этим же постановлением запрещалось открытие по воскресеньям и праздникам лавок, базаров и питейных заведений до завершения литургии.

Лейтмотив рассмотренного документа - утрата страха перед Богом, иными словами - отсутствие веры, религиозных чувств. Размывание религиозных основ начало происходить, как считает академик Р. Самарджич, вскоре после турецкого завоевания. И хотя сербы, где бы они ни оказывались, сооружали церкви и помещали в них мощи своих правителей и святых, они постепенно утрачивали былую набожность: “Вместо нее в вере стал отчетливо проявляться сплошной формализм, вытесняя христианские догматы языческими представлениями и сводя веру к приземленным и пустым культовым обрядам”⁵⁵. Действительно, в верованиях австрийских сербов большую роль играли разного рода колдуны, ведьмы, домовые. Особенно часты упоминания о вампирах, так что эта проблема даже разбиралась на саборе 1730 г. Церковь, безусловно, боролась с такими предрассудками. Ослушники, которые, например, вопреки запретам раскапывали могилы подозреваемых в вампирстве людей (а среди них оказывались и лица духовного звания), подвергались анафеме и передавались австрийским властям для совершения суда⁵⁶.

Далеко не безоблачными были и взаимоотношения мирян с клиром. Источники той поры полны жалоб на притеснения народа духовными лицами. Показательно, что сербы не видели разницы между эксплуатацией со стороны иностранцев и вымогательством своего собственного духовенства. “Не знаем, - жаловались будимцы митрополиту в 1732 г., - от кого в первую очередь защищаться и что прежде всего платить: цесарские налоги, или городские долги, или нашему епископу милостыню, или священникам, или на школы”. Напротив, это вызывало дополнительное возмущение: “И если чужой не понимает и за нас сердцем не болеет, то архиерею и отцу нашему надо бы понимать и нас не грабить”⁵⁷.

Крестьяне Пакрацкой епархии обратились в марте 1742 г. к Арсению IV с обвинительным письмом против своего епископа Николая Стефановича: “Вот уже сколько лет мы льем горькие слезы из-за нашего господина владыки и тяжелыми податями придавлены без всякого милосердия”, - говорится в письме. Далее в нем приводятся многочисленные факты незаконных поборов и злоупотреблений со стороны епископа и его людей, которые “и у последнего бедняка забирают все, что найдут в его доме, и даже отбирают у женщин последнюю прядь шерсти, несут и продают... а у которого и вовсе взять нечего, того просто не пускают в церковь”. Посланцев же владыки сопровождают 10-12 всадников, которые “нападают на людей и бьют их”⁵⁸.

Жалобы на самовластие и вымогательство со стороны духовенства повторялись мирскими депутатами практически на каждом саборе. Особому осуждению подвергались своеобразные методы воздействия на прихожан - лишение их возможности беспрепятственно отправлять религиозные потребности. На саборе 1748 г. по требованию пештанских сербов было решено запретить митрополиту и епископам “без суда (!) церкви закрывать, налагать на христиан проклятие и возбранять проповедь слова Божьего”. Особенно досталось будимскому епископу Василию Димитриевичу, про которого было сказано, что он “и вовсе свое архиерейское звание на гвоздь повесил, епархию совершенно забросил, а попам дал полную волю”. В итоговых “пунктах” сабора специально разъяснялось, что “милостыня должна держаться не на истязании, но на доброхотном даянии”⁵⁹.

Любопытно, что австрийские власти в этом конфликте чаще всего занимали сторону мирян, считая, что церковные поборы сокращают налоговые ресурсы государства. Кроме того, Вена до известной степени поощряла выдвинутую еще в середине века идею о разделе собственности церкви на имущество духовенства и “субстанцию общенародную”. В частности, на саборе 1749 г. по настоянию светских депутатов был избран специальный “президиум” из 19 человек от всех сословий, который должен был провести всеобъемлющую проверку соответствия завещаний Арсения IV и всех предшествующих архиепископов имеющемуся в наличии “народному имуществу”⁶⁰. При принятии Регламентов и Декларатории 1779 г. такое разделение было официально узаконено.

Корни противоречий духовенства и мирян не ограничивались материальными причинами. Об этом свидетельствует история противоборства жителей Будимской епархии со своими архиереями.

Конфликт разгорелся еще в начале века и продолжался до его конца. Невозможно подсчитать, сколько неофициальных угроз и официальных анафем было произнесено за это время будимскими владыками. От церкви ежегодно отлучались отдельные лица, группы людей и даже целые города и общины. Священникам запрещалось обслуживать население, двери церквей по всей епархии запирались и заколачивались, откладывались свадьбы, затягивались похороны. Противоборствующими сторонами прежде всего выступали будимская община в лице городского магистрата и епископский двор.

18 мая 1718 г. сербский магистрат г. Буды направил послание своему епископу Михаилу Милошевичу с описанием всех тех способов грабежа со

стороны духовенства, о которых уже упоминалось. “Есть среди нас, - пишут горожане, - старые люди, которым по 80 и 90 лет, но такого они не видели и о таком не слыхивали”. Из письма видно, что конфликт обострился до такой степени, что стал принимать форму рукопашных схваток: “...почтенные люди и певчие изгоняются из церквей, священники бьют их руками и палками и головы им разбивают”. Члены городского магистрата угрожали епископу тем, что люди собираются жаловаться на него немцам и что они с трудом их удерживают от этого. В письме говорится и о той опасности, что недовольство народа толкает людей к католикам: “Чуть что им скажешь, они тут же отвечают: а мы туда пойдем, есть и у них крест”. И самое страшное, по мнению авторов, состоит в том, что “начали люди и вообще без священников обходиться”. “Очень боимся, чтобы у нас какой мятеж не произвелся”, - заканчивают члены магистрата⁶¹.

При чтении может составиться впечатление, что городские старейшины дружески советуются с епископом, как им побыстрее погасить людское возмущение. Такое впечатление будет поверхностным и неверным. Надо иметь в виду своеобразный этикет того времени, когда не было принято прямо высказывать свои претензии, но, как и в данном случае, в обход, перемежая заверения в своей чрезвычайной почтительности ссылками на “неразумство” простых людей. Такая предусмотрительность, однако, не обманула самого епископа. Городской магистрат с полным составе объявлялся отлученным от церкви и христианства. В разосланном по епархии распоряжении М. Милошевич обвинял членов магистрата в том, что они “узурпируют (вазношеште на себе) власть церковную и светскую и безмерным своим самовластием и безумием покушаются попать ногами церковное строение и власть архиерейскую, Богом данную, поставить под свою власть, мирскую или даже пахарьскую(!)”⁶².

В этих словах отразилась вторая важнейшая причина противоречий духовенства и мирян, а именно: борьба за власть и влияние внутри сербского общества. При этом горожане стремились не только ограничить юрисдикцию православных иерархов чисто церковными делами, но и обеспечить себе влияние на церковь. Епископский двор, в свою очередь, отстаивал свои претензии на вмешательство в светские дела.

Спор велся прежде всего за право распоряжаться “народной кассой”, которой совместно владели городские и церковные власти. Дело осложнялось еще и тем, что в свое время (точную дату установить не удалось) горожане передали право собственности на некоторые городские постройки

и торговые лавки церкви: “нарекли, что будут церковные”. Поступок, вероятно, объяснялся стремлением уклониться от налогов и вообще “на тот случай, если какое несчастье приключится”. Однако вскорости владыки стали относиться к “городскому добру” как к своей собственности, “самовластно продавали мясные лавки, а никто в городском доме не знал об этом”. Когда же горожане в 1730 г. решили отремонтировать городской дом, “прогнивший и обветшалый”, епископ В Димитриевич - “пер экспресум” - требовал, чтобы “городской магистрат и народ не дерзнул ни одну доску к нему прибить или же что иное на нем поправить”. Василию хотелось, чтобы собранные горожанами деньги пошли на обновление городской церкви, которую, по его словам, “магистрат до конца проел... и добро церковное прожил”⁶³.

Так называемые “городские дома”, то есть помещения, в которых собирався магистрат, проводились судебные заседания, вызывали какую-то особенную неприязнь церковных иерархов, ибо они являлись олицетворением таких независимых центров власти, которые противостояли митрополичьему двору и резиденциям епископов.

Сербские митрополиты безуспешно пытались ограничить деятельность городских магистратов, подорвать их авторитет и влияние на народ. Этому, например, служили запреты проводить судебные заседания и другие собрания в городских домах во время, отведенное для церковной службы. Тот факт, что распоряжения о запрете неоднократно повторялись, говорит, по-видимому, о не очень строгом их соблюдении. А вот городским властям удалось закрепить за собой право “возвещать в церквях о городских делах”. Церковь становится отчасти таким местом, где подлежали обнародованию решения городских магистратов⁶⁴.

Соперничество мирян и церковных властей особенно усилилось в 30-е годы. И хотя архиереи в письмах друг к другу продолжали твердить, что “епископ есть начальная персона как церковной, так и мирской общины”, положение уже совершенно переменялось. Особенно клир возмущала независимая позиция светских депутатов сабора. “Вот хорошенькое дельце! - не без сарказма восклицал арадский епископ И. Антонович в письме к будимскому владыке в 1734 г., - епископам, значит, присягу приносить, а депутатам - вести себя наидерзким образом, да еще и уши выше епископа поднимать. Или же их обязанность - полагаться на рассудительность епископов и в послушании быть, как и в прежние времена было”⁶⁵.

Неутихающая “распря промежду клира и народа” по своей сути являлась борьбой за влияние на всю массу сербского населения монархии. Речь шла о вполне конкретных вещах: кто имеет право распоряжаться “народными деньгами”, должны ли епископы назначаться митрополитом или избираться народом на епархийских саборах, будут ли выборы самого митрополита “народными” или же “через приятельство мирских властей и через симонию”; чем должны заниматься депутаты в Вене: хлопотать ли об отмене налогов для клира или добиваться уравнивания прав сербских горожан с немецкими и т. д.

В этой борьбе внутри сербского общества, в которой на первый план выдвинулись противоречия горожан и высшей иерархии, православное духовенство все более утрачивало свой вес и влияние в народе. Заметное уменьшение авторитета церкви невозможно объяснить без учета тех специфических отношений, какие установились у сербских архиереев с властями чужеземного государства.

Если внимательно изучить титулы сербских митрополитов, то нередко можно встретить такие определения, как: “начальник отечества”, “заступник”, “общенародный протектор”, “сербский примат”. Эти формулы как раз и отражали своеобразное положение сербской церкви, которая в условиях ликвидации государственности и собственного класса феодалов вступает в отношения с чужеземными властями от лица всего народа. Такая практика сложилась еще во времена турецкого владычества и была обусловлена религиозным характером Османской державы, которая не отделяла светского от духовного.

Взяв на себя роль посредника между народом и властью, православная иерархия сумела сравнительно быстро адаптироваться в новой системе отношений Австрии. Сербские митрополиты оказались на положении, напоминающем статус чиновников. Им выплачивалось жалование, в затруднительных случаях оказывалась дополнительная финансовая помощь. Митрополиты носили титулы цесарских советников. Так, Павел Ненадович первым из сербов получил высокое звание “действительного тайного советника” и был возведен в дворянское достоинство, которое распространялось и на его родственников. Впоследствии такая практика стала постоянной⁶⁶.

Выше уже отмечались теплые отношения властей с патриархом Арсением III и его преемниками. Нередки были случаи тайных встреч, переговоров и переписки между руководителями сербской церкви и представите-

лями венского двора. В 1720 г. комендант Белграда Одвайер заключил договор с добивавшимся своего утверждения митрополитом М. Петровичем. Последний брал обязательство не назначать епископов до получения на то особого разрешения Вены, в обмен на это Одвайер обещал ему свою поддержку. Самое любопытное, что договор был тайным, стороны обязались не разглашать его содержание, чтобы “в народе сербском не породить какие-нибудь сомнения или же злобу против упомянутого господина митрополита”⁶⁷.

Австрийские монархи не считали зазорным оказывать сербским митрополитам знаки личного внимания, принимая их у себя на аудиенциях и одаривая “цесарскими милостями”. Тот же Павел Ненадович, посетивший по случаю своей конфирмации в 1750 г. Вену, хвастался российскому послу М.П. Бестужеву-Рюмину “пожалованными ему от их величеств подарками, а именно: от императрицы - крест большой с лазоревыми яхонтами и алмазами купно с золотою чепью, а от императора перстень такой же”. На замечание удивленного, по-видимому, такими подарками посла, посчитавшего, что “духовным лицам перстни носить непристойно”, митрополит отвечал, что-де “из одного намерен сделать к помянутому кресту верхнее кольцо, где лента или чепь продеватца может”⁶⁸. Другой русский посол Д.М. Голицын сообщал в декабре 1782 г. об облаканном при дворе митрополите Моисее Путнике, который к тому же был пожалован от Иосифа II “командором ордена Святого Стефана”⁶⁹.

О причинах подчеркнутого внимания Габсбургов к главе православной церкви вполне откровенно высказался барон Бартенштейн в своих наставлениях будущему императору Иосифу II. Вспоминая настойчивое стремление Арсения III Черноевича добиться ликвидации предусмотренной привилегиями должности светского предводителя сербов - воеводы, Бартенштейн оценивает как в высшей степени разумную поддержку государства, оказанную тогда церковному вождю: “...митрополитом гораздо легче руководить, управлять и под уздой его держать, чем какого-нибудь генерала, который толк в войне понимает и командует множеством готовых к бою людей”⁷¹.

Зная о привилегиях митрополитов, особом отношении к ним венских властей, можно не удивляться содержанию тех клятв, которые они давали на верность австрийскому дому “от всей души, от всего сердца, изо всех своих сил”, обещая к тому же “такую же верность в народе возбуждать”. Единственным архиепископом, осмелившимся в присяге 1748 г. сделать

упор на своей приверженности православию, был Исая Антонович, да и тот неожиданно умер через три месяца после своего возведения на митрополичий престол⁷².

Лояльность высшей сербской иерархии по отношению к правящей династии была безусловной. Она использовалась Веной прежде всего для эффективного контроля над сербским населением. К помощи православного клира прибегали всякий раз, когда на сербских землях происходили крестьянские волнения или мятежи граничар, или хотя бы создавались очаги социального напряжения, о чем сохранилось множество свидетельств. Нельзя сказать, что позиция духовенства всегда была абсолютно одинаковой. Так, из протокола сабора 1730 г. известно о некоем Николае Поповиче, священнике из Вараждинского округа, против которого австрийские власти выдвинули обвинение, что он “к бунту подстрекал”. А зачинщиком восстания 1731 г. в Костайницкой епархии был объявлен дьякон Симеон Филиппов⁷³. Этим, пожалуй, исчерпываются свидетельства источников об участии духовенства в народных выступлениях. Причем в подобных случаях речь всегда идет о представителях низшего духовенства.

Гораздо больше данных о принципиально иной позиции православного клира, осуждавшего любые мятежи и волнения. Как говорил митрополит Моисей на саборе 1730 г.: “Ни соседние страны не могут Его величество ни на что принудить... поэтому и нам надлежит смиренную просьбу и прошение употреблять”⁷⁴. Сербские архиереи испытывали откровенный страх перед бунтом, к которому примешивалась боязнь быть обвиненными в пособничестве бунтовщикам и утратить расположение властей. Вот почему высший клир, как правило, выступал в роли “смирителя духов”, действуя не только по указке Вены, но и по своему собственному почину.

В марте 1735 г. в Вену, где уже долгое время находился митрополит Викентий Йованович, пришло сообщение “о неких беспорядках (конфузиях), что в Бачке происходят”. Известие вызвало большое недовольство при дворе. Викентий получил указание: “Как можно быстрее на почтовых ехать разведать, какое потивство от людей в Бачке происходит”. Испуганный оборотом дела, В. Йованович в своих письмах пытается убедить соотечественников отказаться от своих требований и “каких-нибудь мало-важных вещей, не согласующихся с привилегиями”. Перспектива “ехать мир устраивать в Бачке” внушала митрополиту такой страх, что он не решался покидать Вену, пока не получит хоть какого-нибудь успокоительного документа от австрийских властей. “...По-другому не смеем с пустыми

руками в народ пойти”, - доверительно сообщал он будимскому епископу⁷⁵.

Еще более впечатляет хорошо сохранившийся комплекс документов о вовлеченности православного клира в подавление граничарского восстания 1751 г. в хорватской Костайницкой крайне.

Вслед за известием о начале волнений митрополит Ненадович получил от придворного секретаря Коха поручение “утихомирить народ”. К работе были подключены епископ Данила Якшич и архимандриты близлежащих монастырей (впоследствии каждый из них в письмах хорватскому бану и венским властям основные заслуги “в удержании народа в покорности” приписывал лично себе). Из рассказа архимандрита Лепавинского монастыря Никифора Поповича видно, что выполнение правительственного задания было сопряжено с немалым риском. Прибывшая на место события церковная делегация застала там “большое собрание из нескольких тысяч людей, где и зачитано было митрополитское послание...чтобы они себе правду искали тишайшим образом, а не убийствами и поджогами”. В ответ повстанцы стали кричать, что вместо пастырских писем лучше бы прочитали про сербские привилегии. “Нам пришлось отвечать, что мы по-латыни читать не умеем, и они нас едва не побили - чуть живыми оттуда выбрались”, - заключает свой рассказ Н. Попович⁷⁶.

Помимо своей основной политической функции, о которой говорилось выше, сербское духовенство оказывало властям и другие услуги, в том числе и по части сбора разведывательных данных. П. Ненадович, например, создал для этих целей целую сеть осведомителей из числа духовных лиц на границах с Турцией и в Белградском пашалыке. К нему стекалась разнообразная информация и циркулировавшие в соседнем государстве слухи о мятежах, продвижении войск, эпидемиях заразных болезней, видах на урожай и даже о здоровье султана. Полученные таким образом донесения сортировались, переводились в канцелярии митрополита на немецкий язык и отсылались в Вену⁷⁷.

Занятие это было весьма непростое и обременительное. Дело в том, что понуждаемые Ненадовичем присылать важные сведения, которые могли бы быть по достоинству оценены столичными сановниками, его корреспонденты старались не ударить в грязь лицом и едва ли не в каждом втором письме сообщали о готовящемся походе турок на австрийские земли. Вследствие этого митрополит постоянно находился в сомнении, доносить

или нет об очередном предупреждении, снова и снова требовал от своих агентов достоверности и перепроверки присылаемых известий.

Между тем слухи о грядущей войне с Турцией время от времени распространялись в приграничных районах Австрии, вызывая панику в народе. Так, осенью 1762 г. население Срема было настолько взбудоражено подобными слухами, что по постановлению сремской конгрегации решено было “всякого, кто осмелится говорить о турецком нападении на наши пределы, наказывать 12 ударами палкой”. А митрополит особым приказом запретил священнослужителям “пускаться в такое говорение, из чего может произрасти какая-нибудь жалоба на духовенство царскому двору, что мы-де пугаем народ, вместо того, чтобы его подбадривать”. Справедливости ради заметим, что на этот раз панику во многом спровоцировал сам П. Ненадович. Получив в конце лета, как ему показалось, надежные сведения о скором начале войны с южным соседом, он отдал распоряжение об эвакуации митрополичьей ризницы и других ценностей в свое отдаленное Дальское имение, что, естественно, не осталось незамеченным его паствой⁷⁸.

В пространной характеристике Иоахима Бартенштейна митрополита Павла (1761) указываются его многочисленные недостатки, связанные с культурным уровнем и моральным обликом. Однако для автора важнее другое: “Все-таки нельзя сказать, чтобы он когда-нибудь нарушил свою первейшую обязанность - верность правящему дому, или что он в разных случаях не имел больших заслуг перед династией”. Перечислив основные заслуги митрополита, Бартенштейн призывает поддерживать его всеми способами и не придирается к мелочам⁷⁹.

Тесное сотрудничество высшего православного клира с австрийскими властями порождало немало подозрений в народе о тайном принятии тем или иным владыкой и даже митрополитами унии с католической церковью. Павла Ненадовича такие слухи сопровождали в течение всей его долгой церковной карьеры. Даже осторожный российский посол в Вене Г. Кейзерлинг счел необходимым обратить на них внимание и в своих реляциях упоминал о странных для православного митрополита “друзьях и наперсниках” из числа католиков и униатов. А в августе 1756 г. он прямо, хотя и в зашифрованной реляции, сообщал:

“Перед несколькими временем получил я известие, будто бы в Венгрии тайно стараются греческих православных исповедников соединить с паб-

стскою (папскою. - Ю.К.) церковью, и что архиепископ Карловицкой свое попечение о том прилагает, да и в том намерении Синод созвано”.

Посол посчитал такую новость чрезвычайной и предпринял собственное расследование. Полученная им по своим каналам информация подтверждала факт “покушения на введение унии”. Кейзерлинг обещал следить за развитием событий и обстоятельно о них доносить⁸⁰.

Однако на сей раз продолжения не последовало: то ли слухи оказались преувеличенными, то ли задуманная акция была отменена. Вновь обвинения в адрес архиереев стали громко раздаваться в народе в связи с принятием “регламентов” 70-х годов, которые многими рассматривались как покушение на основы православия. Так, в письме будимского общества светским властям 24 ноября 1778 г. содержалась критика всех нововведений и давалось следующее заключение: “Наши владыки и митрополит тайно в Карловцах с цесарско-королевскими комиссарами сошлись и все это постановили, думая, что будто бы и мы вместе с ними желаем в какую другую веру перейти”⁸¹.

Показательна в этом отношении и полемика на Темишварском саборе 1790 г. и после него, когда светские депутаты открыто обвиняли высшее духовенство в коллаборационизме. Сава Текелия, в частности, ставил в вину церковникам ликвидацию Иллирской канцелярии в Вене: “Владыки... боялись, с одной стороны, народа, а с другой - немцев, и не смели и шагу ступить, не согласовав его с немцами... Митрополит же подал письменную просьбу, чтобы эту канцелярию закрыли”⁸².

Корни этого коллаборационизма следует искать не в “дурных” качествах сербских архиереев, а в самом социальном типе. Можно говорить даже об определенной трагичности судьбы митрополитов. Об этом откровенно высказался М. Петрович на саборе 1730 г., прося депутатов рассудить его трудное положение “некоего моста и посредника” между австрийскими господами и соотечественниками, ибо “покаявшись верностью цесарю и народу”, он должен “остерегаться, чтобы ни одну сторону не обидеть, но быть правым перед обеими”⁸³. В таком же духе жаловался и митрополит В. Йованович, что-де ему “с одной стороны, не верят господа, а с другой - народ”⁸⁴.

Завершая характеристику сербской церкви и духовенства, следует подчеркнуть, что за столетие со времени Великого переселения 1690 г. они совершили заметную эволюцию. Если материальный достаток и статус белого и низшего черного духовенства оставались практически без

лого и низшего черного духовенства оставались практически без перемен по сравнению с их жизнью в Турции, то положение высшего клира разительно изменилось. Получив привилегии, большие феодальные имения, приличное государственное жалованье, дворянские титулы и сановные звания, сербские митрополиты и вся церковная верхушка “феодализируются”, неплохо вписываясь в общественно-политическую систему империи Габсбургов. В течение всего XVIII в. они постепенно приобретают социальный статус, мало чем отличающийся от того, который имел католический клир.

По мере того, как жизнь православных архиереев становилась все более роскошной, утонченной, наполненной светскими заботами и удовольствиями, они все больше отдалялись не только от массы приходского духовенства, но и от народа вообще. Из стоящей перед ними в первой половине XVIII в. дилеммы: служить народу или Габсбургам - к концу века был сделан окончательный выбор. Место у престола, опора на законную власть показали им более надежным фундаментом, нежели любовь и почитание своих соотечественников.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ГАБСБУРГОВ В XVIII в.

При изучении политической жизни австрийских сербов в XVIII в. историки основное внимание всегда уделяли проблеме отстаивания сербами своих прав в государстве Габсбургов, борьбе за сохранение своей самостоятельности, утверждении их, пусть ограниченного, автономного положения. Сама политическая жизнь при этом рассматривалась как проявление конфликта или противоборства более или менее единой сербской общности с какими-либо внешними силами (центральным правительством, венгерскими сословиями, католической церковью и т. п.). В данной главе речь пойдет прежде всего о внутривнутриполитическом развитии сербского общества, то есть как раз о том аспекте, который до сих пор не получил достаточно глубокого и всестороннего освещения в историографии. Задача состоит в том, чтобы охарактеризовать главные общественные институты сербов и ведущие социально-политические силы, а также проследить их эволюцию и выявить новую расстановку политических сил к концу рассматриваемого периода.

1. Общенародные саборы

Главное своеобразие политической организации австрийских сербов состояло в том, что она была включена в политическую систему Дунайской монархии. Последняя, естественно, являлась доминирующей, активно воздействовала, подчиняла себе первую. Политическая организация сербского общества предстает в незавершенном, урезанном виде. Те или иные институты либо являются нам в зачаточном состоянии, либо строго контролируются иностранными властями. Сельское самоуправление (выборные старосты сел - “кнезы”) ограничивается властью спахии или австрийских провизоров. Городские сербские магистраты зависят от немецких, а также военных властей в лице комендантов гарнизонов. Судопроизводство представлено судами низшей инстанции и духовными судами с незначи-

тельной компетенцией. Из сербов в основном формируется низшее и среднее звено (до оберкапитана и майора) командного состава граничар. Тем не менее перечисленные факты свидетельствуют о наличии определенной, хотя и ограниченной, автономии сербского народа в государстве Габсбургов.

Центральным пунктом этой автономии, главным политическим институтом сербского народа на протяжении всего XVIII в. были общенародные саборы. Изучение этого института позволит выявить те изменения в политической организации сербского общества, которые произошли по сравнению с предшествующим периодом и которые происходили уже под властью Габсбургов. Анализируя ход подготовки саборов, состав депутатов, результаты работы, можно составить представление о расстановке политических сил внутри сербского общества, а также нарисовать общую картину политической жизни сербского народа в рассматриваемый период.

Прежде всего важно подчеркнуть, что общенародные саборы XVIII в. - относительно новое явление в истории сербского народа. Они не являлись прямыми наследниками государственных саборов средневековой Сербии. Их предшественниками скорее всего можно назвать церковные саборы турецкого времени, состав которых постепенно расширялся за счет участия светских лиц.

Первоначально сабор, как это следует из Привилегии Леопольда I от 21 августа 1690 г., имел единственное назначение - выборы нового главы православной церкви. И действительно, в 1691-1707 гг. вплоть до смерти патриарха Арсения III он не собирался. Но уже с первого избирательного сабора 1708 г. его назначение частично меняется. Новоизбранному митрополиту И. Джаковичу от лица депутатов вменяется в обязанность "каждый год единожды сабор собирать"¹. И хотя такую регулярность не удалось соблюсти из-за препятствий австрийских властей, тем не менее работа большинства саборов не ограничивалась выборами архиепископа. В течение XVIII в. состоялся 21 сабор (1708, 1710, 1713, 1715, 1716, 1719, 1721, 1722, 1726, 1727, 1730, 1731, 1732, 1735, 1744, 1748, 1749, 1769, 1774, 1781, 1790 гг.). Периодичность их созыва в первую очередь зависела от состояния здоровья сербских архиепископов. Случалось, что они следовали один за другим с промежутком в несколько месяцев, а бывало, что не собирались десятилетиями, как, например, в течение 46-летнего правления избранного в 1790 г. С. Стратимировича. Отсутствие регулярности в проведении саборов отчасти компенсировалось собираемыми время от времени

при митрополитах неофициальными встречами, на которых помимо духовенства присутствовали и “народные старейшины”².

Место проведения сабора не было постоянным. В этом сказалась расчетливая политика австрийских властей, которые стремились добиться проведения сабора в наименее удобном для сербов месте. Чаще всего, однако, сербам удавалось собираться в резиденции митрополита в Карловцах или поблизости от них: в монастыре Крушедоле и в Петроварадинском Шанце (Нови-Саде). После избрания главой церкви белградского митрополита М. Петровича саборы начинают проводиться в Сербии, в Белграде (1730, 1732, 1735). Последнее обстоятельство свидетельствовало о перемещении политического центра сербского народа со второй половины 20-х годов на территорию Сербии. В сентябре 1730 г. сербским депутатам, направляющимся в Вену хлопотать о созыве очередного сабора, поручалось настоять, чтобы он состоялся в Белграде - “Отечестве нашем и доме общенародном”³. Упоминание о белградском “общенародном доме” несколько раз встречается в источниках. Нельзя с определенностью заключить, что конкретно означает это выражение. Из контекста документов можно понять, что речь идет о здании или помещении (отдельном от митрополичьей резиденции и церкви), одним из назначений которого было проведение саборов. И хотя после войны 1737-1739 гг. Северная Сербия вновь попадает под власть Порты, важно подчеркнуть, что с Белградом, Сербией связываются представления народа о своем отечестве. И особенно интересно то, что инициатива выбора места для *постоянного* проведения саборов в Белграде принадлежала сербам на венгерских землях.

С течением времени сложились определенные правила и традиции функционирования саборов, был создан детальный церемониал и разработан регламент заседаний. Процедура созыва представительного собрания начиналась с получения дозволения на его проведение, что было исключительной прерогативой монарха. Затем происходило выдвижение депутатов. В приглашениях на сабор, отправляемых от имени митрополита, обычно стояла следующая формулировка: “Выбирать от каждого места несколько персон из числа кнезов или старых умных кметов”. Иногда уточнялось: один, два или три человека⁴. Отсутствие твердых норм представительства приводило к тому, что число участников сабора постоянно колебалось. Один из депутатов сабора 1730 г. с удивлением сообщал, что “приглашено было 70 человек, а приехало и все триста”⁵. На саборе 1749 г. было решено впредь избирать 75 депутатов: по 25 от духовного, военного и гражданско-

го сословий. Посланцев выбирали по отдельным избирательным округам (жупаниям, протопопиям или полкам), причем епископы были избавлены от этой процедуры и участвовали в работе саборов “по должности” и сверх всех квот⁶.

Православный клир пытался оказать и оказывал влияние на выбор тех или иных лиц. Митрополит В. Йованович в письме епископу В. Димитриевичу 2 февраля 1732 г. советовал способствовать избранию “от военного и поместного сословий мужей благоразумных и тихомирных (!)”⁷.

Депутаты саборов снабжались специальными полномочиями - “пленипотенциями”. Сохранились пленипотенции отдельных депутатов большинства саборов XVIII в., но совершенно уникальным является почти полный список полномочий участников сабора 1735 г.⁸.

Пленипотенция представляет собой документ, который подтверждал полномочия одного или двух-трех депутатов, с указанием их имен и места, откуда они посылаются. Существовал единый образец пленипотенций, для правильного их составления по епархиям рассылались “пустые” формуляры. В пленипотенции говорилось, что нижеподписавшиеся “вручают свой голос” такому-то депутату и заранее поддерживают и одобряют его действия на саборе. Далее следовали подписи с печатями. Полномочия духовных депутатов заверяли священники, протопопы, игумены монастырей, военных - офицеры граничар. Наибольший интерес представляют мандаты депутатов поместного, или гражданского, сословия. Они, как правило, имеют самый большой объем. Количество подписавшихся иногда доходит до ста человек и более. Причем за каждой подписью (“кнез села такого-то со всеми кметами” или “кнез и все христиане села такого-то”) стоит не один человек, а целая деревня или, по крайней мере, наиболее зажиточные и авторитетные крестьяне.

В общей сложности под полномочиями депутатов сабора 1735 г. стоит около 700 подписей людей из 500 населенных пунктов. Из них около 480 подписей принадлежит светским невоенным лицам из 430 городов и сел. Пленипотенции 14 поместных депутатов от Сремской епархии подписаны жителями 120 населенных пунктов (около 90 % от их общего числа). Аналогичные данные можно привести по Бачской епархии⁹. Выдвижение депутатов и составление пленипотенций приобщали к политической жизни практически все сербское население гражданских областей Монархии. На крестьянских сходах, городских и епархийских собраниях избранные депутаты снабжались письменными наказами, или “инструкциями”. В них

формулировались задачи депутатов и определялась их позиция на время работы сабора.

Государственный статус собранию сербских представителей придавало присутствие на нем специально назначаемых двором одного или более комиссаров (Commissarien). Первый из них обычно был генералом, что, по мнению Бартенштейна, придавало посланцу Вены дополнительный вес и было “мило сердцу” этого воинственного народа¹⁰.

Протокол сабора 1769 г. донес до нас описание торжественной встречи цесарского комиссара генерала Андрея Хадика 13 (24) апреля: “Навстречу ему из Карловцев вышел строй избранных всадников числом сто тридцать... За ними следовали экипажи, запряженные двумя и шестью лошадьми, в которых ехали господа штабс-офицеры, а в других экипажах господа епископы, в третьих же - депутаты от провинций”. Встретив Хадика далеко за городскими стенами, кортеж, приветствуемый толпами по всему пути следования, въехал в город, причем въезд сопровождался пальбою из восьми “больших пушек”, специально позаимствованных по сему случаю из гарнизона ближайшей крепости.

Довольный встречей генерал назначил открытие сабора на 4 мая (по н. ст.) и утвердил соответствующий церемониал. В назначенный час все депутаты, построившись в две колонны и сопровождаемые целой ротой граничар, явились за ним к отведенной ему резиденции. Далее многолюдная процессия двинулась к месту заседаний на новом митрополичьем подворье. Впереди на коляске ехал комиссар, по левую и правую руку шли пешими темишварский и славонский епископы, а за ними все депутаты и свита. У митрополичьей резиденции процессию приветствовали остальные епископы, после чего все прошли в залу, украшенную портретом Марии Терезии, и “цесарский комиссар занял свое место под балдахином, а депутаты расселись всякий на свой стул”¹¹.

Из сохранившихся протоколов видно, что австрийский комиссар не просто присутствовал, но и фактически руководил всей работой саборов. Не только открытие, но и все другие заседания начинались с его выступления и постановки им вопросов, на которые должны были отвечать депутаты. При этом венские эmissары не очень-то церемонились с народными представителями. В. Йованович вспоминал в связи с сабором 1730 г., как комиссар, забыв о переводчике, “грозил депутатам мечом цесарским... и саблей на горло показывал”¹². Власти старались контролировать не только официальные заседания. Депутат Й. Цветинович писал о тревожной обста-

новке на Белградском саборе 1730 г.: “Каждый день мы, светские, вместе собираемся, и хотя много есть мыслей, но не смеешь со всеми открыто говорить, потому что многие назначены по улицам подслушивать, внимают полномочным посланцам, что и о чем промежду ними беседа идет, и следят...”¹³.

Комиссар определял также порядок и регламент работы сабора. Так, генерал Хадик для заседаний отвел четыре дня в неделю (понедельник, среду, четверг и субботу) с 9 утра до 12, самое позднее до часу пополудни. Такой щадящий режим работы, дополняемый бесчисленными праздничными обедами и увеселениями, растягивал заседания депутатов на несколько недель, а то и месяцев. Запрещалось проводить какие-либо собрания до приезда комиссара либо в его отсутствие. Последнее правило сербам удавалось, по крайней мере иногда, обходить. Сербы были обязаны содержать комиссара и его свиту, да еще и выплачивать ему гонорар за труды. Тот же Хадик получил 4 тыс. форинтов из наследства умершего митрополита П. Ненадовича¹⁴.

Многочисленные попытки австрийских властей свести назначение саборов к простому оглашению “цесарских резолюций” и даже вообще ликвидировать этот институт не увенчались успехом. Особенно ярко отношение сербов к своему представительству проявилось в ходе обсуждения проекта митрополита М. Петровича об учреждении Народного совета - постоянно действующего органа при митрополите, которому передавались функции сабора¹⁵. Неизвестно, действовал ли Моисей по указке из Вены или по своему собственному почину, однако выдвижение такого проекта как нельзя более отвечало стремлениям австрийского двора. Предложение митрополита было с негодованием отвергнуто. Сербы Будимской епархии писали 3 декабря 1729 г., что Совет учреждать не нужно, ибо “погубим самый главный и самый лучший пункт из привилегий наших”, то есть право собирать саборы¹⁶.

Смысл создания Народного совета, состоящего из узкого круга лиц (от 12 до 36 человек), заключался в ограничении политической активности сербов, устранении из политической жизни широких слоев городского и сельского населения. В упомянутом послании будимцев авторы ставили митрополиту в вину, что тот намеревается “заключить в привилегии 36 персон и те 36 персон выдавать за весь общий народ”¹⁷.

2. Представительство на саборах и расстановка политических сил

внутри сербского общества

Как известно, средневековые сербские саборы состояли из привилегированных сословий: высшей церковной иерархии и властелы. Ощутить сдвиги во внутренней структуре сабора можно по изменению самого названия этого института. Если в дотурецкий период он именовался “сабором” или “сбором”, то в XVIII в. в большинстве случаев мы встречаем более развернутые определения: “всенародный сабор”, “генеральный сабор”, “общенародный конгресс”, “общенародное собрание”, “верховный сабор”, “конгрегация общенародная”, “народный сессион” (кстати, используемый до сих пор в историографии *применительно к XVIII в.* термин “народно-церковный сабор” не встречается в источниках и является позднейшей выдумкой клерикальных историков.). Указанные изменения свидетельствуют о существенном расширении состава участников сабора. Впрочем, об этом можно судить и на основании более точных данных. Используя дошедшие до нас материалы, удалось восстановить довольно подробную картину состава депутатов восьми саборов (см. табл. 1).

В историографии саборы XVIII в. характеризуются как сословный или сословно-церковный орган¹⁹. Действительно, в источниках последовательно отразилось деление сербского общества на три сословия: духовное, военное и гражданское. Но это были не традиционные сословия-классы, присущие феодальному обществу. Изменилось внутреннее содержание самого понятия “сословие”, которое фиксировало не столько социальное положение, сколько политико-правовой статус отдельных групп населения. Более того, характерной чертой развития сербского общества под властью Габсбургов было размывание сословных границ. В начале XVIII в. к политической деятельности допускаются те социальные слои, которые в предшествующий период были от нее отстранены. Формально представительство на саборе носит сословный характер, фактически же утрачивает таковой. Анализ саборного представительства и тех изменений, которые произошли в нем за столетие, позволяет выявить расстановку политических сил и основные тенденции общественного развития австрийских сербов в XVIII в.

Таблица 1

**Распределение депутатов общенародных саборов
по сословиям и чинам в 1708-1774 гг.¹⁸**

Сословия и чины	1708	1726	1727	1730	1735	1749	1769	1774
Митрополит, епископы	6	9	9	9	9	6	6	6

Архимандриты, игумены, иеромонахи	23	8	12	3	9	9	8	8
Протопопы, “наместники”	6	18	14		16	10	17	14
Приходские священники	5	9	-	44	8	4	-	2
<i>Всего</i> духовных лиц	40	44	35	56	42	29	31	30
Старшие офицеры	2	6	5	5	2	1	6	-
Капитаны	18	16	25	13	10	7	9	6
Младшие офицеры	14	6	3	-	3	12	10	19
<i>Всего</i> военных депутатов	34	28	33	18	15	20	25	25
Спахии, племичи	-	-	-	-	-	-	1	2
Оберкнезы	-	1	7		10	5	-	6
Представители сельского самоуправления	3	8	2		10	3	-	-
Представители городского самоуправления	9	15	8	92	12	14	17	15
Ремесленники, торговцы	9	4	8		20			
Другие “гражданские” депутаты	11	2	4		2	7	7	2
<i>Всего</i> депутатов от “гражданского сословия”	32	30	29	92	54	29	25	25
<i>Всего</i> депутатов	106	102	97	166	111	78	81	80

Прежде всего отметим отсутствие среди депутатов феодального сословия властелы. Сербское дворянство в Австрии было весьма малочисленным. Дворянские титулы получали высшие иерархи православной церкви и граничарские офицеры за военные заслуги. Во второй половине столетия среди сербских племичей стали попадаться и представители чиновничества, служащие магистратов и жупанийской администрации. Для них дворянский титул открывал возможности более быстрой карьеры, облегчал интеграцию во властные структуры государства. В последние десятилетия XVIII в. к ним присоединились новые дворяне из числа купцов, которые фактически покупали себе звания. Пика этот процесс достиг в 80-е годы, когда в Банате шла широкая распродажа коморских земель и около сорока торговцев стали землевладельцами и дворянами. Впрочем, купцы получали мало пользы от дворянского диплома, и в дальнейшем эта практика не получила развития²⁰.

Дворяне-сербы владели, как правило, небольшими имениями, которые редко превышали размер среднего крестьянского надела. Лишь немногие были собственниками целых сел; крупных латифундистов (если не считать митрополитов) вовсе не было, а некоторые и вообще не имели земли. Их

экономическая роль была почти незаметной, а удельный вес в составе венгерского благородного сословия исчислялся долями процента. Так, в 1785 г. в Венгрии было приблизительно 75 тыс. дворянских семей общим числом около 330 тыс. человек, тогда как всех сербов-племичей насчитывалось не более двух сотен²¹.

Будучи весьма малочисленными, сербские племичи до конца XVIII в. не играли хоть сколько-нибудь существенной роли в политической жизни сербского общества. Как более или менее заметная общественная сила они впервые проявили себя только во время работы Темишварского сабора 1790 г. Но и тогда дворянство выступает не в качестве отдельного сословия, а всего лишь привлекает внимание к деятельности нескольких своих представителей. Более того, на рубеже XVIII и XIX вв. начинается процесс интеграции племичей-сербов в состав единого феодального класса габсбургского государства, что неминуемо вело к разрыву с той этнической средой, из которой они вышли²². По образному выражению Й. Скерлича, они “дезертировали из рядов своего народа”²³.

Положение духовного сословия подробно характеризовалось в предыдущей главе. Отметим только, что его представительство на саборе по сравнению со средневековым периодом существенно переменялось за счет включения в число депутатов белого духовенства, удельный вес которого в среднем составлял 54 % от общего количества церковных депутатов.

Разумеется, политический вес той или иной социальной группы не измеряется только количественными данными. Определяющая роль в выработке позиции всего духовного сословия по-прежнему оставалась у высших церковных иерархов. И все-таки эта позиция не ограничивалась узкими интересами привилегированной части церкви, но включала отчасти и требования приходских священников, которые в значительной степени совпадали с чаяниями основной массы мирян.

Военные депутаты на саборах представлены исключительно офицерами граничар, в основном оберкапитанами и капитанами. И хотя в пленипотенциях и наказах им поручалось защищать не только офицеров, но и “о бедных попечение иметь”, тем не менее военные депутаты, безусловно, являлись выразителями интересов привилегированной части сербского войска. Само понятие “воинственное сословие” применялось в источниках по отношению к командному составу граничар. Неслучайно его эквивалентом были выражения “господа офицеры” или “капитаны”.

Военное сословие на протяжении изучаемого периода претерпело существенную эволюцию. В начале века население Военной границы представляло собой более-менее однородную массу воинов-крестьян и характеризовалось высокой социальной мобильностью. Отличившийся на ратном поприще солдат легко мог выдвинуться и даже получить офицерское звание. Во второй половине столетия в связи с переносом основной тяжести граничарской службы с обороны на заграничные походы происходит довольно отчетливое деление населения Военной границы на воинов-профессионалов и гражданских жителей (крестьяне, ремесленники, торговцы), чье положение мало чем отличалось от ситуации в Провинциале.

Расслоение захватило и самих граничар: из военного сословия выделилась сравнительно узкая и закрытая офицерская каста. В офицерские школы стали поступать почти исключительно дети офицеров, родители стремились устроить их после учебы в немецкие части и гарнизоны, что считалось необходимым условием для успешной военной карьеры, в их среде все больше распространяется немецкий язык²⁴.

По образу жизни, общественным интересам и даже по языку сербские офицеры все больше отдалялись от рядовых солдат. В граничарских поселениях они чувствовали себя настоящими спahiями. Посетивший в 1804 г. Военную границу русский поэт и ученый А.С. Кайсаров записал в своем дневнике: “Офицер здесь все: и военный начальник и судья гражданский”²⁵. К этому следует добавить, что сербские командиры были людьми достаточно состоятельными. Имеющиеся у них в пользовании земельные участки на порядок превосходили средние крестьянские наделы и занимали десятки, а то и сотни гектаров. Установленное еще в середине XVIII в. жалование офицерам граничарских формирований было весьма высоким: полковник ежегодно получал из казны 3000 , майор - 1500, капитан - 240-300 форинтов. Сохранившиеся тексты завещаний некоторых сербских офицеров среднего звена говорят о них как о людях, чья собственность оценивалась в тысячи форинтов²⁶.

Формированию граничарской элиты, ее интеграции с австрийским правящим классом способствовало и награждение офицеров дворянскими титулами. Венскими властями всячески поощрялась германизация инонационального офицерства. Ее благотворное влияние, по словам И. Бартенштейна, заключалось в том, что у сербов “меньше стало грубости, а среди офицеров найдется немало таких, которые по умению держать себя в свете

нисколько не уступают другим во всем, что касается учтивости и изысканности манер”²⁷.

На саборах “воинственное сословие” держалось особняком. Бывшее в начале века достаточно активным социальным слоем сербское офицерство, частично германизированное, терявшее связи со своим народом, все более утрачивало интерес к общесербским делам и проблемам. На первый план у него выходит стремление к успешной военной карьере, а также сохранение и приумножение тех привилегий, которыми оно пользовалось.

Третьим, официально признанным в Австрии сословием сербского народа, чье представительство было закреплено на саборах, оставалось гражданство. Этот термин вошел в оборот со второй половины столетия. До этого третье сословие именовалось в источниках “поместным”, “коморским” или “политичным”. К гражданскому сословию относили городское население, прежде всего торговцев и ремесленников; сельских жителей Провинциала, а также зародившуюся в конце рассматриваемого периода национальную интеллигенцию.

Безусловное лидерство в этом конгломерате имел торгово-ремесленный слой. На всех саборах его представители составляли большую часть поместных депутатов в лице председателей (биреров, кнезов) городских общин, членов городских управ (судей, “ешкутов” - присяжных), богатых и влиятельных ремесленников и торговцев, чей удельный вес достигал 70 %. Посланцы таких крупных городов, как Белград, Карловцы, Нови-Сад, Буда, Сентандрей, Сегедин, Осиек, Арад, Темишвар, задавали тон всей работе саборов.

Возрастание политической активности этой группы, помимо увеличения ее экономической мощи, определялось и рядом других факторов. Широко развернувшийся во времена правления Марии Терезии процесс приобретения сербскими поселениями городского статуса предоставлял им новые права и возможности: полноправное “бюргерство” относилось к привилегированной части населения. Но еще большее значение для политического развития имела та школа общественного самоуправления и самоорганизации, через которую прошли тысячи сербских ремесленников и купцов, участвуя в работе магистратов, других выборных и формируемых органов городского управления.

Постепенно добившись уравнивания своих прав с горожанами-католиками, сербы вступили с ними в открытую конкурентную борьбу, которая в условиях чужеземного государства неизбежно принимала национальный

оттенок. Городское сословие становится главным носителем сербской национальной идеи и национального сопротивления, сталкиваясь на этом пути с заметно интегрированными в общественно-политическую систему государства Габсбургов высшим сербским духовенством и офицерством²⁸.

Существование и развитие городов имело и еще одно немаловажное социальное последствие - появление сербской интеллигенции. Если в предшествующий период единственными образованными людьми среди сербов были представители духовенства, то к концу XVIII в., благодаря собственным светским школам, а также тем широким возможностям, которые предоставляли сербам образовательные учреждения Австрии, Венгрии, Германии и России, была сформирована заметная прослойка учителей, врачей, инженеров, адвокатов, представителей различных творческих профессий²⁹. Эти люди, весьма восприимчивые к прогрессивным западным влияниям, также включались в национально-политическое движение и со временем смогли даже занять в нем лидирующее положение.

На протяжении второй половины XVIII в. произошли существенные сдвиги, касавшиеся участия в общественно-политической жизни основной массы народа - сербского крестьянства. Сразу после Великого переселения 1690 г. и в течение первых десятилетий нового столетия крестьянство в лице представителей сельского самоуправления - кнезов и кметов - было одним из самых активных элементов общества, на равных участвующих в работе сербских представительных органов и влияющих на их решения. Такая не вполне нормальная ангажированность крестьянства объяснялась отчасти чрезвычайностью пережитых событий (переселение, несколько войн) и нестандартностью ситуации, в которой оказались сербские переселенцы (их разобщенность, неопределенность юридического статуса, наличие непривычной и даже чуждой культурно-национальной среды). По мере стабилизации положения, "привыкания" к новым условиям сербское крестьянство постепенно отходит от прямого участия в политической жизни.

Другая и, наверное, более значимая причина ослабления общественной активности сельского населения крылась уже в эволюции социальной структуры общества. Переселившиеся в Австрию сербы составляли более или менее однородную массу. Однако в течение следующего столетия они оказались подвержены далеко зашедшему процессу имущественного и социального расслоения. Оформившийся во второй половине XVIII в. слой богатых торговцев - выходцев из крестьянской среды, прежде всего из числа сельских кнезов и кметов - полностью взял на себя инициативу в по-

литической жизни, монополизировав представительство на саборах от всего гражданского сословия³⁰.

3. Позиции депутатов и борьба на саборах

Позиции депутатов от трех сословий по обсуждавшимся на заседаниях сабора проблемам далеко не всегда были одинаковыми. Проще всего в этом плане охарактеризовать роль граничарских офицеров. По всем принципиальным вопросам они следовали указаниям своих военных начальников и последовательно проводили линию двора³¹. Когда при избрании нового митрополита на саборе 1748 г. разгорелась борьба между сторонниками Павла Ненадовича, поддерживаемого провинциальными депутатами, и Исая Антоновича, который был ставленником Вены и считался в народе тайным униатом, дело решили военные. В самый острый момент дебатов, когда приверженцы Павла вознамерились выбросить Исая из окна, военные депутаты обнажили шпаги, предотвратив расправу, а потом и добились избрания его главой церкви³².

Еще более показательны выборы митрополита, описанные в протоколе сабора 1769 г. Когда подвели итоги голосования, в ходе которого депутаты ставили свою подпись и прикладывали личную печать на лист с именем одного из трех выдвинутых кандидатов, выяснилось, что за угодного Вене Иоанна Георгиевича голосовали практически одни офицеры, а миряне и большинство духовных лиц стояли за Даниила Якшича. Австрийский комиссар Хадик отверг этот выбор и пригрозил назначить митрополита без всяких обсуждений. К обработке депутатов подключились все епископы, за исключением победителя первого тура - Якшича. В конце концов, видя бессмысленность протестов, провинциальные и духовные депутаты присоединились к военным, как сказано в протоколе, “с немалой скорбью и печалью”, и выборы Иоанна были объявлены состоявшимися. По этому поводу устроили грандиозный пир: собралось великое множество народу, для угощения были зажарены 12 баранов и целый вол, подавалось вино, играла музыка, из ружей и пушек “палили весь день без числа”³³.

Не каждый раз выборы митрополита проходили с таким накалом борьбы. На саборе 1774 г. из двух кандидатов победу одержал на первом же заседании “без всякой распри” темишварский епископ Викентие Йованович Видак³⁴. Впрочем, знаменитый сербский историк и современник описываемых событий Йован Раич усматривал причину такого необычного

единодушие депутатов в большой подготовительной работе, проделанной накануне сабора кандидатом-победителем: “Господин Видак употребил для этого всевозможные хитрости. Он непрерывно устраивал для всех депутатов приемы и угощения, архимандритам обещал дать епархии, военным - выхлопотать новые ранги, а гражданских подкупал деньгами, и так привлек на свою сторону всех посланцев”³⁵.

В связи с сокращением к концу века присутствия на саборах низшего приходского духовенства претерпевает некоторое изменение и позиция церковных депутатов. Оставшиеся в представительном органе высшие иерархи и протопопы отличались сугубой лояльностью по отношению к Вене, имели одни и те же интересы и политические устремления, направленные на сохранение status-quo в положении народа и церкви. Противоречия между духовными депутатами вызывались почти исключительно амбициями отдельных епископов и противоборством различных группировок в высшем эшелоне церкви. Эту особенность очень точно подметил в одной из своих реляций за 1743 г. российский посол Л. Ланчинский: “А трудность наивысшая в том находится, что сей честного сердца народ благодати согласия в себе не имеет; особливо же начальствующие, главные, верховные персоны почитай беспрестанно живут в распри и междуусобии”³⁶.

Наиболее важной представляется характеристика позиции третьего - “гражданского сословия”. Прежде всего отметим необычайную активность светских депутатов. По опубликованным документам из архивов Буды и Пешта можно заключить, что посланцы от этих городов относились к институту сабора со всей серьезностью и приезжали на его заседания хорошо подготовленными. При избрании депутатам давались подробные “инструкции”, имевшие для них обязательную силу и касавшиеся самого широкого круга вопросов народной жизни. Во время работы саборов они были самыми заметными ораторами, да к тому же посредством почты поддерживали постоянную связь со своими магистратами, согласовывая с ними позицию по вновь возникшим проблемам. Бывали случаи, когда за “показатую смелость” и “мятежное поведение” митрополиты ходатайствовали перед Веной о недопущении на сабор провинциальных депутатов от Будимской епархии, и им приходилось затрачивать невероятные усилия, чтобы добиться отмены следовавших за этим монаршеских указов³⁷.

Вопросы, которые более всего волновали светских депутатов, можно свести к нескольким крупным проблемам. Прежде всего они неустанно обличали клир в “ограблении народа”. Австрийский комиссар на саборе

1735 г. записал в своем дневнике о заседании, на котором обсуждался вопрос о церковных доходах: “И начали мирские посланники как из одного горла кричать и нападать на клир, а клир нападал на них, и не видно было конца этому крику”³⁸. Во время работы саборов высокие иерархи часто собирались на “особые встречи”. Миряне, со своей стороны, организовывали собственные “конференции”, на которые не допускалось духовенство³⁹. Знаменательно, что светские и церковные депутаты саборов иногда даже именовались *“высокими договаривающимися сторонами”*⁴⁰.

Обвинений в стяжательстве на саборе 1744 г. не избежал даже уважаемый в народе патриарх Арсений IV. Тогда же посланцы от мирян выступили с инициативой учредить отдельную “народную кассу”, что при дворе сочли “опаснейшим желанием, совершенно противным государственным интересам”⁴¹. На следующем саборе 1748 г. основной поток критики был направлен против местоблюстителя митрополичьего престола Виссариона Павловича; была даже создана специальная депутатская комиссия для проверки всех счетов проворовавшегося “администратора”⁴². Главной целью сабора 1769 г. провозглашалось преодоление раскола между клиром и народом, а 3/4 всех заседаний этого почти полугодового собрания оказалось занято дебатами о чрезмерных доходах духовенства, становящихся все более обременительными для сербского народа. Любопытно, что это был один из очень немногих вопросов, по которому военные депутаты солидаризировались с “гражданским сословием”⁴³.

Второй насущной проблемой, занимавшей светских депутатов и шире - все “гражданское сословие”, было стремление к перераспределению властных полномочий, ограничению роли духовенства в мирских делах и, напротив, подчинению своему влиянию церкви. Этот конфликт зародился еще в первой половине XVIII в. и продолжал набирать силу. В наиболее острой форме он проявлялся на местах. Десятилетиями длилась борьба будимских владык с сербскими городскими магистратами Буды, Пешта и Сентандрея. Нередко возникали жалобы на назначение того или иного епископа, при этом со ссылкой на давние привилегии отстаивалось право мирян участвовать в выборах своих владык⁴⁴.

Конфликт на этой почве в Темишварской епархии в 1740-е годы настолько обострился, что в него оказался втянутым русский посол Л. Ланчинский, поддержавший кандидата мирян Симеона Христиана, выдававшего себя за выходца из России. Посол организовал отправку в Петербург нескольких писем от местных жителей с просьбой о поддержке. В них со-

общалось, что православные уже натерпелись сверх меры при прежнем епископе Николае Димитриевиче; в течение 15 лет “в полной темноте веры жить принуждены были”, а под конец были им “вечному проклятию преданы”. Свое право на выбор владыки они обосновывали тем, чтобы “неученой которой простак, читать и писать не умеющий или мало смыслящий пастырь, от патриарха навален не был, понеже по причине таковых неискусных пастырей народ наш, который к воровству и разбою привык, не токмо от добродетели и правил честного жития отвращается, но и спасительных наставлений слушать не хочет”⁴⁵.

Любопытно, что за темишварцев вступились и жители других епархий. Сегединские сербы написали Марии Терезии большое письмо, в котором просили императрицу защитить своих собратьев от архиерейского самоволия, и выражали опасение, как бы и в их епархии “патриарх не навязал нам духовным пастырем какого-нибудь неуча или идиота, который ни читать, ни писать не умеет и ничего не понимает”⁴⁶.

Застарелым был конфликт новосадцев с бачскими владыками. Длившееся около сорока лет с переменным успехом противоборство, преимущественно по материальным мотивам, епископов с городским магистратом завершилось в 1780 г., когда горожане в жалобе самой императрице обвинили 60-летнего старца Арсения Радивоевича в “гнусном пороке содомии”. И хотя епископ обзавелся справкой о том, что “ведет моральный образ жизни”, власти решили погасить скандал, заключив его в монастырь под надежную охрану. Впоследствии А. Радивоевич пытался отстоять свою невинность через суд, но так и не добился оправдания, умерев во время судебного разбирательства в 1783 г.⁴⁷.

Эти настроения мирян в концентрированном виде нашли выражение в уже упомянутом мемориале Захария Орфелина Марии Терезии 1778 г. Знаменитый писатель, бывший в то время жителем Сремских Карловцев и не понаслышке знакомый с православными архиереями, был их беспощадным критиком. Епископов он называл “неверными и неискренними духовными пастырями или, лучше сказать, убийцами души и тела”. З. Орфелин писал, что сербскому народу привилегиями Леопольда I “дозволено иметь собственного воеводу и свое управление (магистрат), а народ не видел ни того, ни другого, ибо архиепископы все это узурпировали, и вместо народного управления или утверждения какого-нибудь губернатора, который бы руководил народом по монаршеским указам,... все берет на себя один архиепископ”⁴⁸.

Недоверие мирян к своим духовным пастырям, в том числе подозрения в их тайном униатстве и излишней уступчивости австрийским властям, понуждали провинциальных депутатов к попыткам установить в той или иной форме контроль за церковными предводителями. На саборе 1748 г. они добились установления института “народных попечителей” (“туторов”) в качестве надзирающего за митрополитом органа. Шесть попечителей (по два от каждого сословия) должны были контролировать финансы митрополии, наблюдать за нравственным обликом высшего клира, следить, чтобы митрополит не делал долгов “от имени народа”. Глава церкви со своей стороны должен был по всем важным вопросам держать совет с туторами. Тем же решением всем архиереям, не исключая и самого митрополита, вменялось в обязанность “обеспечить к себе свободный доступ всем желающим, а не оставлять людей подолгу ждать перед дверьми, а потом на ходу в коридоре с ними разговаривать”⁴⁹.

На следующем саборе 1749 г. для этих же целей был выбран уже целый “президиум” из 19 человек, а три представителя от сословий получили звание “народных уполномоченных” (“пленипотенциаров”) и приличное жалование из “общей кассы” - от 250 до 400 форинтов в год⁵⁰. На саборе 1769 г. было избрано семь “попечителей”, но Мария Терезия своим указом ограничила их число тремя и, не иначе как по подсказке митрополита, велела именовать не попечителями, а “народными помощниками”⁵¹.

Вместе с этими очевидными завоеваниями “гражданского сословия” были и потери. Прежде всего они относятся к сокращению воздействия саборов на общественную жизнь сербов. Дело заключалось не столько в том, что произошла формализация саборного представительства или несколько сузился круг его полномочий. Важнее было то, что созыв сабора стал событием достаточно редким. Если в первой половине XVIII в. прошло 17 саборов, а они собирались в среднем раз в три года, то с середины и до конца столетия состоялось только четыре сабора, причем интервалы между ними стали достигать 10-20 лет. В этих условиях функции народного представительства отчасти перешли к регулярно собиравшемуся Синоду, находившемуся под полным контролем митрополита. Такое положение, по видимому, вполне устраивало венский двор. Неслучайно в Декларатории Марии Терезии особое внимание уделено функционированию этого церковного органа. Документ, в частности, требовал обязательного присутствия на заседаниях Синода “цесарского комиссара”, что должно было придать ему дополнительный вес⁵².

В историографии сложилось мнение, что саборы XVIII в. имели “неполитический” характер. Первым политическим называется Темишварский сабор 1790 г. Утверждается, что их полномочия ограничивались лишь церковными и школьными делами, все же остальное подпадало под компетенцию Венгерского государственного собрания (для Бачки, Баната и Бараньи) и Хорватского сабора для других территорий с сербским населением. И вообще общественная жизнь австрийских сербов в данный период зачастую рисуется как крайне неинтересная, представлявшая собой “тихую государственно-правовую волокиту”⁵³.

Действительно, круг вопросов, по которым сербские депутаты могли принимать окончательные решения, был невелик. Однако значение саборов нельзя сводить к выборам главы церкви, утверждению величины церковных сборов и тому подобным делам. Их деятельность выходила далеко за рамки тех религиозно-просветительских полномочий, которые официально признавались Веней. Проведение сабора всякий раз превращалось в центральное событие в жизни всего народа, на его заседания выносились и обсуждались самые актуальные проблемы: предоставление сербам отдельной территории, утверждение и расширение привилегий, борьба за права горожан, сопротивление процессу “покмечиванья”, восстановление церковного и отчасти политического единства сербов в составе Австрийской монархии.

Решения саборов по этим вопросам хотя и не имели прямого действия, но оформленные в виде “общенародных требований” к императору и в другие высокие инстанции, все-таки не оставались без последствий. Австрийские власти вынуждены были считаться с коллективной волей народа, в услугах которого так нуждались, и нередко шли на уступки по отношению к сербам. Существование института сабора наряду с сохранением церковного единства стало консолидирующим и объединяющим фактором для всего сербского населения государства Габсбургов.

Ключевым событием, в определенном смысле подводившим черту в политическом развитии австрийских сербов в XVIII в. и открывавшим перспективы на будущее, стал Темишварский сабор 1790 г. Выше уже рассказывалось об обстоятельствах его созыва и основных решениях, относящихся к правовому статусу сербов в составе Австрии. Однако сабор 1790 г. интересен и с точки зрения тех новых тенденций, которые получили развитие внутри сербского общества к концу столетия.

Прежде всего отметим, что подготовка сабора и выборы депутатов сопровождались невиданной политической активностью православного населения Австрийской монархии. Помимо обычных в таких случаях многочисленных собраний по епархиям и жупаниям и составления коллективных наказов в адрес митрополита стали поступать многочисленные проекты реформ, исходившие в основном от городских общин - Осиека, Буды и Пешта, Сомбора, Темишвара, Земун, Вршаца, Сегедина и др. Любопытно, что завязалась переписка и между магистратами некоторых городов с целью выработать общую программу и согласовать позиции на будущем саборе. И после открытия заседаний на сабор продолжали поступать письма, жалобы, требования из различных мест, общин и от частных лиц⁵⁴.

Представительство на саборе несколько отличалось от сложившегося во второй половине XVIII в. Помимо 75 депутатов от трех традиционных сословий указом Леопольда II еще 25 мест было зарезервировано за представителями православного, в том числе и несербского, дворянства. Избранный по этому списку Савва Текелия вспоминал впоследствии, что нововведение вызвало всеобщие протесты, но “после сабора те, кто больше всех кричал против участия благородства, сами старались это благородство заполучить”⁵⁵. Однако очевидный расчет Вены усилить позиции своих сторонников не вполне оправдался: дворяне в православной среде все еще не стали заметной общественной силой и, за исключением нескольких лиц, оставались пассивными во время заседаний сабора.

Если верить донесениям австрийского комиссара Иосифа Шмитфельда и официальному протоколу, с самого момента открытия сабор раскололся на две противоборствующие “партии”.

Первая группа, названная позднее “народняцами”, или “националистами”, во главе с Яковом Сечанцем состояла из провинциальных посланцев и примкнувших к ним граничарских офицеров. Эта составившая большинство депутатов партия выступала за территориально-политическую автономию в составе монархии, основанную на давних сербских привилегиях⁵⁶. Высшая иерархия, часть дворян и несколько депутатов от других сословий сформировали клерикально-консервативную партию, которая стремилась к компромиссу и даже сотрудничеству с венгерскими властями, распространению на всех сербов законов Венгерского королевства и получению мест в Государственном собрании Венгрии. Вождь этой группы С. Текелия го-

ворил, что предпочитает “подчиняться законам, нежели жить по привилегиям, которые, как я сам видел, зависят только от монаршей воли”⁵⁷.

На первый взгляд обозначенное выше размежевание свидетельствует о совершенно новой расстановке политических сил и об изменившейся ориентации, по крайней мере, двух их трех сословий - духовенства и военных. Однако такое впечатление будет обманчивым. Нельзя забывать, что Темишварский сабор был созван в условиях кризиса, связанного с угрозой целостности государства, на фоне обострившегося австро-венгерского конфликта, в обстановке неопределенности перспектив политического развития, что не могло не внести коррективы в позицию различных слоев.

Сербские граничары более всего опасались осуществления давнего стремления венгерского дворянства упразднить институт Военной границы. Неслучайно главным для военных депутатов стало требование, чтобы в случае ликвидации Крайны граничары не становились кметами, сохраняя свои права и свободы⁵⁸. Такая позиция исключала возможность компромисса с венгерскими сословиями и создавала почву для сотрудничества с провинциальными депутатами сабора.

Неожиданная провенгерская ориентация высшего клира православной церкви, скорее всего, была лишь реакцией на радикальные проекты горожан добиться введения светского правления - “правительствующего национального магистрата”, включая выборы собственного воеводы⁵⁹. Такой оборот, означавший неизбежное падение влияния церкви, заставлял высший клир хотя бы временно отступить от идеи привилегий, в действительности мало что значащих к этому времени, и склониться к союзу с венграми. Привлекательность такого союза станет еще более понятной, если учесть, что венгерский канцлер граф Палфи обещал места в Венгерском сейме митрополиту и епископам как представителям религиозной общины, а не в качестве депутатов от “иллирской нации”⁶⁰.

Таким образом, колебания в позиции военных и духовенства на Темишварском саборе были вызваны временными и во многом случайными обстоятельствами. Если же рассматривать саборы как институт народного представительства на протяжении всего XVIII в., то очевидная линия размежевания на них проходила между клерикальными и военными депутатами, с одной стороны, и представителями “гражданского сословия” - с другой. Первая позиция определялась интересами тех слоев общества (офицеры граничар, высшая иерархия), которые сумели интегрироваться в общественно-политическую систему габсбургского государства, занять в

ней свое, привилегированное по сравнению с другими соотечественниками, место.

Позиция “провинциалов” вытекала из насущных потребностей “гражданского сословия”, чья растущая экономическая мощь требовала все более активного включения в политическую жизнь для защиты и расширения своих прав. В конкурентной борьбе с представителями господствующих национальных групп (немцев, а также венгров и хорватов) сербские торговцы и ремесленники становились главными носителями национальной идеи и в конечном счете приняли на себя роль выразителей общенациональных устремлений. Окончательно оформившаяся к концу столетия концепция создания сербской автономии со светской системой управления вступала в конфликт с претензиями православного духовенства на роль единственной руководящей силы всех сербов, посредника между народом и иноземными властями. Под знаком этого конфликта проходило социально-политическое развитие австрийских сербов и в веке XIX.

4. К вопросу о формировании сербской нации

Формирование национального самосознания у австрийских сербов проходило на первый взгляд в крайне неблагоприятных условиях. Сербь не имели не только собственной государственности, но и никаких ее атрибутов, в которых бы отразилась своя государственная традиция (чем располагали, например, соседи сербов - хорваты, имевшие собственное “королевство”, сабор, бана и т. п.). Они представляли только часть народа, отделенную границами от своих собратьев в Турции и Венеции. Да и в самой Австрийской монархии сербы оставались административно и территориально разобщены, будучи рассеянными на большом пространстве по различным генералатам Военной границы и венгерским комитатам в Провинциале. К тому же им приходилось жить в весьма пестрой национальной среде и контактировать с более крупными и развитыми в культурном отношении (немцами, венграми) или этнически близкими (хорваты) народами. К этому следует добавить политику официальных властей, имевшую своей целью фактическую ассимиляцию народа, что выражалось, в частности, в настоячивых попытках введения запрета на употребление самоназвания “серб”, “сербин” и замену его региональными понятиями “сремец”, “славонец” или вообще неопределенными именами “иллир” и “рац”⁶¹. Затруднял процесс формирования нации и фактор “неполной социальной структуры” -

практическое отсутствие у сербов собственного дворянства. Наконец, сербы все еще не имели понятного и признанного народом книжно-письменного языка.

Все эти очевидные препятствия на пути формирования нации дают основания некоторым историкам относить начало пробуждения национального самосознания австрийских сербов только ко времени Первого сербского восстания 1804-1813 годов⁶². В этом случае, на наш взгляд, не учитывается ряд других факторов, которые в значительной мере *компенсировали* перечисленные выше неблагоприятные условия.

Во-первых, при отсутствии видимых государственных атрибутов у сербов в Австрии продолжала жить память о державе Неманичей и былой славе сербского оружия, сохранялся культ князей, деспотов и святых, что закреплялось и постоянно воспроизводилось в знаменитом народном эпосе, а многие семьи вели свою родословную (чаще всего мифическую) со времен первых сербских королей⁶³. Идея государственности получила новый импульс в концепции Г. Бранковича, обосновавшего необходимость и правомерность возрождения сербской державы. Разумеется, идеи “ложного деспота” в XVIII в. еще не стали практической целью национального движения. Реальную альтернативу власти Габсбургов сербы видели скорее в принятии турецкого или российского подданства.

Однако с конца XVII в. жившая в народе память о былой государственности сосуществовала с новым фактором. Дарованные Леопольдом I привилегии способствовали формированию представлений об особом положении сербов в империи Габсбургов. Эти представления постепенно выдвигались на первый план, оттесняя воспоминания о державе Неманичей. Идея государственности трансформируется в требование административно-территориальной автономии в рамках Австрийской монархии. В развернутом виде эта автономистская программа была разработана на Темишварском саборе 1790 г. Важно, однако, подчеркнуть, что оба названных источника стали своего рода элементами “исторического права” и выполняли функцию, аналогичную государственной традиции, в конечном счете укрепляли их национальное самосознание.

Разделение сербского народа государственными границами при ближайшем рассмотрении не выглядит слишком фатальным. Австрийские сербы на протяжении всего XVIII в. сохраняли связь с находящейся под турецкой властью Сербией, которую продолжали считать своим отечеством. Это чувство постоянно питалось вовлеченностью сербов по обе сто-

роны Дуная и Савы в частые австро-турецкие войны и следовавшие за ними мощные миграционные волны, которые, по меткому выражению Р. Лукича, “освежали” ощущение родства австрийских и турецких сербов⁶⁴. Эту связь укрепляли и очень тесные торговые связи. Более того, во второй половине XVIII в. Северная Сербия и Воеводина, специализировавшиеся на выращивании скота и торговле им, настолько хозяйственно сблизились, что стали функционировать едва ли не как целостный экономический организм⁶⁵.

Австро-турецкую границу ежедневно пересекали торговцы, монахи, гайдуки, участники восстаний, преследуемые властями люди и просто беженцы. Причем движение шло в обоих направлениях. Кроме того, австрийские сербы в середине XVIII в. устанавливают связи с соотечественниками в Далмации, Карловицкая митрополия играет важную роль в противостоянии православных далматинцев унии⁶⁶. Наконец, Воеводина становится посредником в контактах всего сербства с Россией, о чем убедительно свидетельствуют материалы российского посольства в Австрии.

Территориально-политическая разобщенность народа в пределах габсбургского государства также не имела решающего значения. Общность всех австрийских сербов зиждилась на воплощенном в “привилегиях” их особом статусе, обеспечивающем исправное функционирование на протяжении всего столетия собственного представительного органа - общенародного сабора. Другим объединяющим фактором была единая церковная организация - православная Карловицкая митрополия.

После бегства в Австрию в 1737 г. печского патриарха Арсения IV Карловицкая митрополия *de facto* становится главным церковным центром всего сербского народа, она принимает на себя былую роль Печской патриархии, которая хотя и просуществовала до 1766 г., но совершенно ослабла, не в последнюю очередь из-за частых смен на патриаршем престоле безвестных и неавторитетных греческих архиереев. И теперь уже православное духовенство из Сербии обращается к карловицким митрополитам за помощью и поддержкой⁶⁷. Общее церковное прошлое, продолжение канонических связей, живые контакты между православным духовенством в Австрии, Турции и Венеции позволяли сохранить религиозно-церковное единство сербов вне зависимости от страны, в которой они проживали.

Сложнее оценить роль православной церкви для австрийских сербов. В историографии нередко подчеркивается, что после 1690 г. “православие

стало для сербских беженцев их новой отчизной”, “понятие нация срослось с понятием церкви”, “клир создавал основы национального самосознания” и т. п.⁶⁸. Однако подобные утверждения плохо согласуются с тем очевидным фактом, доказательству которого отведено столько места в настоящей работе, что православное духовенство фактически интегрировалось в общественно-политическую систему Австрийской монархии, что оно не было и не могло быть носителем национальной идеи, что ведущим мотивом действий церковных иерархов оставалась защита собственных корпоративных интересов и привилегий, а сами они все больше становились похожими на чиновников, находящихся на жаловании у государства и это государство обслуживающих. Нельзя забывать и о том, что национальное самосознание и национальное чувство вообще имеют светский характер, а сама нация рождается в эпоху, когда рационализм и даже атеизм теснит и побеждает религиозность⁶⁹.

Обозначенное противоречие во многом определяется тем, что в историографии не всегда дифференцировалось понятие “церковь”. Для большинства историков оно было тождественно понятию “духовенство”, которое само по себе многослойно. И то положительное значение, какое имело наличие собственной церковной организации для сохранения этнической обособленности австрийских сербов, зачастую незаслуженно приписывалось православным иерархам.

К оценке роли православной церкви как нельзя лучше подходят слова академика В. Чубриловича, сказанные им, правда, по другому поводу: “Не сербская церковь сохранила сербский народ в турецкую эпоху, но сербский народ использовал свою церковь как автономный церковно-политический институт... в борьбе в защиту народной индивидуальности, своих религиозных убеждений и культурной самостоятельности”⁷⁰.

Нуждается в детальном изучении значение конфессиональных различий в этнической дифференциации сербов и хорватов. В XVIII в. между этими двумя народами, в особенности в Военной границе, не существовало непреодолимой пропасти. У них были общие проблемы и тягости военной жизни, они действовали солидарно во время всех крупных граничарских восстаний. И все-таки сербы и хорваты конституировались в нации в рамках своих религий. Другое дело, что роль церкви нельзя абсолютизировать. Два народа имели различные геополитическую и культурную ориентации, которые уже в процессе формирования наций в XIX в. в значительной мере утратили конфессиональную окраску⁷¹.

Выше уже отмечалось, что австрийские сербы относились к народам с так называемой “неполной социальной структурой”. У них отсутствовал “свой” феодальный господствующий класс, в отличие от их соседей - хорватов и венгров, чье национальное движение возглавляли различные фракции дворянства. Это обстоятельство, однако, не столько замедляло темп формирования нации, сколько придавало ему иной вид. У народов со “своим” дворянством крестьянство видело в национальном движении “господское дело”, что сдерживало распространение национального самосознания вширь⁷².

Для австрийских сербов господствующий слой (помещики, чиновники, высшие граничарские военачальники) были представителями других национальностей - австро-немцев, венгров и отчасти хорватов, что способствовало усилению чувства национальной обособленности в самых широких слоях городского и сельского населения. Причем в качестве главного носителя национальной идеи выступает постоянно усиливающий свои позиции на протяжении всего XVIII в. слой сербских торговцев и ремесленников, а также тесно с ним связанная своим происхождением формирующаяся интеллигенция. Именно это “гражданское сословие” в конкурентной борьбе с духовенством занимает ведущее положение в сербском обществе, выдвигает автономистскую программу, которая стала шагом к идее о создании собственного государства.

Разобщенность сербов в пределах Австрийской монархии, этническая чересполосица населенных ими земель приводили к тому, что национальное движение началось не одновременно и не везде имело одинаковый размах. Это присущее и другим народам явление компенсировалось формированием центра притяжения, своего рода “национального ядра”, в пределах которого, по определению В.И. Фрейдзона, “все внутренние связи складывающейся нации имели более интенсивный характер”. Для сербов таким ядром стала Южная Венгрия (будущая Воеводина) с городами Сремские Карловцы и Нови-Сад). С образованием Сербского княжества возникает второй национальный центр, а роль Воеводины постепенно падает, особенно быстро во второй половине XIX в.⁷³.

Характеризуя национальное развитие сербов, нельзя не коснуться некоторых новых тенденций в сфере образования и культуры, которые дали о себе знать во второй половине XVIII в. Среди них на первое место, безусловно, следует поставить достаточно бурное развитие школьного дела и рост образованности народа.

Вплоть до последней трети XVIII в. никакой системы школьного образования у сербов не было. Время от времени по инициативе городских или сельских общин нанимались учителя, которые вели обучение небольшого числа детей азам грамматики, арифметики и закона Божия. В этой связи весьма показательна характеристика степени просвещенности сербов, данная в одной из реляций Г. Кейзерлинга: “Семинарей, школ и учителей как в языке и философии, так и богословии православных сия нация никогда не имела, а и впредь она по ее великой бедности оных иметь не может”⁷⁴.

Любопытно, что инициатива в развитии образования исходила от светских кругов, которые, как считал И. Бартенштейн, уже поняли важность образования и все меньше боялись посылать своих детей в католические училища⁷⁵. Напротив, духовенство, по свидетельству Ф. Таубе, препятствует просвещению народа, который, будучи образован, вряд ли сохранит слепое послушание своим пастырям⁷⁶. В таком же духе знаменитый историк Й. Раич неустанно обличал сербских архиереев. Суетный и высокомерный П. Ненадович, по его словам, признавал только низшее образование, а тех, кто читал Библию, “ругательски называл Библияшами”. Другого митрополита, И. Георгиевича, он обвинял в том, что тот закрыл много школ и “проел школьный фонд”⁷⁷.

Российский посол Л. Ланчинский видел корень бед сербов в том, что народ “от своих священников, а священники от архиереев не обучены, архиереи бо недалжны..., которыя народ в слепой простоте и своем подданстве содержать усилюют для своей пользы. И как скоро греческаго законоположения ученной муж какой появится, то его выживают, дабы в проповедях народу глаз не раскрыл”. Вместе с тем посол отмечал тягу к обучению сербов-мирян: “Офицерство и городския жители желают, правда, и домогаются об учителях..., но духовныя начальники до того не допускают, еже я от самых добросердечных и побожных персон неоднократно слышал, с тою прибавкою: желают-де, чтоб простой народ хотя “Отче наш” научили, а то-де вера оного только в постах и крестах состоит, отчего-де начальникам польза, а у простого народа происходит невежество”⁷⁸.

Настоящая революция в образовании сербов произошла в последней четверти XVIII в. и была связана с радикальной школьной реформой Марии Терезии, осуществленной в 1774-1777 гг. Реформа, распространенная и на сербское население, предусматривала отделение школ от церкви, превращение школ в государственные учреждения под надзором светской власти, установление контроля над программой обучения и, наконец, мас-

штабное расширение сети учебных заведений - в одном Банате по плану 1774 г. предполагалось построить 373 новые школы⁷⁹.

Чтобы понять смысл перемен 70-х годов, обратимся к одному из документов периода реформы - Школьному уставу для тривиальных (обычных) сербских школ в Банате, обнародованному в Манифесте Марии Терезии 2 ноября (по н. ст.) 1776 г. Именно его выделил русский посол Д.М. Голицын из большого потока законодательных актов, переслав Екатерине II. В сопроводительной реляции он писал: “Сей манифест, кроме различных достохвальных правил и установлений, кои в нем предписаны, еще и тем особливо... заслуживает примечания, что он есть первый, который на немецком и купно на славяно-сербском языке издан”⁸⁰.

В первом же параграфе устава ставилась цель - учредить школы во всех сербских поселениях, где имелся свой приход. Если где-либо отсутствовало помещение для школы, его надо “елико скорше да созиждется”, а тем временем, не откладывая, начинать проводить занятия в доме учителя, попа, судьи или другого какого обывателя. Все родители должны были отдавать в школы своих детей с шести до девятилетнего возраста круглый год, а с девяти лет только в “зимнюю школу”. Посещение школы было обязательным для детей обоего пола. Программа обучения включала чтение, письмо, счисление, закон Божий. Императрица выделяла ежегодно 1500 форинтов “на малые дары” для поощрения лучших учеников. На тот случай, если в населенном пункте не было православного прихода, сербы должны были отдавать своих детей в католические школы”⁸¹.

Реформа Марии Терезии, вводившая, по сути, всеобщее обязательное начальное образование, разумеется, не могла быть реализована сразу и в полном объеме. Однако она дала мощный импульс росту грамотности и общего культурного уровня австрийских сербов, которые по этим показателям стали приближаться к средним государственным стандартам.

Если начальное образование у сербов с 70-х годов было поставлено на прочную основу, то получение среднего и университетского образования было сопряжено с некоторыми трудностями. С 1728 по 1768 год в Сремских Карловцах с перерывами существовала славяно-латинская школа с шестилетним циклом обучения, основание которой связано с именем Максима Суворова. Отчасти проблема решалась за счет тех возможностей, которые открывались в России. По подсчетам М. Петрова, в Киевской духовной академии с 1721 по 1762 г. обучалось 28 сербов, а затем их число резко снизилось. Среди них оказался и обучавшийся в Киеве в 1753-1756 гг. бу-

душый историк Йован Раич⁸². Однако гораздо чаще сербы осваивали науки в немецких и венгерских образовательных учреждениях. Так, будущий историк и писатель Павел Юлинец в течение трех или четырех лет обучался в протестантском лицее в Пожуне (Братиславе). Симеон Пишчевич учился три года в Вене в частном пансионе, а после неудачной попытки поступить в католическую гимназию в Сегедине опять стал брать частные уроки. Будущий митрополит Стефан Стратимирович обучался в трех различных (несербских) гимназиях, затем изучал философию и право в Буде и завершил образование в Вене, где освоил церковное, государственное и международное право, а также лингвистику и даже политические науки⁸³.

Ситуация значительно улучшилась, когда 1 ноября 1792 г. в Карловцах открылась первая сербская гимназия, учрежденная по образцу королевских гимназий в Венгрии с весьма широкой программой, включающей такие предметы, как: латынь, история, арифметика, ботаника, зоология, антропология, минералогия и др. Полный курс гимназии состоял из шести классов. Характерно, что это стало возможно благодаря пожертвованиям богатых торговцев и ремесленников, собравших внушительную по тем временам сумму в 39100 форинтов. Очень скоро карловицкая гимназия стала учебным заведением, не просто дававшим сербам возможность получения классического среднего образования, но и формирующим кадры будущей сербской интеллигенции⁸⁴.

Развитие собственной школьной системы, а также приобщение сербов к европейским стандартам образования в учебных заведениях Вены, Буды, Пешта, Пожуни и других городов империи сделало австрийских сербов едва ли не самой передовой в культурном отношении частью православно-славянского мира. Неслучайно в конце XVIII в. в Россию стали приглашать ученых людей из числа австрийских сербов, которые сыграли немалую роль в развитии российского просвещения⁸⁵. В 1782 г. Екатерина II дала послу Голицыну задание подобрать человека, “способного к заведению в нашем отечестве нормальных школ” по примеру австрийских. Для этой цели был выбран директор сербских школ в темишварском округе Федор Янкович Мириево, который направлен был в Россию. В депеше посла по этому случаю говорилось: “...сей директор много рекомендован мне от венгерского канцлера графа Эстергази не токмо в разсуждении достоинств и похвальных его качеств, но и в разсуждении того доброго и отличного мнения, которое Его величество император об нем имеет”⁸⁶.

Рост числа образованных людей способствовал формированию устойчивого спроса на книги и другую печатную продукцию. В первой половине столетия эта потребность удовлетворялась в основном за счет привозных русских книг, хотя сербы много раз обращались к правительству с просьбой о заведении собственной типографии. В 1761 г. в Венеции открылась известная “греко-православная типография” Димитрия Теодосия, в которой до начала XIX в. были изданы 72 книги, в том числе произведения З. Орфелина, Й. Раича, П. Юлинца.

В 1770 г. Мария Терезия подарила венскому университетскому издателю Иосифу Курцбеку привилегию, разрешающую ему печатать сербские книги в течение 20 лет; одновременно ужесточался запрет на ввоз кириллических книг из-за границы. С 1771 по 1792 г. в типографии Курцбека издано свыше 150 книг для сербов, большей частью переводов с немецкого и французского языков, что не могло удовлетворить сербов. В 1792-1796 гг. типографией владел Стефан Новакович, опубликовавший среди прочего знаменитую “Историю разных славянских народов” Й. Раича. Затем типография перешла в собственность университета в Буде, хотя и продолжала печатать сербские книги⁸⁷.

В марте 1791 г. в Вене вышла первая сербская газета “Сербския новины повседневныя”, в 1792-1794 гг. в типографии С. Новаковича печатались “Славено-сербския ведомости”. Помимо газет в последней трети XVIII в. у сербов появились первые журналы (“Славено-сербский магазин” З. Орфелина), а также календари-ежегодники и месяцесловы⁸⁸.

Развитие образования и оживление издательской деятельности актуализировали проблему создания литературного сербского языка. Языковая ситуация, в которой оказались сербы в Австрии в XVIII в., была чрезвычайно запутанной. До Великого переселения 1690 г. сербы использовали в качестве письменного церковно-славянский язык в сербской редакции (“сербско-славянский”). В первой половине XVIII в. под русским влиянием он трансформировался в так называемый русско-славянский язык (русифицированная редакция церковно-славянского). Во второй половине столетия на базе церковно-славянского, русско-славянского языков и народного говора сформировался новый искусственный, гибридный язык, получивший название славяно-сербского языка. Следует добавить, что некоторые специалисты считают, что все три варианта письменного языка существовали в XVIII в. параллельно. Другие ученые, напротив, дают весьма точную периодизацию этих трех этапов (1700-1740; 1740-1780; 1780-1815 гг.). Прин-

ципиальное же значение имеет то обстоятельство, что все это время письменный язык (а он употреблялся не только в церкви, но и в школе, литературе, образованные люди часто и говорили на нем) оставался очень далеким и непонятным для народа⁸⁹.

Положение усугублялось еще и тем, что официальным государственным языком в венгерских провинциях была латынь (разумеется, “испорченная” латынь, про которую Ф. Таубе говорил, что здесь “и Цицерону потребовался бы переводчик”), а на территории Военной границы - немецкий. Необходимость приспособления к этим условиям диктовала сербам потребность в изучении этих языков, что к тому же всячески поощрялось властями. В 1753 г. в сербских школах по распоряжению митрополита П. Ненадовича была предпринята попытка ввести изучение немецкого языка, а со школьной реформы 1776 г. он становился обязательным предметом преподавания в Военной границе. Венгерский сейм 1790-1791 гг. утвердил введение венгерского языка во всех школах Королевства в качестве дополнительной учебной дисциплины⁹⁰. Все это способствовало проникновению как в письменный, так и в разговорный сербский язык большого количества слов из латинского, немецкого, в меньшей степени - венгерского и некоторых других западноевропейских языков. Наконец, в борьбе с русским влиянием австрийские власти предприняли несколько попыток вытеснить кириллическую азбуку, навязав сербам латиницу или даже глаголицу. Дружные протесты народа, который латинскую азбуку окрестил почему-то “чивутской”, т.е. еврейской, возымели действие, и кириллица была сохранена⁹¹.

К концу XVIII в. вполне сформировалась и была осознана потребность в реформировании литературного языка. Первую попытку приблизить сербский книжный язык к живой разговорной речи предпринял выдающийся просветитель Дмитрий Обрадович (1742-1811). Не порывая полностью со “славяно-сербской” традицией, он на практике дал образцы введения элементов народного говора в искусственный книжный язык того времени, чем подготовил почву для революционного переворота, произведенного чуть позднее Вуком Стефановичем Караджичем. Эта борьба за “национализацию” литературного языка отражала тенденцию к демократизации литературы и просвещения, была направлена против монополии православного духовенства в развитии общественной мысли и культуры⁹².

Наконец отметим еще одно важное изменение в культурном развитии австрийских сербов во второй половине XVIII в. В последние годы прав-

ления Марии Терезии, а в особенности в период “йозефинизма”, на смену русской духовно-культурной ориентации, основу которой составляли общие православные ценности, приходит ориентация австрийская, западная. Ослабление связей с русской культурой, которые, впрочем, никогда не утрачивались полностью, сопровождалось ростом интереса к западным идеям и ценностям, усилением в культуре светских элементов. Этот культурно-политический процесс, получивший дальнейшее развитие в XIX в., иногда условно называют “европеизацией” сербов. Такой поворот был прежде всего следствием государственных реформ 1770-1780 годов, сломавших определенную изолированность сербов в составе габсбургского государства, способствовавших более быстрому их приобщению к центрально-европейскому цивилизационному типу, сложившемуся здесь культурному укладу жизни⁹³.

С другой стороны, совместное проживание с представителями различных народов, прежде всего немцами, хозяйственная интеграция сербов в рамках Австрийской монархии, распространение среди сербов немецкого языка, расширившиеся возможности для получения образования, в том числе высшего, в европейских учебных заведениях - все это порождало новое самоощущение начинающей складываться интеллектуальной элиты народа. Первыми, кто выразил эти идейные устремления среди сербов, были Захария Орфелин и Димитрий Обрадович. Причем если первый воплотил в своих произведениях проавстрийскую или даже прогабсбургскую тенденцию (что отчетливо отразилось в его “Представлении” Марии Терезии), то второй был глашатаем более широкой европейской, “западнической” ориентации⁹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Нет нам в этом царстве покоя, - писали на исходе века в послании к австрийскому монарху жители одной из сербских общин. - И, видно, зря мы за него нашу кровь проливали без меры, как речную водицу, в сражениях и с турчином, и с мадьярскими бунтарями, и с французами, и с баварцами, и с пруссаками...”¹. В этих словах запечатлелось чувство горечи за напрасно принесенные жертвы и разочарование от несбывшихся надежд, которые, похоже, испытывали многие из сербских подданных Габсбургов. В них отразилась трагическая судьба разделенного и разбросанного по разным странам и землям народа. Народа, лишённого государственности, народа-изгнанника, вынужденного искать пристанища в чужих краях, служить верой и правдой иноземным правителям и все равно не могущего обрести благополучия, справедливости и покоя.

Какова же была причина этого ощущения обреченности и безысходности, и так ли уж однозначно негативным оказался баланс развития сербов под властью Австрии в XVIII в.?

Как уже не раз отмечалось, переселявшиеся с конца XVII в. во владения Габсбургов сербы оказались в совершенно новой для них среде. Вырвавшись из-под власти турок-мусульман, они рассчитывали на облегчение своей участи при христианском государе. Оказалось, однако, что несмотря на различия в вере, прежняя власть и поддерживаемый ею весь уклад жизни был привычнее, понятнее и не воспринимался как нечто абсолютно чуждое сербам. При всех своих различиях сербы и турки, в сущности, представляли собой лишь разные варианты патриархального общества. С точки зрения просвещенных европейцев XVIII в., и те и другие в равной степени оставались “варварами” - примитивными народами, которые еще не успели вкушать плодов цивилизации и культуры.

Резкая смена политических и социокультурных условий жизни усугублялась тем, что расселившиеся в южных пределах Венгрии и в Хорватии сербы вступали в контакт со множеством других этносов из числа как автохтонного населения (хорваты, венгры, румыны), так и пришлого (немцы, русины, евреи и др.). В этой национально пестрой среде, этой этнической чересполосице сербам приходилось не только адаптироваться к господ-

ствующему общественному порядку, но и находить способы взаимодействия и сосуществования со своими многочисленными соседями.

Серьезную угрозу национальному бытию сербов представляла политика австрийского правительства, а также венгерских и хорватских властей. Главным инструментом этой политики на протяжении почти всего столетия стали попытки разделения народа и навязывания ему унии с католической церковью. Со времен кардинала Колонича такой путь в Вене считали основным средством укрощения этого “своенравного и дикого народа”. Другим важным элементом политики государства по отношению к сербам были усилия по распространению среди них немецкого и латинского языков, основ европейской культуры и просвещения, экономических новшеств: современных агротехнических приемов, ремесел и мануфактурного производства. Этот курс осуществлялся как посредством “реформ сверху”, которые особенно усилились в последнее десятилетие царствования Марии Терезии, так и через организованную и поддержанную государством масштабную немецкую колонизацию в районах, где сербы составляли большинство населения. Наконец еще одно средство, способное превратить сербов в верных и полезных подданных, Габсбурги видели в привлечении на свою сторону верхов сербского общества (высший клир, граничарские офицеры, прослойка дворянства) путем предоставления им значительных прав и преимуществ.

Несмотря на эти крайне неблагоприятные условия, к концу XVIII в. австрийские сербы не только не утратили свою самобытность, но и достигли ощутимого прогресса в национальном развитии. Тому способствовал целый ряд факторов.

Прежде всего стоит обратить внимание на исходный человеческий материал. Из Турции в Австрию бежали, как правило, участники антитурецких восстаний, самые имущие и образованные люди, церковнослужители, представители сельского самоуправления, жители городов - все те, кто более всего опасался мести турок и кому было что терять. Это были люди с развитым чувством политического самосознания. Покидая родные места, они увозили с собой главные сербские святыни, запечатленную в народном эпосе память о славном прошлом и мечту о независимости и собственном государстве.

Огромную роль в сохранении самобытности сербского народа в империи Габсбургов сыграл “фактор привилегий”. Содержание и объем дарованных Леопольдом I льгот и преимуществ, как подчеркивалось ранее, бы-

ли очень ограничены и касались в основном прав православной церкви. Тем не менее сербы воспользовались ими в качестве правовой базы для отстаивания своего особого статуса в составе государства Габсбургов. Все национальное движение сербского народа в XVIII в. развивалось под знаменем борьбы в защиту и за расширение привилегий. При этом политические устремления сербов трансформировались в требование предоставления им отдельной территории и автономного управления под скипетром австрийского монарха. И хотя идея Воеводины была впервые реализована в период революции 1848-1849 гг., в положении сербов в XVIII в. можно усмотреть некоторые автономистские черты. Важнейшей из них было наличие и исправное функционирование института общенародных саборов - органа широкого народного представительства, объединявшего всех сербов вне зависимости от места жительства и административной подчиненности.

Наряду с привилегиями сербы черпали силы и в приверженности к вере своих предков. Преданность православию, на первый взгляд, не поддается рациональному объяснению. Немало страниц настоящей книги было посвящено доказательству того, что сербов отнюдь нельзя было назвать народом религиозным. В их верованиях гораздо большую роль, нежели догматы христианского учения, играли разного рода предрассудки, легенды о ведьмах, леших и вурдалаках. Даже в соблюдении внешней обрядности они не отличались большой аккуратностью, находясь к тому же в постоянной конфронтации со своими священниками и архиереями. И тем не менее любая попытка склонения к унии с католической церковью, в том числе и со стороны собственных духовных предводителей, не просто отвергалась, но вызывала бурю возмущения, порождала готовность стоять насмерть за чистоту православной веры. В вере сербы видели залог сохранения своей идентичности, гарантию нерушимости привилегированного статуса, наконец, нить, связующую их с покинутым Отечеством. Сама же православная церковь в границах Карловицкой митрополии в определенном смысле утратила функцию сугубо религиозного учреждения, став по преимуществу национально-политическим институтом сербского народа.

Со времени Великого переселения 1690 г. и вплоть до конца XVIII в. основной профессией сербов продолжала оставаться граничарская служба. Большинство сербского населения монархии, не исключая отчасти и жителей гражданских провинций, считали себя людьми военными, тщательно оберегали свой статус "милитарной нации". В качестве важного военного

фактора сербы не раз оказывали серьезные услуги правящей династии на поле брани как внутри империи, так и за ее пределами. Ратные подвиги граничар, с одной стороны, заставляли правящие круги смягчать свою политику и идти на далекоидущие уступки сербам; с другой стороны, они способствовали распространению в их среде чувства самоуважения, собственной значимости и веса в государстве, что становилось дополнительным стимулом к развитию национального самосознания.

Общественному прогрессу сербов способствовали и внушительные экономические достижения, которые не в последнюю очередь явились результатом целенаправленных действий австрийских властей, стремящихся внедрить на заселенных сербами землях передовые методы хозяйствования. Наряду с развитием земледелия, превратившего к началу XIX в. области будущей Воеводины в одну из главных сельскохозяйственных житниц империи, сербы сумели освоить и поставить под свой контроль самый выгодный сектор балканской экономики - торговлю скотом. Ее важнейшей составной частью была транзитная торговля с османскими владениями, прежде всего устойчивые и постоянно растущие обороты с Белградским пашалыком, что не только приносило воеводинским купцам немалые доходы, но и укрепляло связи с соотечественниками в Турции.

Поразительным оказался культурный прогресс австрийских сербов. Если в соседней Сербии количество образованных людей исчислялось единицами, а культурная жизнь едва теплилась за стенами пришедших в запустение монастырей, то по другую сторону Дуная и Савы к концу XVIII в. распространилось просвещение, появились сотни школ, библиотек, собственная типография, выходила газета, создавалась светская литература, развивались живопись, архитектура, формировались основы театрального искусства. Образованным здесь считался не просто грамотный человек, а человек, знавший два-три языка, изучавший науки в одном из австрийских или германских университетов.

Способность сербов к сопротивлению чужеземным влияниям увеличивали и резко расширившиеся с начала XVIII в. связи с Россией. Выброшенные волею обстоятельств из-под юрисдикции константинопольских патриархов, фактически утратившие связь с клонившейся к упадку Печской патриархией, постоянно подверженные притеснениям католиков, австрийские сербы ищут и находят моральную, а отчасти и материальную, поддержку со стороны крупнейшей православной державы. И пусть сербско-русские отношения той поры не были лишены корысти и расчета, при-

чем с обеих сторон, все равно сама возможность обратиться к великой России за помощью и покровительством, на худой конец, перейти в российское подданство - была для сербов ощутимой поддержкой и опорой в отстаивании своей самостоятельности и самобытности.

Близкие отношения двух народов достигли своего пика в середине века, когда сотни сербских семей переселились в пределы Российской империи, перейдя на русскую службу. Во второй половине столетия эти связи постепенно слабели, в первую очередь вследствие лоялистской позиции карловицких архиереев. Но и после этого времени в широких слоях сербского народа образ единой России-защитницы не утратил своей притягательности. "Народ сей, - писал в 1781 г. обучавшийся в Пеште Ириней Фальковский, - простосердечный, веселый, храбрый и наипаче россиян любящий"². Эти настроения хорошо чувствовали, старались их поддерживать и в российских дипломатических и правительственных кругах: "Сим бедным [сербам] кроме России никакой надежды не остается", - писал в КИД в 1761 г. поверенный в делах при венском дворе граф А.Р. Воронцов³.

Проблема выживаемости сербов как этноса, безусловно, была главной на протяжении всего XVIII в. При этом межнациональные противоречия в значительной степени затухали, внутрисербские социальные и политические различия. И тем не менее в национально угнетаемом обществе, каковое представляли австрийские сербы, внутренние противоречия не исчезли, но проявлялись в каких-то других формах, в скрытом или даже искаженном виде. Предпринятая в настоящей работе попытка анализа этих неявных противоречий приводит к выводу, что главной линией противоборства были отношения между высшим клиром православной церкви и постоянно наращивающим свою политическую активность торгово-ремесленным слоем. Борьба между этими двумя основными общественными силами велась за лидерство в народных делах: по вопросам функционирования церкви и саборов, толкования привилегий, школьного дела, о праве распоряжения народными фондами, о сношениях с центральными и местными властями, о доходах и пределах компетенции митрополитов и епископов и т. п. В этой борьбе на стороне горожан было все или, по крайней мере, подавляющее большинство гражданского населения и граничар. Православные же иерархи, за столетие отделившиеся от народа и растерявшие былой авторитет, обрели новую опору в лице габсбургского государства. Последнее, не доверяя до конца сербским архиереям, в качестве

еще одного инструмента своей политики использовало верное присяге граничарское офицерство.

Все названные участники общественной жизни находились между собой в сложных отношениях. Иногда, в периоды кризисов, под влиянием внешних обстоятельств противоборство сменялось временным компромиссом, продиктованным высшими национальными интересами. В других случаях раскол заходил так далеко, что дело приобретало характер открытого конфликта, что понуждало государственную власть к вмешательству в пользу более слабой стороны, которой, как правило, оказывался высший православный клир. К концу XVIII в. спор духовенства и “гражданского сословия” еще не был окончательно завершен. Однако уже ясно обозначилась тенденция перехода ведущей роли в политической жизни сербского общества к торгово-ремесленному слою и зарождающейся интеллигенции. Этой тенденции суждено было крепнуть и развиваться уже в XIX в., что во многом определило характер и особенности национального возрождения у австрийских сербов.

Итоги развития сербского народа под властью Австрии в XVIII в. имели и более глубокое общенациональное значение. Сербская революция 1804-1813 гг. и последующая борьба за независимость и воссоздание собственного государства вряд ли оказались бы столь масштабными и в конечном счете увенчались успехом, если бы не постоянное и многообразное влияние сербов из Воеводины. Находившиеся на несравненно более высокой ступени социально-экономического, политического и культурного развития, австрийские сербы вносили в стихийное движение соотечественников в Белградском пашалыке национально-государственную идеологию и сами становились активными участниками возрождения Сербского государства и формирования сербской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Надеждин Н. Записка о путешествии по Южно-Славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. 34. № 4-6. Отд. II. С. 96.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода (далее - ОДДХАСС). СПб., 1869. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. CCCXLV.

³ О терминах “славянское возрождение”, “национальное возрождение” см.: Исламов Т.М. Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // ННИ. 1996. № 5. С. 29-32.

⁴ Стоячкович А. Черте живота народа србског у унгарским областима. Беч, 1849; Николич И. Войводство Срба Аустрийски. Виенна, 1849.

⁵ Витковић Г. Критички поглед на прошлост Срба у Угарској // ГСУД. 1870. Бр. 28. С. 170; 1873. Бр. 37. С. 261-262.; Бр. 38. С.251; Бр. 39. С. 170, 191-192 и др. Критику трудов Г. Витковича см.: Јакшић М. О Вићентију Јовановићу. Нови Сад, 1900; Руварац Д. Исторично-критична црта о Вићентију Јовановићу. Земун, 1886. С. 6.

⁶ Романтизм исчезает как школа и направление, но не как историографическое явление, выполняющее известную идеологическую функцию. Понимаемый в этом смысле, романтизм возникал и позднее, меняя свои формы и обрстая солидной “научной” аргументацией.

⁷ Руварац И. Нешто о кроници деспота Ђорђа Бранковића: Прилог к србској историографији // Летопис. 1867. Књ. 111. С. 1-30; Руварац И. Бекство патријарха Арсенија IV из Пећи // ГСУД. 1868. Бр. VI. С. 252-253; Руварац И. Прилошци и грађа за повест о српским манастирима // Старинар. 1888. V година. Св. 2. С. 41-50; Руварац И. Одломци о грофу Ђорђу Бранковићу и Арсенију Црнојевићу патријарху с три излета о такозваној великој сеоби српског народа. Београд, 1896. Критику этих взглядов И. Руварца см.: Гершић Г. После педесет година // Дело. 1898. Књ. 19. С. 244-253; Томић Ј. Десет година из историје српског народа и цркве под Турцима. 1683-1693. Београд, 1902. С. 200.

⁸ Изложение данной концепции см., например: Томић Ј. Десет година... С.3-5.

⁹ Ср.: Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909. С. 29, 51, 55, 65-71, 152, 197.

¹⁰ Радонић Ј. Гроф Ђ. Бранковић и његово време. Београд, 1911; Радонић Ј. Гроф Ђ. Бранковић изабрани деспот српски у Будиму // КМС. 1911. Св. 143 и 144; Радонић Ј. Ђ. Бранковић, деспот “Илирика”. Београд, 1929.

¹¹ Ивић А. Сеоба Срба у Хрватску и Славонију. Сремски Карловци, 1909; Ивић А. Миграција Срба у Славонију // Насеља и порекла становника. Суботица, 1926. Књ. 21; Ивић А. Насељавање Војводине // Летопис. 1939. Књ. 351. Св. 2. С.113-118; Ивић А. Досељавање Срба у Угарску, Хрватску и Славонију // Летопис. 1940. Књ. 354. Св. 3-4. С. 185-190.

¹² Поповић Д. Срби у Срему до 1736/7. Београд, 1950; Поповић Д. Срби у Бачкој до краја 18 века. Београд, 1952; Поповић Д. Срби у Будиму од 1690 до 1740. Београд, 1952; Поповић Д. Срби у Коморану // ИЧ. 1954-1955. Бр. 5. С.193-205; Поповић Д. Срби у Банату до краја 18 века. Београд, 1955; Поповић Д. Срби у Војводини. Београд, 1957, 1959, 1963. Књ. 1-3.

¹³ Ђурђевић Б. Улога српске цркве у борби против османске власти // Преглед. Сарајево, 1953. Јануар. С. 39; Ђурђевић В. Srpska crkva pod turskom vlašću do 1557 // НР. Zagreb, 1958. Бр. 1. С. 20-28; Ђурђевић Б. Улога цркве у старијој историји српског народа. Сарајево, 1964. С. 147.

¹⁴ Petrović N. О nekim specifičnostima razvitka srpske nacije u Habsburškoj imperiji // ЈИЧ. 1970. Бр. 1-2. С. 41-45.

¹⁵ Гавриловић С. Властелинство Војка у Срему. 1745-1766 // ГФФ. 1959. Књ. 4. С. 29-59; Гавриловић С. Аграрни покрети у Срему и Славонији почетком XIX века. Београд, 1960; Гавриловић С. Економско-социјална прошлост Војводине XVIII столећа // ЗДН. 1962. Бр. 31. С. 167-169; Гавриловић С. Јавни терети и невоље сремског становништва средином XVIII столећа // ЗДН. 1960. Бр. 26. С. 40-67; Гавриловић С. Урбанијално питање у Сремској жупанији средином XVIII столећа // ЗДН. 1960. Бр. 27. С. 5-32; Гавриловић С. Селаштво на властелинству Нуштар-Габош. 1687-1840 // ЗДН. 1961. Бр. 30. С. 5-53; Гавриловић С. Ириг у XVIII столећу // ЗДН. 1962. Бр. 32-33. С. 19-61; Гавриловић С. Грађа за историју трговине Босне и Србије са Аустријом // ЗДН. 1966. Бр. 44. С. 91-119; Гавриловић С. Рума, трговиште у Срему 1718-1848/9. Нови Сад, 1969; Гавриловић С. Митровица: Трговиште у Срему XVII и XIX века. Београд, 1984 и др.

¹⁶ Попов Н.А. Сербы в Австрии // Русский вестник. 1865. Т. 57. № 5. С. 258-314.

¹⁷ Попов Н.А. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Т. 3. С. 584-614.

¹⁸ Иващенко А.И. (Арсений) Архиепископы и патриархи сербские с начала XIII до второй половины XVIII столетия // Православное обозрение. 1868. Т. 8. С. 487-506; Иващенко А.И. Церковный и политический быт православных сербов и волохов в австрийских землях с IX столетия до настоящего времени // ЖМНП. 1870. Ч. 151. Окт. Отд. II. С. 197-251; Кудрявцев А. Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. № 4. С. 709-740; № 11. С. 849-878; 1871. № 1. С. 150-158; № 4. С. 736-755; Палаузов С.Н. Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии. СПб., 1861; Ламанский В.И. Сербия и

Южно-славянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. № 2. С.649-702; № 5. С. 353-380; Голубинский Е.Е. Краткий очерк истории православных церквей. М., 1871; Ястребов И.С. Подаци за историју српске цркве. Београд, 1894; Качановский В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. 1879. Окт. С. 17-19.

¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988-1996. Кн. 5-15.

²⁰ Первольф И.И. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века. СПб., 1874; Григорович В.И. Об участии сербов в наших общественных делах. Одесса, 1876; Петров Н.И. Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе // Труды Киевской духовной академии. 1876. Т. 4. № 11. Приложение. С. 1-73.

²¹ Кочубинский А.А. Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами. М., 1872; Кочубинский А.А. Мы и они (1711-1878). Одесса, 1878.

²² Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; Каптерев Н.Ф. Приезд в Москву за милостынею сербских иерархов. М., 1891.

²³ Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница. СПб., 1879. Т. 1-2.

²⁴ Войнович Д. История сербского народа. Одесса, 1903; Погодин А.Л. История Сербии. СПб., 1909; Воскресенский Г.А. Православные славяне в Австро-Венгрии. СПб., 1913.

²⁵ Заболотский П.А. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908. Т. 1. Кн. 1.

²⁶ Кулаковский П.А. Начало русской школы у Сербов в XVIII веке. СПб., 1903.

²⁷ Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до XVIII в. // Славянский сборник. М., 1947; Богоявленский С.К. Связи между русскими и сербами в XVII-XVIII вв. // Славянский сборник. М., 1947. С. 241-261; Богоявленский С.К. Из русско-сербских отношений при Петре I // ВИ. 1946. № 8-9.

²⁸ Никитин С.А. Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. // Революции 1848-1849 гг. М., 1952. Т. 1. С. 458-475; История Югославии. М., 1963. Т. 1-2; История южных и западных славян. М., 1957, 1969, 1979.

²⁹ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972; Достян И.С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX века // Советское славяноведение. 1970. № 5. С. 10-23; Достян И.С., Фрейдзон В.И. Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе (конец XVIII - 70-е годы XIX в.) // Советское славяноведение. 1987. № 1; Достян И.С., Фрейдзон В.И. Общие условия борьбы за национальную государственность народов Юго-

Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму // Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII - 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 8-30; Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 30-33, 46-48; Лещиловская И.И. Идеологические аспекты национального возрождения югославянских народов в Австрийской империи. М., 1974. С. 3-4; Лещиловскаја И.И. Упоредна карактеристика идејно-програмских принципа друштвених струја у словенским земљама Аустријске монархије у првој половини XIX века // Културно-политички покрети народа Хабсбуршке Монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983. С. 93-95; Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта // ВИ. 1994. № 5 С. 42-44.

³⁰ Лещиловская И.И. Сербская культура XVIII века. М., 1994.

³¹ Бажова А.П. Из югославянских земель - в Россию // ВИ. 1977. № 2. С. 124-137; Бажова А.П. Из истории культурных связей югославян с Россией в XVIII в. // ВИ. 1979. № 10. С. 88-97; Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982; Нарочницкий А.Л. Основные черты развития русско-югославянских связей в XVIII в. // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 5-12; Хевролина В.М. Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // Југословенске земље и Русија... С. 195-211.

³² Schwicker J.H. Geschichte des Temeser Banats. Pest, 1872; Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880; Schwicker J.H. Die Vereinigung der Serbischen Metropolen von Belgrad und Karlowitz im Jahre 1731. Wien, 1881; Schwicker J.H. Geschichte der Österreichischen Militärgrenze. Wien, 1883.

³³ Како се поступало са српским молбама на двору ћесара аустријског посљедње године живота патријарха Арсенија // КМС. 1906. Бр. 18.

³⁴ Bartenstein J. Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zeratreuten zahlreichen illyrischen Nation in kaisere. Leipzig, 1802.

³⁵ Taube F.W. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien. Leipzig. 1777-1778. Bd. 1-3.

³⁶ Енгел Ф.Ш. Опис краљевине Славоније и војводства Срема // ЗКЈ. 1971-1974. Бр. 19-22.

³⁷ Пишчевич С.С. Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. 1731-1785. М., 1883.

³⁸ Орфелин З. Представка Марији Терезији // ЗКЈ. 1971. Бр. 19-20.

³⁹ Гавриловић С. Грађа о Срему и његовим везама са Србијом. Сремски Карловци, 1965; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа о православним црквама Карловачке митрополије XVIII века. Београд, 1981; Јакшић И., Јенеи К. Грађа за историју Срба у Угарској после Сеобе 1690 године. Београд, 1981; Гавриловић С., Јакшић

И. Грађа о балканским трговцима у Угарској XVIII века. Београд, 1985; Гавриловић С., Јакшић И. Извори о Србима у Угарској с краја XVII и почетком XVIII века. Београд, 1987. Књ.1; Гавриловић С. Извори о Србима у Угарској с краја XVII и почетком XVIII века. Београд, 1990. Књ. II; Гавриловић С. Грађа за историју Војне границе у XVIII веку. Београд, 1989; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за привредну и друштвену историју Бачке у XVIII веку. Београд, 1886; Gavrilović S. Građa za privrednu i društvenu istoriju Srema početkom XIX stoleća. Novi Sad, 1958; Gavrilović S., Petrović N. Temišvarski sabor 1790 // Građa za istoriju Vojvodine. Novi Sad - Sremski Karlovcı, 1972 (далее - Temišvarski sabor).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией; АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией; Ф. 33. Венская миссия.

⁴¹ РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II; Ф. 11. Переписка разных лиц; Ф. 13. Дела о Малороссии; Ф. 15. Госархив. Дипломатический отдел; Ф. 16. Госархив. Внутреннее управление; Ф. 20. Госархив. Дела военные; Ф. 86. Сношения России с Сербией; Ф. 160. Письма на русском языке; Ф. 248. Сенат и его учреждения; Ф. 1263. Голицыны; АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела; Ф. 9. Дела о выездах иностранцев в Россию; Ф. 15. Приказные дела новых лет; Ф. 86. Сношения России с Сербией и Славонией; РГВИА. Ф. 10. Гусарское поветье канцелярии Военной коллегии.

⁴² Архив САНУ. Ф. В. Бивши Патријаршеско-Митрополитски архив; Архив Музеја Српске православне цркве (г. Сремски Карловци). Ф. Архивска грађа из заоставштине Р. Грујића (далее - Ф. ЗРГ).

Глава I

¹ Попов Н.А. Сербы в Австрии. С. 258-263; Ивић А. Из историје Срба у Угарској // Летопис. 1909. Књ. 254. Св. 2. С. 20; Радонић Ј. Срби у Угарској. Ниш, 1915. С. 3.

² Попов Н.А. Сербы в Австрии. С. 264-267; Ивић А. Досељавање Срба у Угарску, Хрватску и Славонију // Летопис. 1940. Књ. 354. С. 185.

³ Димитријевић С. Прилози расправи “Одношаји пећких патријарха с Русијом у XVII веку” // Споменик СКА. 1900. Бр. 38. С. 75-76.

⁴ Станојевић Г. Србија у време Бечког рата. Београд, 1976. С. 86, 144, 146-147, 156, 157.

⁵ Радонић Ј. Прилози за историју Срба у Угарској у XVI, XVII и XVIII веку // КМС. 1908. Бр. 25 и 26. С. 37-39, 52-53, 56-59, 63-65; Грујић Р. Три писма Леополда I цариградским патријарсима // Споменик СКА. 1913. Бр. 51. С. 13-15.

⁶ Второе заступление Сербии Афанасия Диякона Сербина. 1691-1699 // Споменик СКА. 1890. Бр. 5. С. 26; Якшич Д. Из церковной истории православных

сербов конца XVII века. Прага, 1912. С. 147; Станојевић Г. Србија у време... С.73, 102.

⁷ Якшић Вл. Нестаяње Србскога народа у Унгарској // ГСУД. 1872. Књ. 33. С. 41; Агатоновић Р., Спасић Ј. Српски устанци противу Турака у вези со народним сеобама. Београд, 1896. Део 2. С. 56-59; Якшић М. Природа преласка Срба у Угарску 1690 и привилегија // Летопис. 1901. Књ. 206. Св. 2. С. 12; Томић Ј. Срби у Великој сеоби. Београд, 1990. С. 45-46, 64-66, 92, 134-136; Ивић А. Историја Срба у Војводини. Нови Сад, 1929. С. 275; Станојевић Г. Србија у време... С. 104, 127, 149, 198.

⁸ Памятники. Т. 8. Стл. 145, 170, 220, 307.

⁹ Второе запустение... С. 31.

¹⁰ Записи. Књ. 1. Бр. 1876.

¹¹ Летопис раванички // ГСУД. 1866. Књ. 20. С. 7; Општи лист патријаршије Пећке // ГСУД. 1872. Књ. 35. С. 76; Панић-Суреп М. Кад су живи завидели мртвима. Београд, 1963. С. 124.

¹² Очевици о великој сеоби Срба. Крушевац, 1990. С. 51-53.

¹³ Ср.: Витковић Г. Критички поглед на прошлост Срба у Угарској // ГСУД. 1870. Књ. 11 (28). С. 132; 1873. Књ. 37. С. 261-262; Руварац И. Одломци... С.143-145; Томић Ј. Десет година... С. 166; Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. С. 22.

¹⁴ Ослободилачки покрети југословенских народа од XVI века до почетка првог светског рата. Београд, 1976. С. 45; Чубриловић В. Одабрани историјски радови. Београд, 1983. С. 85-107.

¹⁵ Второе запустение... С. 32.

¹⁶ Суботић К. Уговореи између Леополда I и српског народа // Летопис. 1895. Књ. 184. С. 8.

¹⁷ Костић М. О постанку и значењу тзв. "Инвитуторије" Леополда I балканским народима од 6 априла 1690 // ИЧ. Београд, 1951. Бр. 2. С. 144-156.

¹⁸ Суботић К. Уговори... С. 8-9.

¹⁹ Там же. С. 5-7, 10-11.

²⁰ Второе запустение... С. 32.

²¹ Гавриловић С. Извори о Србима... Књ. 2. С. 70-71.

²² Како се поступало... С. 13.

²³ Станојевић Г. Србија у време... С. 191.

²⁴ Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. С. 47; Ђорђевић Т.Р. Српске колоније у Будиму и околини // Браство. 1921. Бр. 16. С. 135; Радојчић Н. Велика сеоба Срба // ГИДНС. 1941. Књ. 14. С. 1-10.

²⁵ Памятники. Т. 9. Стл. 522-523.

²⁶ Димитријевић С. Прилози расправи... С. 76, 80; Подаци из фрушкогорских манастира // Споменик СКА. 1892. Бр. 19. С. 42.

²⁷ Якшић Вл. Нестаяње Србскога народа... С. 133; Витковић Г. Извештај // ГСУД. 1870. Књ. 11. Св. 28. С. 465; Видак Ж. Културно-историјски споменици Срба у Пештанској жупанији // ЗДН. 1961. Бр. 28. С. 189-190.

²⁸ Манастир Грабовац // Летопис. 1882. Књ. 127 С. 72-73.

²⁹ Записи. Књ. 3. С. 40-42. № 2300, 2305, 2306, 2316; Књ.5. С.30,32. № 7471, 7480.

³⁰ Писма манастирских настојатеља Архиепископу-Митрополиту Вићентију Поповићу // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 15 и 16. С. 248; Белешке о ратовању с Турцима 1716 и 1717 // ГИДНС. 1935. Књ. 8. Св. 1. С. 113.

³¹ Ср.: Описание жития и дел принца Евгения, герцога Савойского. СПб., 1770. С. 343-366; Протић К.С. Одломци из историје Београда // Годишница НЧ. 1885. Књ.7. С. 308-311; Станојевић Г. Београд у вријеме аустријско-турског рата 1716-1718 године // Војно-историјски гласник. 1972. № 1. С. 139-160.

³² РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1718 г. Д. 6. Л. 140-140 об. А.П. Веселовский - Г.И. Головнину, 5 июля 1718 г.; Павловић Д. Пожаревачки мир (1718) // Летопис. 1901. Књ. 208. Св. 4. С. 50-66.

³³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1735 г. Д. 7. Л. 87-87 об. Реляция Л. Ланчинского, 19 февраля 1735 г.

³⁴ См.: Протић К.С. Указ. соч. // Годишница НЧ. 1886. Књ. 8. С. 258-262; Руварац И. Бекство патријарха Арсенија IV... С. 252-253; Записи. Књ. 5. С. 69-72. № 7732, 7734-7737, 7739, 7742, 7747; Свечан поздрав пећком патријарху Арсенију IV приликом његова доласка у Београд 1737 // Богословски гласник. 1906. Бр. 9. С. 60-63; Костић М. Устанак Срба и Арбанаса у Старој Србији против Турака 1737-1739 и сеобе у Угарску // Гласник Скопског научног друштва. Скопље, 1930. Књ. 7-8. С. 205-211.

³⁵ См.: Витковић Г. Критички поглед... // ГСУД. 1873. Књ. 38. С. 204; Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 50; Телап Л. Земунски војни комунитет. 1717-1881 // Споменик САНУ. 1967. Бр. 117. С. 2; Mirković М. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958. S. 170-171.

³⁶ Taube F. Op. cit. Bd. 1. S. 58-59.

³⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1788 г. Д. 717. Л. 13 об. Реляция Д.М. Голицына, 5 (16) июля 1788 г.

³⁸ Mirković М. Ekonomska historija... S. 171; Јанкулов Б. Ослобођење Војводине од Турака и стање њено после ослобођења // ЗДН. 1951. Бр. 1. С. 29-37; Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 39-40; Petrović N. Plovidba i privreda srednjeg Podunavlja u doba merkantilizma. Beograd, 1978. S. 21-22; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак Јужне Угарске од краја XVII до средине XIX века // ИЧ. 1982-1983. Бр. 29-30. С. 242; Штегер Р. Бела Црква у XVIII и XIX веку. Нови Сад, 1982. С. 16.

³⁹ Форишковић А. О неким историјским претпоставкама релевантним у уобличавању етничке слике данашње Војводине // ЗИ. 1970. Бр. 2. С. 159.

⁴⁰ Искруљев Т. Указ. соч. С. 10; Штегер Р. Указ. соч. С. 18.

⁴¹ Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 40-45; Штегер Р. Указ соч. С. 16-17, 26; Jankulov B. Pregled kolonizacije Vojvodine u XVIII i XIX veku. Novi Sad, 1961. S. 7-8.

⁴² Гавриловић С. Из историје Срба у Угарској и Славонији у XVIII веку // ЗИ. 1977. Бр. 15. С. 46.

⁴³ Ćelap D. Kolonizacija Nemaca u današnjoj Vojvodini // ZMS. 1962. Br. 32-33. S. 115; Jankulov B. Pregled kolonizacije... S. 10.

⁴⁴ Ср.: Попов Н.А. Сербы в Австрии... С. 289-290; Mirković M. Ekonomska historija Jugoslavije... S. 171; Ćelap L. Kolonizacija Nemaca... S. 115.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1766 г. Д. 58. Л. 137-139. Реляция Д.М. Голицына, 20 (31) июля 1766 г.

⁴⁶ Taube F. Op. cit. Bd. 1. S. 58-59.

⁴⁷ Ср.: Искруљев Т. Указ соч. С. 10-11; Гавриловић С. Насељавање Немаца у Руму за време Јосифа II // ЗИ. 1975. Бр. 11. С. 118-120; Митровић М. Покушаји насељавања Немаца и Чеха у Србију 1790-1791 године // ЗИ. 1982. Бр. 25. С. 92; Mirković M. Ekonomska historija Jugoslavije... S. 171.

⁴⁸ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св.2. С. 310.

⁴⁹ Цит. по: Ćelap L. Kolonizacija Nemaca... S. 116.

⁵⁰ См.: Попов Н.А. Сербы в Австрии... С. 290; Jankulov B. Pregled kolonizacije... S. 11, 14, 16, 39.

⁵¹ Ср.: Мезеи С. Значај и улога мануфактура у капиталистичкој индустриализацији Војводине // ЗДН. 1957. Бр. 18. С. 34; Гавриловић С. Насељавање Немаца у Руму... С. 120-121; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за привредну и друштвену историју Бачке... С. 264-265, 490-491; Jankulov B. Pregled kolonizacije Vojvodine... S. 9.

⁵² Mirković M. Ekonomska historija Jugoslavije... S. 171.

⁵³ Ср.: Лебл А. Мађари у Војводини. 1700-1914 // ГИДВ. 1951. С. 36-37; Гавриловић С. Из историје Срба у Угарској... С. 46; Штегер Р. Указ. соч. С. 26; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за привредну и друштвену историју Бачке... С. 268-270; Сирацки Ј. Словацки у Југославији: Прилог историје насељавања // ЗДН. 1966. Бр. 44. С. 5-22; Сирацки Ј. Словацки у Војводини као историјско-етнографски феномен // ЗИ. 1972. Бр. 5. С. 110-116; Гавриловић С. Насељавање Словака у Нови Сланкамен (1791) // ЗИ. 1971. Бр. 3. С. 105-108; Гавриловић С. Статистички подаци о Словацима и Немцима у Бачкој и Срему 1818 године // ЗИ. 1971. Бр. 4. С. 119-120.

⁵⁴ См.: Џуња Е. О досељавању првих Русина у Војводину и њиховом животу // ГИДВ. 1951. С. 47-53.

⁵⁵ См.: Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 37, 48; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак... С. 243-244.

⁵⁶ См.: Митровић М. Јевреји у Банату // ЗИ. 1983. Бр. 28. С. 37-38, 56; Иштванић Ж. Грађа о јеврејским занатлијама и трговцима у Белој Цркви у XIX веку // ЗИ. 1986. Бр. 40. С. 115-116; Гавриловић С. Јевреји у Срему у XVIII и првој половини XIX века. Београд, 1989. С. 1-4, 101-102.

⁵⁷ Ср.: Стајић В. Грађа за културну историју Новог Сада. Нови Сад, 1947. Књ. 1. С. 224-234; Поповић Д. О Цинцарима. Београд, 1937; Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 46-47; Филиповић М.С. О имену "Буњевици" // ЗДН. 1965. Бр.40. С. 158, 164.

⁵⁸ См.: Белокуров С.А. Списки дипломатических лиц русских за границей: Австро-Венгрия. М., 1892. С. 48-51.

⁵⁹ Памятники. Т. 8. Стл. 1014-1015.

⁶⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С.12-15. Подробнее об этом сюжете см.: Княжецкая Е.А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5.

⁶¹ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 140-140 об. Урбих - Головкину, 5 марта 1712 г.; Л. 117-121 об. (перевод). Оригинал записки Лейбница о славянах на немецком языке опубликовал В. Герье (Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 210-213).

⁶² Димитријевић С. Одношаји патријарха пећких са Русијом у XVII веку // Глас СКА. 1901. Бр. 60. С. 160-161, 165-166.

⁶³ Ср.: Димитријевић С. Прилози расправи... С. 76; Веселиновић Р. Арсениј III Црнојевић у историји и књижевности. Београд, 1949. С. 17; Vitković D. Patrijarh Arsenije III Crnojević u Pakracu // Starine JAZU. 1918. Br. 36. S. 165.

⁶⁴ Ср.: Костић М. Култ Петра Великог код Руса, Срба и Хрвата у XVIII веку // ИЧ. 1958. Бр. 8. С. 90-92;

⁶⁵ Ламанский В. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 22-23.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712 г. Д. 4. Л. 235.

⁶⁷ Там же. Д. 13. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Л. 2, 5, 15-15 об. См. также: Соловьев С.М. Соч. Кн. 8. С. 362-363, 573-574; Љубирић А. Срби помажу Руси. 1711-1712. Београд, 1940. С. 3-17.

⁶⁹ Ср.: Соловьев С.М. Соч. Кн. 8. С. 398; Ђурковић В.С. Односи између Српства и Русије од 1185-1903 године. Београд, 1903. С. 26; Гавриловић С. Прилог историје српско-руских веза у време прутског рата (1711) // ЗИ. 1986. Бр. 34. С. 125-126; Политические и культурные отношения... С. 29-42.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 27-29.

⁷¹ Там же. Д. 5. Ч. 2. Л. 475-476.

⁷² ПСЗ. Т. 5. С. 186.

⁷³ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1707 г. Д. 4. Л. 21-21 об. Гизен - Меншикову, 19 марта 1707 г.

⁷⁴ Ср.: Указ Петра I о привлечении сербов на русскую службу 1723 г. // Русская старина. 1886. Т. 50. № 5. С. 436; Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823. Одесса, 1836. Ч. 1. С. 15-16.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 6. Д. 4714. Л. 115 об.; Ф. Приказные дела новых лет. Оп. 5. Д. 36. Л. 8. По справке Сената в 1738 г. в Сербском гусарском полку, включая и Воложскую команду, состояло 796 человек (Политические и культурные отношения... С. 101).

⁷⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1723 г. Д. 3. Л. 349-349 об.; 1729 г. Д. 5. Л. 254 об.-255; 1730 г. Д. 6. Л. 122-122 об., 141 об.; 1731 г. Д. 5. Л. 159, 185; 1733 г. Д. 5. Л. 363.

⁷⁷ Политические и культурные отношения... С. 86.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1752 г. Д. 6. Л. 225-225 об.

⁷⁹ Там же. 1737 г. Д. 5. Л. 15 об., 17, 28-28 об., 36-36 об., 41, 45 об., 47 об., 50-53, 90-91, 116 об., 153-153 об., 286, 287 об., 293 об., 305 об., 306, 318 об.-319 об.; Д. 6. Л. 13 об., 36, 101-102 об. и др.

⁸⁰ Там же. 1731 г. Д. 5. Л. 292-293 об.; Д. 5-а. Л. 185-185 об.; 1737 г. Д. 5. Л. 128-128 об.; Д. 6. Л. 102, 109-110, 155 об., 156-156 об., 191, 210 об., 281 об.; 1739 г. Д. 5. Л. 157, 159 об.-163 об., 213 об.-214, 215-215 об., 244 об.

⁸¹ Политические и культурные отношения... С. 125.

⁸² АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1723 г. Д. 6. Л. 6-10 об. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина, 22 мая 1751 г. Копия этой реляции с незначительными отклонениями от оригинала опубликована (Политические и культурные отношения... С. 139-142).

⁸³ Политические и культурные отношения... С. 144-145.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1723 г. Д. 6. Л. 59 об., 71, 72, 75, 79-79 об., 81, 89, 93, 98, 103, 129 об.-130. Из донесений киевского генерал-губернатора И.И. Леонтьева в КИД.

⁸⁵ Сербь в Києве // Київська старина. 1885. № 7. С. 505-511.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1723 г. Д. 6. Л. 126, 143-146, 156. См. также подборку именных и сенатских указов по этой проблеме: ПСЗ. Т. 13. С. 552-558, 570-577, 581-584, 598-605, 624-626, 654-655 и др.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1750 г., Д. 3. Л. 141-143, 154-155; 1752 г. Д. 6. Л. 194-201 об.; 225-227; Д. 8. Л. 19-24, 33; 1757 г. Д. 7-а. Л. 26-28 об.; Оп. 6. 1763 г. Д. 413. Л. 128-129; Д. 416. Л. 9-16 об.; 1765 г. Д. 448. Л. 59 об.-60.

⁸⁸ Сербь в Києве // Київська старина. 1885. № 2. С. 382-384.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 6. Д. 4565. Л. 162-167.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 370. Л. 124;

⁹¹ ПСЗ. Т. 16. С. 797-799.

⁹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1763 г. Д. 415. Л. 2 об. Реляция Д.М. Голицына, 4 (15) октября 1763 г.

⁹³ См.: Там же. Оп. 1. 1761 г. Д. 6. Л. 77-79 об., 356-365. Реляции Г. Кейзерлинга, 24 февраля (7 марта) и 14 (25) июня 1761 г.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 179. Л. 1-12.

⁹⁵ ПСЗ. Т. 16. С. 657-667, 795-799.

⁹⁶ Bartenstein J. Op. cit. S. 3. Приведенные Бартенштейном цифры отчасти корреспондируют с переписью домов православных жителей Карловицкой митрополии 1790-1791 гг., когда было зафиксировано 189443 дома, в том числе около 130 тыс. домов в трех смешанных сербско-румынских епархиях (Temišvarski sabor... S. 574).

⁹⁷ Якшић В. Нестаяње Србскога народа... С. 132-133. Изучавший материалы переписи 1797 г. историк Д. Попович называет чуть меньшую цифру - 667247 душ, в том числе 322885 - в Военной границе и 344362 - в жупаниях (Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 3. С. 71). Авторы многотомной "Истории сербского народа" оценивают численность сербов в Австрии в 1791 г. в 650-680 тыс. человек (Историја српског народа. Књ. IV. Т. 1. С. 216).

⁹⁸ Ср.: Гавриловић Ј. Прилог за географију и статистику Србије 1846 // ГДСС. Београд, 1851. Св. 3. С. 187; Историја српског народа. Књ. V. Т. 2. С. 14.

⁹⁹ Ср.: Витковић Г. Нови подаци за историју српских пресељеника у Угарску // ГСУД. 1872. Бр. 36. С. 8; Кириловић Д. Опис Арадске епархије у стиховима из XVIII века // ЗДИ. 1952. Бр. 4. С. 99; Гавриловић С. Из историје Срба у Угарској и Славонији у XVIII веку // ЗИ. 1977. Бр. 15. С. 46-47; Гавриловић С. Друштвено-економско стање Срба у Хабсбуршкој монархији од краја XVIII до средине XIX века // Глас САНУ. 1983. Бр. 338. С. 182.

¹⁰⁰ Ср.: Taube F. Op. cit. Bd. 1. S. 58-61, 71-73; Bd. 3. S. 58-59; Руварац Д. Статистички подаци архидијезе Сремско-Карловачке из године 1774, 1798, 1808... // Споменик СКА. 1925. Бр. 62. С. 81-83; Томандл М. Панчево, насеље и становништво од почетка XVIII века // ИЧ. 1955. Бр. 5. С. 346-348.

Глава II

¹ Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије од 1690 до 1792. Београд, 1954. С. 91-95.

² От названия центрального органа управления - Придворной коморы (палаты). Подробнее схему управления в государстве Габсбургов в XVIII в. см.: Petrović N. Privreda i Plovidba... S. 45.

³ Савковић Ј. Борба Срба Војвођана за своју народно-црквену аутономију // ЗДН. 1952. Бр.4. С. 5-6.

⁴ Гавриловић С., Јакшић И. Извори о Србима... Књ. 2. С. 361; Костић М. О искључивом праву Срба на Леополдове привилегије од 1690-тих година // ЗДН. 1967. Бр. 47. С. 95-100.

⁵ Витковић Д. Путовање патријарха Арсенија Црнојевића у Хрватску // Српски Сион. 1906. Бр. 14. С. 385-391.

⁶ См.: Дипломе Георгиу II Бранковићу, деспоту, от бл. памети императора Леополда I дароване // Летопис. 1842. Књ. 58. С. 109-127; Убичинија. Ђорђе Бранковић // ГСУД. 1870. Књ. 11 (28). С. 287-297; Талоци Л. Лажни Бранковићи // Летопис. 1889. Књ. 159. С. 54-83; Јовановић Љ. Ђорђе Бранковић, лажни потомак српских деспота // Дело. 1896. Књ. 11. С. 379-395; Књ. 12. С. 115-136; Радонић Ј. Гроф Ђорђе Бранковић изабрани деспот српски у Будиму // КМС. 1911. Књ. 43; Радонић Ј. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. С. 51, 80, 270-271, 315, 353-354; Pavlović N.D. Despot Đurađ Branković i njegovo doba. Subotica;Beograd, 1973.

⁷ Радонић Ј. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. С. 337-345.

⁸ Руварац И. Одломци... С. 18-19; Томић Ј. Десет година... С. 92-94.

⁹ Протић К.С. Указ. соч. // Годишница НЧ. 1884. Књ. 6. С. 160-162; Радонић Ј. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. С. 381-382.

¹⁰ Новаковић С. Из хронике деспота Ђурђа Бранковића // ГСУД. 1872. Књ. 33. С. 143-146.

¹¹ Стојачкович А. Указ. соч. С. 41-42; Новаковић С. Из хронике... С. 163-165; Димитријевић С. Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик СКА. 1922. Бр. 53. С. 8-9; Радонић Ј. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. С. 8;

¹² Витковић Г. Критички поглед... // ГСУД. 1870. Књ. 30. С. 32; Хлапец Ј. Подвојвода Јован Монастерлија // Летопис. 1908. Књ. 247. Св. 1. С. 14-16; Књ. 248. Св. 2. С. 33-34; Гавриловић С. Извори о Србима... Књ. 2. С. 92.

¹³ Дипломе Леополда I от год. 1696 патријарху Арсенију Чарновићу о дарованим замка Сирак и вароши Сечуј // Летопис. 1841. Књ. 55. С. 102-113; Гавриловић С., Јакшић И. Извори о Србима... Књ. 1. С. 256-260, 351-357, 361-362, 396, 451, 695-699, 701-703, 721, 729-730, 743-744, 759-762, 765, 768-769, 791-792, 801; Гавриловић С. Даљско властелинство карловачке митрополије у XVIII столећу // ЗДН. 1967. Бр. 46. С. 21, 61.

¹⁴ Како се поступало... С. 21, 29-30.

¹⁵ Споменици. Зб. 1. С. 55-59, 64-66; Витковић Г. Критички поглед... // ГСУД. 1870. Књ. 30. С. 31.

¹⁶ Први изборни сабор у манастиру Крушедолу // Беседа. 1869. Бр. 10 (28). С.157.

¹⁷ Како се поступало... С. 22.

¹⁸ Спомени Србски // Летопис. 1841. Књ. 54. С. 138-145; Хлапец Ј. Указ соч. // Летопис. 1908. Књ. 248. Св. 2. С. 25-26; Радонић Ј. Војводина од Велике сеобе (1690) до сабора у Крушедолу (1708) // Војводина. Нови Сад, 1940. Књ. 2. С. 1, 27-28.

¹⁹ Како се поступало... С. 27.

²⁰ Споменици. 36. 1. С. 100-101; Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-1849. Београд, 1952. С. 257-258.

²¹ Како се поступало... С. 27.

²² Споменици. 36. 1. С. 102.

²³ Србски Споменици // Летопис. 1854. Књ. 90. Ч. 2. С. 70-82; Ивановић И. Нешто из прошлости вароши Бае // Летопис. 1861. Књ. 103. С. 132; Споменици. 36. 1. С. 10-31; 36. 3. С. 1-11; Gavrilović S. Irig u XVIII stoleću // ZDN. 1962. Br. 32-33. S. 19-20.

²⁴ Како се поступало... С. 17.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Екстракт привилегија народу сербском дароване // Летопис. 1855. Књ. 92. С. 56-69; Извод привилегија даних српском народу од римских императора // Архив ИСПКМ. 1911. Бр. 5 и 6. С. 86-90; Архив САНУ. Ф. В. Дворана. III. Кутија. 2. Број. 10-II. Л. 1.

²⁷ Попов Н. Путешествие в Италию и на о. Мальту стольника П.А. Толстого в 1697 и 1698 годах // Атеней. 1859. № 8. С. 424.

²⁸ Березин Л.В. Указ. соч. Т. 2. С. 319-328; Ваничек Ф. Историја Војничке крајне или Историја васцелог српског народа са ове и оне стране Дунава, Саве, Уне, Врбаса... Нови Сад, 1880. С. 19-30, 74.

²⁹ Прилози за историју Срба у Аустро-Угарској у доба патријарха пећског Арсенија III Црнојевића / Од Р. Грујића // Споменик СКА. 1913. Бр. 51. С. 18-30; Гавриловић С. Литература и извори за историју Војне границе у Јужној Угарској и Славонији од краја XVII до средине XIX века // ЗИ. 1987. Бр. 36. С. 191.

³⁰ Гавриловић С. Друштвено-економски развитак... С. 244-245. Подробнее об етническом составе Военной границы см.: Seton-Watson R.W. The Southern Slav question and the Habsburg monarchy. London, 1911. P. 44; Гавриловић С. Грађа за историју Војне границе...С. XIII.

³¹ Ваничек Ф. Указ соч. С. 99-100; Савковић Ј. Преглед постанка, развитка и развојачења Војне границе. Нови Сад, 1964. С. 22-25; Гавриловић С. Из историје Срба у Угарској... С. 8-9.

³² Pavličević D. Kućne zadruge u Vojnoj Krajini // Naše teme. 1982. № 11. S.1891-1898.

³³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1758 г. Д. 7-а. Л. 225-226 об.

³⁴ См.: Два прилога из 1727 године за повесницу српског народа // Летопис. 1880. Књ. 123. С. 103-105, 107; Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 2. Бр. 10. Л.1 об.

³⁵ Два прилога из 1727 године... С. 108-110.

³⁶ Грађа. С. 189.

³⁷ Прилози. С. 35; Споменици. Зб. 2. С. 152; Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 42. Л.3 об.; Бр. 213. Л. 1 об.; Бр. 615. Л. 3, 3 об., 7, 7 об.

³⁸ Споменици. Зб. 2. С. 43, 67, 87, 118, 120, 122, 152-153.

³⁹ Там же. С. 183.

⁴⁰ Историјски споменици српски // ГСУД. 1892. Књ. 73. С. 328-329.

⁴¹ Михалцић С. Привредна снага српског народа у прошлости // Браство. 1932. Бр. 26. С. 132; Пандуровић В. Збирка историјских докумената из прошлости барањских Срба XVII и XVIII века // Споменик СКА. 1936. Бр. 84. С. 67-68.

⁴² Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 5. Бр. 1. Л. 1.

⁴³ Радонић Ј. Прилози за историју Срба у Угарској... С. 283.

⁴⁴ Там же. С. 286-287.

⁴⁵ Архив САНУ. Ф. В. Д. III К. 5. Бр. 101(I-IV), 112, 113, 116, 118, 119; Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 225. Л. 2-6; См. также: Мојсије Петровић, митрополит београдски / Од Д. Руварца // Споменик СКА. 1898. Бр. 34. С. 113; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа о православним црквама... С. IX, 11-13, 18-20, 32-33, 38-42, 81 и др.

⁴⁶ Грађа. С. 222.

⁴⁷ Споменици. Зб. 1. С. 257-258.

⁴⁸ Там же. Зб. 2. С. 64.

⁴⁹ Грађа. С. 169, 171-174.

⁵⁰ Радонић Ј. Прилози за историју Срба у Угарској... С. 257. В Нови-Саде латинская школа существовала с 1731 г. (Стајић В. Привреда Новог Сада. Нови Сад, 1941. С. 258). О “конвиктах” как об одном из средств католической пропаганды см.: Кудрявцев А. Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. № 4. С. 712; Радонић Ј. Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 480-481.

⁵¹ Прилози за историју српских школа у првој половини XVIII века // Споменик СКА. 1910. Бр. 49. С. 102; Грађа за историју штампарија у Срба // Летопис. 1875. Књ. 117. С. 124-125.

⁵² Споменици. Зб. 2. С. 105.

⁵³ Тестамент митрополита Мойсея Петровића // Беседа. 1868. Бр. 6. С. 46.

⁵⁴ См.: Прилози. С. 29-31; 116; Мојсије Петровић... С. 168; Око сабора у Карловци 1715 // ГИДНС. 1930. Књ. 3. Св. 3. С. 463; Витковић Г. Критички поглед... // ГСУД. 1873. Књ. 39. С. 246-247; Кад је инсталисан Мојсије Петровић // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 7 и 8. С. 98-100; Приложак историје српског народа у Угарској // Богословски гласник. 1910. Бр. 18. С. 76; Грађа. С. 72, 173-174; Архив

САНУ. Ф. В. Д. III. К. 1. Бр. 3. Л. 1; АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1730 г. Д. 8. Л. 2-3, 5-8 (неточный перевод опубликован: Русский архив. 1863. Вып. 4. С. 299-302).

⁵⁵ Споменици. Зб. 1. С. 98, 101, 287.

⁵⁶ См.: Павловић Д. Административна и црквена политика аустриска у Србији од 1718 до 1739 // Глас СКА. 1901. Бр. 62. С. 168, 172; Попов Н.А. Сербь в Австрии... С. 275-276, 278-279; Гавриловић С. Срби у Хрватској... С. 31-32; Рајковић Ђ. О манастиру Марчи // Летопис. 1880. Књ. 123. С. 112-114.

⁵⁷ См.: Три писма калуђера из манастира Лепавина // Старинар. 1891. Година VIII. Бр. 1-2. С. 36; Грујић Р. Пропаст манастира Марче. Загреб, 1909; Kašić D. Srbi i pravoslavlje u Slavoniji i Sjevernoj Hrvatskoj. Zagreb, 1967. S. 61; Кашић Д. Отпор марчанској унији. Аранђеловац, 1986. С. 17-60.

⁵⁸ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 107. Л. 1-1 об.

⁵⁹ Благодаран народ // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 23 и 24. С. 359-360; Грађа. С. 249.

⁶⁰ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 61-II. Л. 1; Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 213. Л. 1 об., 3.

⁶¹ Споменици. Зб. 1. С. 107; Зб. 2. С. 138-139.

⁶² Мојсије Петровић... С. 86.

⁶³ Грађа. С. 71-72, 76-77; Доситеје Николић, владика Ваљевски // Гласник Српске православне патријаршије. 1921. Бр. 24. С. 423-424.

⁶⁴ Споменици. Зб. 1. С. 168-169.

⁶⁵ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 23. Л. 3 об.-4.

⁶⁶ Споменици. Зб. 1. С. 118.

⁶⁷ См.: Дужности и права народно-митрополитских секретара // Архив ИСПКМ. 1911. Бр. 3 и 4. С. 47-48; Контракт са Јосифом Јамбрековићем // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 5 и 6. С. 79; Секулић Л. Нерешена борба о право на избор народноцрквеног секретара // Летопис. 1939. Књ. 352. Св. 6. С. 440-451; Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 3. Бр. 48; К. 4. Бр. 16, 90-103; К. 5. Бр. 76; Л. 1 об., 2; К. 6. Бр. 83. Л. 3 об.; К. 8. Бр. 50, 53, 61, 115; Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 219. Л. 7; Бр. 467. Л. 3 об.

⁶⁸ Прилози. С. 28-47.

⁶⁹ См.: Redlich J. Das österreichische Staats- und Reichsproblem. Leipzig, 1920. Bd. 1. S. 26-28; Petrović N. Plovidba i Privreda... S. 21-22. Современный взгляд российской историографии на терзианские реформы см.: Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996. С. 58-60.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1740 г. Д. 4. Л. 462-463 об.

⁷¹ Там же. 1743 г. Д. 3-а. Л. 236. Реляция Л. Ланчинского, 31 декабря 1743 г.; 1758 г. Д. 7-а. Л. 208. Реляция Г. Кейзерлинга, 26 декабря 1758 г. (6 января 1759 г.)

⁷² Споменици. Зб. 3. С. 78.

⁷³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1750 г. Д. 3. Л. 269. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина и Л. Ланчинского, 29 сентября 1750 г.

⁷⁴ Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Budapest, 1880. S.108-116; Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 20-21; Форишковић А. Привилегије Срба у Угарској 1740-1790 // ЗИ. 1980. Бр. 22. С. 8.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1765 г. Д. 56. Л. 1-1 об. Реляция Д.М. Голицына, 1 (12) января 1765 г.

⁷⁶ Там же. 1750 г. Д. 3. Л. 268-272 об. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина и Л. Ланчинского, 29 сентября 1750 г.

⁷⁷ Там же. Л. 346-347. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина, 3 ноября 1750 г.

⁷⁸ Гавриловић С. Срби у Хрватској... С. 40, 43; Kašić D. Srbi i pravoslavlje... S.64-65.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1757 г. Д. 7-а. Л. 169-173 об. Реляция Г. Кейзерлинга, 29 ноября (10 декабря) 1757 г.

⁸⁰ Там же. Л. 174-179. Приложение к той же реляции Г. Кейзерлинга.

⁸¹ Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за историју Војне границе... С. 651-665.

⁸² [Вукичевић Ђ.] Народни конгреси оовостраних Срба // Летопис. 1862. Књ. 104. С. 83-94; Костич М. Православная сербская церковь в Австрии // Труды Киевской духовной академии. 1869. Т. 2. С. 325-327.

⁸³ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1775 г. Д. 98. Л. 48. Реляция Д.М. Голицына, 20 (31) июля 1775 г.

⁸⁴ Форишковић А. Привилегије Срба... С. 9.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1775 г. Д. 98. Л. 48-48 об.

⁸⁶ Schwicker J.H. Politische Geschichte... S. 298-299; Споменици. Зб. 3. С. 411, 417, 418-420; Костич М. Православная сербская церковь... С. 327-328.

⁸⁷ Споменици. Зб. 3. С. 448-450; Костић М. Гроф Колер као културнопросветни реформатор код Срба у Угарској у XVIII веку. Београд, 1932. С. 162-163.

⁸⁸ Schwicker J.H. Politische... S. 314-318.

⁸⁹ Перевод Декларатории на сербский язык был напечатан в "Сербском летописи" (Летопис. 1856. Књ. 93. Ч. 1. С. 1-62). Нами используется научный перевод Й. Радоница и М. Костица (Српске привилегије од 1690 до 1792. Београд, 1954. С. 126-150).

⁹⁰ Ср.: В. Д. Новейшая история Австрии // Вестник Европы. 1866. № 1. С.410; Костић М. Гроф Колер... С. 131-149.

⁹¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1783 г. Д.665. Л.48-48 об. Реляция Д.М. Голицына, 6 (17) декабря 1783 г.

⁹² Ср.: Споменици. Зб. 3. С. 301-392; Костић М. Гроф Колер... С. 131-149.

⁹³ Витковић Г. Нови подаци за историју српских пресељеника у Угарску // ГСУД. 1872. Бр. 36. С. 44-47.

⁹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1781 г. Д. 640. Л. 64. Реляция Д.М. Голицына, 20 ноября (1 декабря) 1781 г.

⁹⁵ Там же. 1784 г. Д. 677. Л. 122-123 об.; Д. 678. Л. 142-142 об. Реляции Д.М. Голицына, 9 (20) ноября и 4 (15) декабря 1784 г.

⁹⁶ См. донесения российского посла: Там же. Д. 685. Л. 31-32; Д. 686. Л. 28-29. Реляции Д.М. Голицына, 5 (16) апреля и 30 августа (10 сентября) 1785 г.

⁹⁷ Цит. по: Русский вестник. 1865. Т. 57. № 5. С. 300-301.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1790 г. Д. 746. Л. 3-4, 89-89 об. Реляции Д.М. Голицына, 6(17) марта и 17 (28) апреля 1790 г.

⁹⁹ См.: Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 3. С. 15-17; Арато Е. Формирање модерне грађанске српске националне идеологије // Ослободилачки покрети... С.137.

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1790 г. Д. 748. Л. 11-13. Реляция Д.М. Голицына, 10 (21) июля 1790 г.

¹⁰¹ Ср.: Postanak i razvoj srpske nacije. Beograd, 1979. S. 50-51, 186.

¹⁰² Temišvarski sabor. S. 256-259, 491-493.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1791 г. Д. 761. Л. 78-78 об. Реляция Д.М. Голицына, 26 февраля (9 марта) 1791 г.

¹⁰⁴ Народни конгреси... // Летопис. 1864. Књ. 107. С. 64.

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1791 г. Д. 762. Л. 21 об., 22, 39. Реляция Д.М. Голицына, 19 (30) марта 1781 г.

¹⁰⁶ См.: Гавриловић С. Културно-политички развитак Срба у Хабсбуршкој монархији од Сабора 1790 до револуције 1848 // ЗИ. 1978. Бр. 18. С. 22.

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1747 г. Д. 5. Л. 35, 37, 96 об. Реляции Л. Ланчинского, 31 января, 4 февраля, 11 апреля 1747 г. Посол всех граничар называет “кроатами”, хотя описанные им батальоны были сформированы в округах Лике и Крбаве, Банате и Вараздинском генералате с преимущественно сербским населением. Из других документов Венской миссии видно, что речь идет как раз о православных сербах-граничарах (ср.: Там же. 1750 г. Д. 3. Л. 136 об.).

¹⁰⁸ Ср.: Градња за повестницу Сербску // Летопис. 1846. Књ. 72. С. 6; Стоячкович А. Черте живота народа србског у унгарским областима. Беч, 1849. С. 43-45, 57-58; Ваничек Ф. Указ. соч. С. 248-271; Ракић Љ. Надаљ. Нови Сад, 1988. С.26.

¹⁰⁹ См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1741 г. Д. 6. Л. 107-108, 255; 1742 г. Д. 4. Л. 288, 300 об.; 1743 г. Д. 3. Л. 205 об., 207 об., 239, 256, 260; 1748 г. Д. 5. Л. 18-18 об. и др.

¹¹⁰ Там же. 1742 г. Д. 4. Л. 408-409. Реляция Л. Ланчинского, 22 мая 1742 г. (приложение).

¹¹¹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 101-102.

¹¹² См.: Ваничек Ф. Указ. соч. С. 102-105; Савковић Ј. Преглед постанка... С.23, 26, 38, 42-43.

¹¹³ Ср.: Костић М. Гроф Колер... С. 187; Савковић Ј. Преглед постанка... С.162.

¹¹⁴ Споменици. 3б. 3. С. 177-188.

¹¹⁵ Цит. по: Гавриловић С. Срби у Хрватској... С. 47.

¹¹⁶ См.: Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 66-67.

¹¹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1751 г. Д. 4. Л. 199-199 об. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина, 27 мая 1751 г. (опубликовано с небольшими неточностями: Политические и культурные отношения... С. 139-142).

¹¹⁸ Там же. 1752 г. Д. 8. Л. 37-39 об. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина, 25 марта 1752 г.

¹¹⁹ Пишчевич С.С. Указ. соч. С. 72-73.

¹²⁰ См.: Дабих В.С. Банска крајина 1688-1751. Београд; Загреб, 1984. С. 149-175.

¹²¹ Савковић Ј. Преглед постанка... С. 163.

¹²² Енгел Ф. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 3. С. 536-539.

¹²³ Гавриловић С. Основни граничарски закон из 1807 (1808) године // ЗИ. 1988. Бр. 38. С. 139.

¹²⁴ Савковић Ј. Преглед постанка... С. 62, 76, 162; Березин Л.В. Указ. соч. Т. 2. С. 329-330.

Глава III

¹ Путопис др. Брауна из 1669 године // ГИДНС. 1934. Књ. 7. С. 351.

² Ср.: Ачади И. Историја венгерског крешћанства. М., 1956. С. 212-213.

³ Цит. по: Веселиновић Р. Војводина, Србија и Македонија под турском влашћу у другој половини XVII века. Нови Сад, 1960. С. 79.

⁴ Поповић Д. Српско племство у Војводини у XVIII веку // ГИДНС. 1940. Књ. 13. Св. 3-4. С. 86; Дуишин В.А. Српске племићке породице у Војводини од 1690 до 1790 // Там же. С. 89-123; Форишковић А. Племство код Срба у Угарској у XVIII веку // ЗИ. 1981. Бр. 24. С. 37.

⁵ Гавриловић С. Из историје Срба у Угарској... С. 7-8.

⁶ См.: Радонић Ј. Барања // Браство. 1921. Бр. 15. С. 81; Пандуровић Вл. Прилози бројном кретању српског народа у Барањи // ГИДНС. 1928. Књ. 1. Св. 1. С.119-120; Гавриловић С. Урбаријална експлоатација кмета у Јужној Угарској XVIII-XIX века // ЗИ. 1982. Бр. 25. С. 77; Гавриловић С. Скица за историју аграрних односа од краја XVII до средине XIX века на подручју данашње Војводине // ИЧ. 1988. Бр. 35. С. 94.

⁷ Гаћеша Н. О подвозу или форшпану // ЗДН. 1957. Бр. 17. С. 97-99; Гавриловић С. Урбаријална експлоатација... С. 77-78; Пецињачки С. Војна контрибуција југословенских и других земаља Аустријске царевине од 1700 до 1746 године // Мешовита грађа. 1977. Књ. 5. С. 55-56.

⁸ Поповић Д. Срби у Коморану // ИЧ. 1955. Бр. 5. С. 193-194; Томандл М. Указ. соч. С. 345-348; Петровић К. Карловци и карловачко становништво // ИЧ. 1960. Бр. 9-10. С. 298; Schwartner M. Statistik des Königreichs Ungarn. Pest, 1799. S. 112-113; Gjorgijević T.R. Putovanje Simona Klementa kroz severo-zapadne krajevi naše zemlje 1715 godine // ГИДНС. 1929. Књ. 2. Св. 2. С. 290.

⁹ Споменици. Зб. 1. С. 71-79.

¹⁰ Србски споменици // Летопис. 1854. Књ. 90. С. 68-82; 1955. Књ. 91. С. 112-123; Споменици. Зб. 1. С. 14-31; Србска стара писма // Летопис. 1871. Књ. 112. С.158-161.

¹¹ Костић М. Из наше друштвено-економске историје почетком XVIII века // ЗДН. 1956. Бр. 13-14. С. 107-110; Веселиновић Р. Развитак занатлијско-трговачког слоја под страном влашћу у XVII и XVIII веку // Градска култура на Балкану (XV-XIX век). Београд, 1984. С. 180-190; Форишковић А. О неким... С.156.

¹² Ср.: Schwicker J.H. Die Vereinigung... S. 11-12; Пецињачки С. Извештај о Банату и Браничеву из 1721 године // ЗИ. 1981. Бр. 23. С. 80-87; Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 24; Ачади И. Указ. соч. С. 245.

¹³ Тужба общче народна цесарском величанству // Српски Сион. 1905. Бр. 9. С. 246-249.

¹⁴ Петровић Н. О приликама у Банату после слома османлијске власти (1716-1718) // Мешовита грађа. 1974. Књ. 3. С. 14-20.

¹⁵ Павловић Д.М. Административна... С. 117-119; Витковић Г. Нови подаци... С. 19.

¹⁶ Ср.: Павловић Д.М. Административна... С. 113; Петровић Н. О приликама... С. 10; Petrović N. Plovidba i privreda... S. 26.

¹⁷ Гавриловић С. Скица за историју... С. 91; Историја Београда, 1974. Књ. 1. С. 532; Petrović N. Plovidba i privreda... S. 35.

¹⁸ Поповић Д. Велика сеоба Срба / Срби сељаци и племићи. Београд, 1954. С.286.

¹⁹ Гавриловић С. Селаштво на властелинству Нуштар-Габош (1687-1849) // ЗДН. 1961. Бр. 30. С. 7 (подсчета наши - Ю.К.).

²⁰ См.: Mirković M. Ekonomska historija... S. 192; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак... С. 247-248; Гавриловић С. Скица... С. 90.

²¹ Старине Српске // Глас Истине. 1885. Бр. 7. С. 54-55.

²² Ср.: Споменици. Зб. 1. С. 269-270; Грујић Р. Неволје српских селјака пре двеста година у Срему и Бачкој. Земун, 1908; Поповић Д. Велика сеоба... С. 157-166, 287; Пико Е. Срби у Угарској. Нови Сад, 1883. С. 119.

²³ Српски народни сабор месеца маја 1730 у Београду // Летопис. 1872. Књ. 113. С. 309.

²⁴ См.: Schwicker J.H. Die Vereinigung... S. 103-104; Gavrilović S. Seljački nemiri u istočnoj Slavoniji i Sremu // Radovi Instituta za Hrvatsku povijest. Zagreb, 1973. Књ. 5. S.357-363.

²⁵ Гавриловић С. Хајдучија у Срему у XVIII и почетком XIX века. Београд, 1986. С. 7-15, 97, 241-242; Страдање архимандрита Андреје Атанасијевића и неколико његових писма // Архив ИСПКМ. 1911. Бр. 5 и 6. С. 84; Гавриловић С. Окружнице из 1727, 1771 и 1811 против разбојништва // ЗИ. 1980. Бр. 21. С. 79-81.

²⁶ Гавриловић С. Извештај коморског саветника Г.И. Еберла о Славонији и Срему прве половине XVIII века // ЗИ. 1980. Бр. 22. С.112-130.

²⁷ Гавриловић С. Расправа у Бечу 1737 о друштвено-економским односима у Славонији и Срему // ЗИ. 1981. Бр. 23. С. 90-102.

²⁸ Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за привредну и друштвену... С. 1-7.

²⁹ Bösendorfer J. Agrarni odnosi u Slavoniji / Prilozi. Zagreb, 1950. S. 193-198.

³⁰ Караман И. Социјално-економске прилике у југословенским земљама Хабсбуршкој монархији у доба касног феудализма // ЗИ. 1974. Бр. 9. С. 10; Гавриловић С. Урбаријална експлоатација... С. 79; Gavrilović S. Irig... S. 21.

³¹ См.: Споменици. Зб. 1. С. 81-84, 89-92, 104-105, 120-121, 158, 159, 190-191; Зб. 2. С. 91-92.

³² См.: Bićanić R. Doba manufaktura u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1951. S. 80; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак... С. 250-251; Различита стара Србска писма // Летопис. 1862. Бр. 104. С. 1-20; Србска стара писма // Летопис. 1871. Бр. 112. С. 158-162; Споменици. Зб. 3. С. 48-51, 56-71, 76-77.

³³ Павловић Д. Финансије и привреда за време аустриске владавине у Србији од 1718 до 1739 // Глас СКА. 1901. Бр. 64. С. 14-15; Павловић Д. Аустриска владавина у Северној Србији. 1718-1739. Београд, 1901. С. 101-107; Историја Београда. Књ. 1. С. 532-533; Костић М. Грађа за историју српске трговине и индустрије // Споменик СКА. 1926. Бр. 66. С. 162-163.

³⁴ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 2-4; Bd. 3. S. 48-54.

³⁵ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1973. Бр. 21. Св. 1. С. 117.

- ³⁶ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 59; Bd. 2. S. 19, 88, 92; Bd. 3. S. 72-73.
- ³⁷ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 308; Св. 3. С. 509; Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 64-65; Bd. 2. S. 17-18.
- ³⁸ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 18-20.
- ³⁹ См.: Mirković M. Ekonomska historija... S. 177-180, 191; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак... С. 247-248.
- ⁴⁰ Свод наставлений опубликован: Bösendorfer J. Agrarni odnosi... S. 209-258.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1777 г. Д. 101. Л. 138 об. Реляция Д.М. Голицына, 26 апреля (7 мая) 1777 г.
- ⁴² Телеки Д. Путовања кроз Угарску и неке суседне земље // ЗДН. 1959. Бр. 23. С. 79-84.
- ⁴³ Ср.: Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1972. Бр. 20. Св. 1. С. 182; Гавриловић С. Економско-социална прошлост Војводине XVIII столећа // ЗДН. 1962. Бр. 31. С. 168.
- ⁴⁴ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 28-38.
- ⁴⁵ См.: Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1973. Бр. 21. Св. 1. С. 118-119; Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 5-7; Костић М. О дунавско-савској трговини, лађама, лађарима и лађарским цеховима у XVIII и XIX веку // ИЧ. 1959. Бр. 9-10. С. 262-263; Гавриловић С. Срем, Банат и Бачка од краја XVIII до средине XIX века // ЗИ. 1972. Бр. 6. С. 9-26.
- ⁴⁶ Ср.: Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 19-23; Bd. 3. S. 54-57; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1973. Бр. 21. Св. 1. С. 120; Гавриловић С., Јакшић И. Грађа за привредну и друштвену... С. 244, 458-459.
- ⁴⁷ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 19, 22-23.
- ⁴⁸ Текст Славонског урбария опубликован в переводе на хорватский язык: Bösendorfer J. Agrarni odnosi... S. 198-295.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1767 г. Д. 65. Л. 46 об.-47. Реляция Д.М. Голицына, 7 (18) марта 1767 г.
- ⁵⁰ См.: Ачади И. Указ соч. С. 241-242; Гавриловић С. Скица... С. 93.
- ⁵¹ Гавриловић С. Банатски урбар // ЗДН. 1963. Бр. 34. С. 77-91 (текст урбария).
- ⁵² Bösendorfer J. Agrarni odnosi... S. 94-95.
- ⁵³ Ср.: Гавриловић С. Урбаријална експлоатација... С. 81-82.
- ⁵⁴ Милутиновић К. Из историје Новог Сада у доба Кочине крајне и Првог српског устанка // ЗДН. 1964. Бр. 7. С. 49.
- ⁵⁵ Гавриловић С. Сомбор у борби за елиберацију 1745-1749 // ЗИ. 1988. Бр. 37. С. 43-77.
- ⁵⁶ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 321-322.
- ⁵⁷ Форишковић А. Привилегије Срба... С. 14.
- ⁵⁸ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1972. Бр. 20. Св. 1. С. 184-185.

⁵⁹ Ср.: Петровић К. Карловци... С. 296; Стајић В. Епископ Јован Јовановић и Српска гимназија у Новом Саду // Летопис. 1932. Књ. 332. Св. 1-3. С. 192.

⁶⁰ Ср.: Taube F.W. Op. cit. Bd. 3. S. 61-67, 85-88, 105-109; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1972. Бр. 20. Св. 1. С. 186-202; Mirković M. Ekonomska historija... S. 243; Beljanski M. Letopis Sombora od 1360 do 1800 godine. Sombor, 1974. S. 128.

⁶¹ Стајић В. Привреда Новог Сада. Нови Сад, 1941. С. 197-198, 209-210; Веселиновић Р. Развитак и унутрашњи живот српских еснафа у Војводини // ЗДН. 1955. Бр. 11. С. 22-38; Bićanić R. Doba manufakture... S. 70-73.

⁶² Савковић Ј. Преглед постанка... С. 136-137; Штегер Р. Указ соч. С. 153-159.

⁶³ Bićanić R. Doba manufakture... S. 2-4; Мезеи С. Значај и улога мануфактура у капиталистичкој индустријализацији Војводине // ЗДН. 1957. Бр. 18. С. 32-33.

⁶⁴ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 22-24.

⁶⁵ Караман И. Социјално-економске прилике... С. 14, 20-21; Гавриловић С. Срем, Банат и Бачка... С. 24-25; Gavrilović S. Manufakture sukna u sremskoj Vojnoj granici. 1783-1786. // Spomenica J. Matasovića. Zagreb, 1972. S. 85-89.

⁶⁶ Bartenstein J. Op. cit. S. 144; Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 24; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. С. 316.

⁶⁷ См.: Стајић В. Привреда Новог Сада... С.40; Костић М. О дунавско-савској... С. 265-269, 288; Митровић М. Дунав и његове притоке у привреди немачко-банатске регименте // ЗИ. 1983. Бр. 27. С. 95-96.

⁶⁸ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 28-29; Костић М. О дунавско-савској... С. 263.

⁶⁹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 27-36; Bd. 2. S. 29-30.

⁷⁰ Поповић Д. Прилози наше трговине у XVIII веку // ЈИЧ. 1938. № 1-2. С.95-101; Гавриловић С. Прилог питању трговине свињама између Аустрије и Србије // ЗИ. 1983. Бр. 27. С. 141-142.

⁷¹ Ср.: Стајић В. Грађанско друштво и сељаци у Војводини // Војводина. Нови Сад, 1941. Књ. 2. С. 191; Гавриловић С. Митровица... С. 121.

⁷² Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1973. Бр. 21. Св. 2. С. 333.

⁷³ Описание сербского народа // Вестник Европы. 1827. Ч.155. Кн. 17. С. 63.

⁷⁴ Грђић Г. Развој привреде Србије и Војводине од ослобођења од Турака. Београд, 1953. С. 3.

⁷⁵ Ср.: Беновић С. Сремски трговци и Први српски устанак до 1809 године // ЗДН. 1953. Бр. 5. С. 9-10; Гавриловић С. Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад, 1974. С. 49-61; Чубриловић В. Србија и Аустрија у XIX веку // Одабрани историјски радови. Београд, 1983. С. 161; Срдановић-Бараћ О. Српска аграрна револуција и пољопривреда од Кочине крајне до краја прве владе кнеза Милоша (1788-1839). Београд, 1980. С. 71, 80, 82, 85.

Глава IV

¹ Подаци из Фрушкогорских манастира // Споменик СКА. 1892. Бр. 19. С. 54; Медаковић Д. Српски препород у 18 веку и средњовекова баштина // Глас САНУ. 1983. Бр. 334. С. 41.

² Ср.: Грујић Р. Проблеми историје Карловачке митрополије // ГИДНС. 1929. Књ. 2. Св. 1. С. 62-63; Грујић Р. Автокефалност Карловачке митрополије // ГИДНС. Књ. 2. Св. 3. С. 367, 377; Из историје Пећке патријаршије после Арсенија III // Браство. 1938. Бр. 29. С. 21-25; Чубриловић В. Српска православна црква под Турцима од XV до XIX века // Одабрани историјски радови. Београд, 1983. С. 105-106.

³ Schwicker J.H. Die Vereinigung... S. 121.

⁴ См.: Споменици. 3б. 1. С. 277-293; Весник Српске цркве. 1894. Св. 2. С. 146-147; Св. 3. С. 250-258; Мојсије Петровић... С. 105, 109-115; Грађа. С. 237.

⁵ Тестамент митрополита Мойсея Петровића // Беседа. 1868. Бр. 4. С. 31; Бр. 6. С. 46-47; Последње писмо митрополита Мојсија Петровића // Архив ИСПКМ. 1913. Св. 1. С. 91-92.

⁶ Ко је постављао администраторе митрополије Карловачке од 1707-1912 ? // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 3 и 4. С. 38-43; Прилози. С. 16; Грађа. С. 187-189, 243-244.

⁷ Споменици. 3б. 2. С. 106.

⁸ Српске старине // Глас Истине. 1886. Бр. 14. С. 222; Бр. 15. С. 238; Прилози. С. 20-24, 27.

⁹ См.: Споменици. 3б. 2. С. 101; Митрополит Вићентије Јовановић и владика бачки Висарион Павловић // Архив ИСПКМ. 1913. Св. 4. С. 312-314; Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 54. Л. 1.

¹⁰ См.: Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 792, 909, 910; Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 57, 62; К. 6. Бр. 83, 91, 103; К. 7. Бр. 100, 106; К. 8. Бр. 40, 46-48, 75, 80.

¹¹ Там же. К. 7. Бр. 53. Л. 1; Бр. 84. Л. 1; Бр. 117. Л. 1.

¹² Споменици. 3б. 2. С. 87; Витковић Г. Извештај... С. 304.

¹³ Ср.: Bartenstein J. Op. cit. S. 113, 125; Споменици. 3б. 3. С. 354; Енгел Ф.Ш. Опис...// ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 345-346; Штегер Р. Указ. соч. С. 208.

¹⁴ См.: Штатистика бачких православних парохия и бачког православног свјашченства године 1733 // Летопис. 1860. Књ. 100. С. 71-74; Књ. 101. С. 51-55; Статистички преглед Архидијецезе Сремско-Карловачке 1732/3 // Богословски гласник. 1902. Бр. 2. Св. 3. С. 330-332; Извештај Вићентија Стефановића // Архив ИСПКМ. 1913. Св. 1. С. 8-40; Поповић К. Статистички подаци о Сремској епархији у 1750-51 години // ЗДН. 1956. Бр. 15. С. 80-82; Гавриловић С. Статистички подаци о Србима сремске архидијецезе 1800-1820 године // ЗИ. 1972. Бр. 6. С. 133-134.

- ¹⁵ Споменици. Зб. 3. С. 313-316.
- ¹⁶ Енглеz Јеремија Милс у својим путним белешкама 1736 о Хрватској, “Рашанима” и Мађарима // ГИДНС. 1935. Књ. 8. Св. 1. С. 101.
- ¹⁷ См.: Извештај Максима Радковића ексарха од 1733 // ГСУД. 1884. Књ. 56. С. 117-327; Прилози за историју Србије у доба аустријске окупације 1718-1739 // Споменик СКА. 1914. Бр. 52. С. 183-192.
- ¹⁸ Извештај Максима Радковића... С. 141.
- ¹⁹ Мојсије Петровић... С. 94-95.
- ²⁰ Ср.: Витковић Г. Извештај... С. 203; Стајић В. Београд пре двеста година // ГИДНС. 1932. Књ. 6. Св. 3. С. 367-370.
- ²¹ Мојсије Петровић... С. 97.
- ²² Прилози за историју Србије... С. 97, 102. См. также аналогичные постановления на сей счет: Правила епископа Висариона Павловића // Беседа. 1868. Бр. 22. С. 175; Монашка правила Викентиа Јовановића 1733 // Беседа. 1870. Бр. 2. С. 32; Бр. 4. С. 64; Бр. 5. С. 78; Грамота Висариона Павловића, бачког владике за парохе // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 7 и 8. С. 116-118.
- ²³ Грађа. С. 80-82.
- ²⁴ Фрушкогорски манастири 1734 године // Архив ИСПКМ. 1911. Бр. 11 и 12. С. 167-175.
- ²⁵ Прилози за историју Србије... С. 106. См. также жалобы монастырских игуменов: Писма манастирских настојатеља Архиепископу-Митрополиту В. Поповићу // Архив ИСПКМ. 1912. Бр. 15 и 16. С. 247-251.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 303. Выписка из реляции Г. Кейзерлинга, 10 сентября 1754 г.
- ²⁷ Рајковић Ђ. Митрополит Павао Ненадовић // Летопис. 1884. Књ. 137. Св.1. С. 59-60.
- ²⁸ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 91-95.
- ²⁹ Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 343.
- ³⁰ Споменици. Зб. 2. С. 173.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1727 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 151.
- ³² Грађа. С. 188.
- ³³ Ср.: Дужности и права дворјана и дворских служитеља за време митрополита Мојсија Петровића // Српски Сион. 1907. Бр. 27. С. 417-421; Бр. 29. С. 452-454; Уговори митрополита Вићентија Јовановића с дворским послужитељима // Архив ИСПКМ. 1911. Бр. 3 и 4. С. 49-53; Колико је потрошено на београдску Архиепископско-Митрополитску резиденцију ? // Архив ИСПКМ. 1913. Бр. 1. С.85; Годишни трошак митрополита београдско-карловачког Вићентија Јовановића на званичнике, учитеље и послужитеље // Архив ИСПКМ. 1914. Бр. 3. С.279-285.
- ³⁴ Цит. по: Schwicker J.H. Die Vereinigung... S. 24-25.

- ³⁵ Пишчевич С.С. Указ. соч. С. 78.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1745 г. Д. 4. Л. 441. Реляция Л. Ланчинского, 3 июля 1745 г. (приложение).
- ³⁷ См.: Taube F.W. Op. cit. Bd. 3. S. 96-99; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1972. Бр. 20. Св. 1. С. 193.
- ³⁸ Споменици. Зб. 3. С. 322.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1745 г. Д. 5. Л. 163 об.-164. Реляция Л. Ланчинского, 28 сентября 1745 г. (приложение).
- ⁴⁰ Орфелин З. Представка... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19 Св. 1. С. 75, 85.
- ⁴¹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 81-83, 85-86; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 342. Доходы духовенства возрастали и в дальнейшем. По официальным данным, в 1903 г. собственность сербской церкви оценивалась в 23 млн. крон (1 крона = 39,37 коп.), а доходы патриарха составляли 800 тыс. крон в год (Воскресенский Г.А. Православные славяне в Австро-Венгрии. СПб., 1913. С. 15).
- ⁴² См.: Споменици. Зб. 3. С. 314-317; Народни конгреси... // Летопис. 1862. Књ. 104. С. 87-89; Руварац Д. Српски народни сабор 1749 // Споменик СКА. 1925. Бр. 62. С. 126.
- ⁴³ Орфелин З. Представка... // ЗКЈ. 1971. Св. 1. С. 123.
- ⁴⁴ Руварац Д. Кореспонденција митрополита Павла Ненадовића из Беча 1762, 1763 и 1764 // Споменик СКА. 1925. Бр. 62. С. 103.
- ⁴⁵ Српске Старине // Глас Истине. 1886. Бр. 15. С. 239.
- ⁴⁶ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 77-78.
- ⁴⁷ Орфелин З. Представка... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 271.
- ⁴⁸ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 7. Бр. 53. Л. 1, 1 об.
- ⁴⁹ Српски споменици // Летопис. 1854. Књ. 90. С. 68-70; Поповић Д. Србија и Београд. Београд, 1950. С. 272.
- ⁵⁰ Поповић Д. Србија и Београд. С. 270.
- ⁵¹ Правила епископа Висариона... // Беседа. 1868. Бр. 23. С. 184.
- ⁵² Грађа. С. 226.
- ⁵³ Мојсије Петровић... С. 160.
- ⁵⁴ Прилози за историју Србије... С. 96-97.
- ⁵⁵ Самарцић Р. Кандијски рат у Српској историји // Глас САНУ. 1986. Бр. 343. С. 182.
- ⁵⁶ Ср.: Српски народни сабор месеца маја у Београду // Летопис. 1872. Књ. 113. С. 307; Грујић Р. Прилози одношаја наших с румунима у XVIII-ом веку // Српски Сион. 1906. Бр. 6. С. 164.
- ⁵⁷ Споменици. Зб. 2. С. 122.
- ⁵⁸ Гавриловић С. Православна црква према сељачкој буни у Славонији 1742/43 // ЗДН. 1958. Бр. 21. С. 79.

- ⁵⁹ Споменици. Зб. 3. С. 97-98, 102, 108-109, 115.
- ⁶⁰ См.: Bartenstein J. Op. cit. S. 97; Руварац Српски народни сабор... С. 132-134; Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије... С. 132-138.
- ⁶¹ Споменици. Зб. 1. С. 206-208.
- ⁶² Там же. С. 208-209.
- ⁶³ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 3. Бр. 73. Л. 1 об; К. 5. Бр. 136. Л. 1-1 об.
- ⁶⁴ Ср.: Српске старине // Глас Истине. 1886. Бр. 22. С. 374; Споменици. Зб. 1. С. 297; Српски народни сабор... С. 300.
- ⁶⁵ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 6. Бр. 90. Л. 2.
- ⁶⁶ Рајковић Ђ. Митрополит Павао Ненадовић... С. 64.
- ⁶⁷ Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 849. Л. 1. Сведения о тайных сношениях другого митрополита В. Йовановича с немцами и венграми приводятся Г. Витковичем (Витковић Г. Критички поглед... // ГСУД. 1873. Књ. 38. С. 258).
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1750 г. Д.3. Л.154-154 об. Реляция М.П. Бестужева-Рюмина, 16 мая 1750 г.
- ⁶⁹ Там же. 1782 г. Оп. 6. Д. 655. Л. 82 об. Реляция Д.М. Голицына, 7 (18) декабря 1782 г.
- ⁷⁰ См.: Споменици. Зб. 3. С. 198; Прилози. С. 104; Рајковић Ђ. Митрополит Павао Ненадовић... С. 66; Руварац Д. Кореспонденција митрополита Павла Ненадовића... С. 95.
- ⁷¹ Bartenstein J. Op. cit. S. 108.
- ⁷² Ср.: Закљатва архиепископа // Беседа. 1870. Бр. 12. С. 191-192; Споменици. Зб. 3. С. 110-112; Сказаніе о житіи преосвященных Архіепископов всея Сербскія и Поморскія земли // Гласник Друштва србске словесности. Београд, 1854. Бр. 6. С. 50.
- ⁷³ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 107. Л. 1.
- ⁷⁴ Српски народни сабор... С. 300-301. О позиции духовенства см. следующие материалы: Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 64. Л. 2; Бр. 107. Л. 1 об.; Прилози. С. 89-90; Споменици. Зб. 2. С. 181-183; а также статью С. Гавриловича о более позднем периоде: Гавриловић С. Православна црква према селячкој буни у Славонији 1742-1743 // ЗДН. 1958. Бр. 21. С. 73-88.
- ⁷⁵ Споменици. Зб. 2. С. 181-183.
- ⁷⁶ Гавриловић С. Грађа за историју Војне границе... С. 528-529.
- ⁷⁷ Ср.: Грујић Р. Неколико докумената за српску историју // Споменик СКА. 1913. Бр. 51. С. 90; Гавриловић С. Две вести о Србији и Балкану из друге половине XVIII века // ИЧ. 1972. Бр. 19. С. 277-278.
- ⁷⁸ Руварац Д. Кореспонденција митрополита Павла Ненадовића...С. 98-99, 102, 104, 109, 113.
- ⁷⁹ Bartenstein J. Op. cit. S. 130-132.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1756 г. Д. 3. Г. Кейзерлинг - А.П. Бестужеву-Рюмину, 6 (17) июля 1756 г.; Д. 3-а. Л. 44 об.- 46 об. Ре-
ляция Г. Кейзерлинга, 17 (28) августа 1756 г. (приложение).

⁸¹ Витковић Г. Нови подаци... С. 46-51.

⁸² Одломак рукописа Саве Текелие: О канцеларији србској у Бечу // Летопис.
1862. Књ. 103. С. 144.

⁸³ Српски народни сабор... С. 296.

⁸⁴ Прилози. С. 42.

Глава V

¹ Први изборни сабор у манастиру Крушедолу 6 (18) јануара 1708 године // Беседа. 1869. Бр. 10. С. 157.

² Архијерејско-народни договор 1742 године // Српски Сион. 1904. Бр. 6. С.136; Поповић Д. Сава Текелија према Првом српском устанку // ЗДН. 1954. Бр.7. С. 120.

³ Архив МСПЦ. Ф. ЗРГ. Бр. 219. Л. 22 об.

⁴ Там же. Бр. 615. Л. 9; Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 7. Бр. 43. Л. 1; Бр. 165. Л.1.

⁵ Споменици. Зб. 2. С. 41.

⁶ См.: Павловић С. Српски народни сабор у Сремским Карловцима године 1869. Нови Сад, 1870. С. 18; Текелија С. Описание живота. Београд, 1966. С.361; Кашић Д. Посланци на народно-црквеном сабору 1749 у Карловцима // ЗИ. 1970. Бр. 2. С. 96-97, 99.

⁷ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 62. Л. 1-1 об.

⁸ Протокол о пленипотенција свјашчених и мирских депутиртов что на сабор приходили љета 1735 // Летопис. 1891. Књ. 165. С. 23-55.

⁹ Архив САНУ. Ф. В. Д. III. К. 4. Бр. 117; К. 5. Бр. 52-II; Штатистика бачких... // Летопис. 1862. Књ. 100. С. 71-74; Књ. 101. С. 51-55; Статистички преглед... // Богословски гласник. 1902. Књ. 2. Св. 3. С. 332.

¹⁰ Bartenstein J. Op. cit. S. 119.

¹¹ Споменици. Зб. 3. С. 305-306, 312, 343.

¹² Грађа. С. 202.

¹³ Споменици. Зб. 2. С. 88.

¹⁴ См.: Слово коим генерал А. Хадик депутирце народне у конгресу Карловачком 1769 поздравио // Летопис. 1829. Књ. 17. С. 51-64; Споменици. Зб. 3. С.313; Народни конгреси... // Летопис. 1862. Књ. 104. С. 83; Српски народни сабор 1769... // Летопис. 1872. Књ. 114. С. 157, 160; Савковић Ј. Борба Срба... С.13; Веселиновић Р. Кнезовски или банатски дукати у XVIII веку // ИГ. 1974. № 1-2. С. 25.

¹⁵ Споменици. Зб. 2. С. 21-22.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 24-25.

¹⁸ Таблица составлена по материалам: Споменици. Зб. 1. С. 278-285; Зб. 2. С. 68; Зб. 3. С. 307-311; Први изборни сабор... С. 158-160; Старице Србске // Летопис. 1863. Књ. 106. С. 31-32; Витковић Г. Извештај... С. 177-180; Два прилога... // Летопис. 1881. Књ. 125. С. 127-130; Протокол о пленипотенција... С. 24-54; Жалба Срба... // Весник Српске цркве. 1894. Св. 11. С. 1060-1063; Руварац Д. Српски народни сабор одржан 1774 у Карловцима // Споменик СКА. 1929. Бр. 69. С. 14-15; Кашић Д. Посланци... С. 99-102.

¹⁹ Ср.: Арато Е. Формирање модерне грађанске српске националне идеологије // Ослободилачки покрети југословенских народа од XVI века до првог светског рата. Београд, 1976. С. 139.

²⁰ Гавриловић С. Друштвено-економско стање Срба... С. 183-184; Форишковић А. Плећство код Срба у Угарској... С. 38, 48-49.

²¹ Петровић Н. Друштвене противречности... С. 119; Форишковић А. Плећство код Срба... С. 40, 48.

²² См.: Поповић Д. Срби у Војводини... Књ. 2. С. 37, 48; Гавриловић С. Друштвено-економски развитак Јужне Угарске... С. 243-244.

²³ Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. С. 65-66.

²⁴ Szabo A. Socijalna historija Vojne Krajne // Naše teme. Zagreb, 1989. № 7-8. S. 1936-1937.

²⁵ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям // Архив братьев Тургеневых. Пг. 1915. Вып. 4. С. 76.

²⁶ См.: Mirković M. Ekonomska historija... S. 199; Енгел Ф.Ш. Опис... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. С. 515, 517; Грађа. С. 253-255.

²⁷ Bartenstein J. Op. cit. S. 104-105.

²⁸ Ср.: Seton-Watson R.W. The Southern Slav question and the Habsburg monarchy. L., 1911. P. 45; Petrović M. A History of modern Serbia. N.-Y., L. 1976. Vol. 1. P. XVI, 21, 43; Stanić N. Socijalna struktura i nacionalna integracija Vojne krajne // Naše teme. 1982. Br. 11. S. 1907; Лешиловская И.И. Идеологические аспекты национального возрождения югославянских народов в Австрийской империи. М., 1974. С. 3-4.

²⁹ Ср.: Грујић Р. Апологија српског народа у Хрватској и Славонији и његових главних обележаја. Нови Сад, 1909. С. 41; Гавриловић С. Друштвено-економско стање... С. 184; Petrović M. A History of modern Serbia. Vol. 1. S. XV-XVII; Лешиловская И.И. Сербская культура... С. 33-34.

³⁰ Подробнее об этом будет сказано при характеристике состава депутатов общенародных саборов.

- ³¹ Ср.: Костич М. Православная сербская церковь в Австрии... С. 312, 344-345.
- ³² Попов Н.А. Сербь в Австрии... С. 284.
- ³³ Споменици. Зб. 3. С. 342-351.
- ³⁴ Там же. С. 404, 408-409.
- ³⁵ Там же. С. 431.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 370 об. Реляция Л. Ланчинского, 20 июля 1743 г.
- ³⁷ Споменици. Зб. 3. С. 91-93, 95-1-3, 106-110, 292-300, 369-372, 404-405, 409-412, 432.
- ³⁸ Прилози. С. 99.
- ³⁹ Архив САНУ. Ф. в. Д. III. К. 3. Бр. 58. Л. 2; К. 8. Бр. 28. Л. 1.; Бр. 68. Л. 1.; Бр. 70. Л. 1.
- ⁴⁰ Споменици. Зб. 2. С. 100-101; Витковић Г. Извештај... С. 208-209.
- ⁴¹ См.: Schwicker J.H. Politische Geschichte der Serben in Ungarn... S. 90-91; Прилози за историју народног сабора 1744 // Српски Сион. 1906. Бр. 15. С. 413-416.
- ⁴² Закључак народног сабора 1748 о администрацији Висариона Павловића // Српски Сион. 1906. Бр. 13. С. 375-376.
- ⁴³ См.: Народни конгреси... // Летопис. 1862. Књ. 104. С. 83-93.
- ⁴⁴ Витковић Г. Нови подаци... С. 29-35.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1745 г. Д. 5. Л. 116-116 об., 162 об.-163 об. Приложения к реляциям Л. Ланчинского, 7 и 28 сентября 1745 г.
- ⁴⁶ Витковић Г. Нови подаци... С. 30.
- ⁴⁷ Рајковић Ђ. Владика Арсеније Радивојевић // Летопис. 1881. Књ. 127. С. 46-56.
- ⁴⁸ Орфелин З. Представка... // ЗКЈ. 1971. Бр. 19. Св. 2. С. 279, 281.
- ⁴⁹ Пункты депутиртов в Карловце 26 августа 1748 // Беседа. 1870. Бр. 13. С. 206-207; Бр. 14. С. 223-224.
- ⁵⁰ Руварац Д. Српски народни сабор 1749... С. 132-133.
- ⁵¹ Споменици. Зб. 3. С. 334, 351.
- ⁵² Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије... С. 134.
- ⁵³ Ср.: Поповић Д. Рад Станоја Станојевића на проучавању историје Војводине // ГИДНС. 1938. Књ. 11. Св. 3-4. С. 88; Милутиновић К. Једна нова историја југословенских народа // ЗДН. 1952. Бр. 4. С. 164-165; Gavrilović S., Petrović N. Temišvarski sabor... S. V, VII.
- ⁵⁴ Очень ярко об этом рассказано в биографии одного из участников сабора Савы Текелии: Описание живота Саве Текелије. Београд, 1966. С. 148-150. См.

также: Temišvarski sabor... S. 33-35, 37-38, 43-48, 60-64, 69-71, 76-78, 84-89, 91-93, 240-243, 252-255, 280-281, 285-289, 311-324, 387-388.

⁵⁵ Описание живота... С. 149.

⁵⁶ Ср.: Арато Е. Формирање модерне... С. 138; Temišvarski sabor... S. 260-262, 661; Postanak i razvoj srpske nacije... S. 186-187.

⁵⁷ Описание живота... С. 152.

⁵⁸ Temišvarski sabor... S. 491.

⁵⁹ Ibid. S. 60-61.

⁶⁰ Ibid. S. 48-49.

⁶¹ Ср.: Гавриловић С. Колективне тужбе и претставке у Шајкашком батаљону (1783-1848) // ЗИ. 1972. Бр. 5. С. 157; Janković D. Srpska država i nastajanje srpske nacije // Postanak i razvoj srpske nacije... S. 52.

⁶² Ср.: Станчић Н. О мом “заобилажању помена Срба на Хрватској државној територији”... // ИГ. 1985. Бр. 1-2. С. 135.

⁶³ Самарџић Р. Традиција и преображај Срба // ЗИ. 1988. Бр. 38. С. 132.

⁶⁴ Lukić R. O nastanku srpske nacije sa sociološkog gledišta // Postanak i razvoj srpske nacije... S. 80.

⁶⁵ В дополнение к уже сказанному ранее см.: Белић А. Србија и јужнословенско питање. Ниш, 1915. С. 50; Гавриловић С. Војводина и Србија... С. 13.

⁶⁶ Милутиновић К. Војводина и Далмација. 1760-1914. Нови Сад, 1973. С. 10-19, 49-51.

⁶⁷ Ср.: Руварац Д. Вићентије Стефановић, митрополит Београдски // Споменик СКА. 1925. Бр. 62. С. 87-93.

⁶⁸ Ср.: Војводина и Србија. Суботица, 1926. С. 2; Симеон, епископ. Карактерологија српског православља // Српска православна црква. Београд, 1969. С. 387; Jnković D. Srpska država... S. 48.

⁶⁹ Ср.: Mitrović A. Nekoliko teza o uslovima i mogućnostima proučavanja nastanka i razvitka srpske nacije // Postanak i razvoj srpske nacije... S. 15-16.

⁷⁰ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 26.

⁷¹ См.: Roksandić D. Vojna Krajna i “nova historija” // Naše teme. 1982. Br. 11. S. 1919; Behschnitt W.D. Nationalismus bei Serben und Kroaten. München, 1980. S. 24-25, 241-242; Margetić L. Nekoliko napomena o etnogenezi jugoslavenskih naroda // Rad JAZU. 1990. Knj. 451. S. 4-9.

⁷² Мыльников А.С., Фрейдзон В.И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 67; Фрейдзон В.И. Некоторые черты... С. 32.

⁷³ Ср.: Остојић Т. Народна мисао, идеја ослобођења и уједињења у историји и књижевности Војводине // Летопис. 1921. Књ. 300. С. 51-52; Кириловић Д. Декаденција српског народа у Војводини // Летопис. 1933. Књ. 336. Св. 1. С. 47-48;

Фрейдзон В.И. К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи. М., 1974. С. 6-7; Мыльников А.С., Фрейдзон В. И. Формирование наций... С. 73.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 303. Л. 62-62 об. Реляция Г. Кейзерлинга, 10 сентября 1754 г.

⁷⁵ Bartenstein J. Op. cit. S. 106-107.

⁷⁶ Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 14-15.

⁷⁷ Споменици. Зб. 3. С. 421-424.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1745 г. Д. 5. Л. 112 об.-113. Реляция Л. Ланчинского, 7 сентября 1745 г.

⁷⁹ См.: Костић М. Гроф Колер... С. 103-110; Кудрявцев А. Церковный вопрос... С. 720-721; Гавриловић Н. Српске и румунске граничарске школе од Темишварског сабора до појаве Уроша Несторовића // ЗИ. 1982. Бр. 26. С. 179.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. Венская миссия. Оп. 1. 1776-1777 гг. Д. 101. Л. 83 об. Реляция Д.М. Голицына, 28 декабря 1776 г. (8 января 1777 г.)

⁸¹ Там же. Л. 84-96 об. (приложение).

⁸² Ср.: Ивић А. Прилози за биографију Јована Рајића // Летопис. 1909. Књ. 256. Св. 1. С. 52; Петров М. Питомци српског народног сабора у Сремским Карловцима на Кијевској духовној академији у другој половини XIX века // ЗИ. 1972. Бр. 5. С. 164-165; Гавриловић Н. Руске семинарије и мишљење карловачког митрополита Мојсеја Путника о њима // ЗИ. 1972. Бр. 5. С. 128.

⁸³ См.: Пишчевич С.С. Указ. соч. С. 4-5; Радојчић Н. Митрополит Стефан Стратимировић // Летопис. 1936. Књ. 345. Св. 1. С. 43-44; Костяшов Ю.В. Неизвестные страницы жизни сербского просветителя XVIII в. Павла Юлинца // Вестник МГУ. Сер. "История". 1994. № 3. С. 41.

⁸⁴ Петровић К. Из историје Карловачке гимназије 1791-1851 // ГИДНС. 1939. Књ. 12. Св. 2. С. 145-151.

⁸⁵ См.: Петров Н. Исторический взгляд на взаимные отношения... С. 53-54; Григорович В.И. Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876. С. 16-22; Лещиловская И.И. Сербская культура... С. 248.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1782 г. Д. 656. Л. 89-89 об. Д.М. Голицын - И.А. Остерману, 27 июля (7 августа) 1782 г. О деятельности Ф. Янковича в России см.: Матль Й. Ф. Янкович и австро-русские связи в истории народного просвещения // XVIII век. Л., 1975. Вып. 10. С. 76-81.

⁸⁷ См.: Скерлић Ј. Српска књижевност... С. 124; Радонић Ј. Прилог историје српских штампарија у Аустрији пред крај XVIII века // Споменик СКА. 1910. Бр. 49. С. 67-71; Вранешевић Б. Обнова ћирилског штампарства у XVIII веку - израз националне свести Срба у Јужној Угарској // Почеди штампе југословенских народа. Београд, 1969. С. 177-192; Гавриловић Н. Историја ћирилских штампарија

у Хабсбуршкој монархији у XVIII веку. Нови Сад, 1974; Лециловская И. И. Сербская культура... С. 210-212.

⁸⁸ См.: Заболотский П.А. Указ. соч. С. 179-186; Крестић В. Историја Српске штампе у Угарској. 1792-1914. Нови Сад, 1980. С. 10-23; Лециловская И.И. Сербская культура... С. 212-214.

⁸⁹ Ср.: Павловић М. Улога и значај војвођанских писаца у развоју српскога књижевног језика // ЗКЈ. 1954. Бр. 1. С. 87-100; Толстой Н.И. К историко-культурной характеристике “славяно-сербского языка” // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С.267-281; Гудков В.П. Книжно-письменный язык у сербов в XVIII - начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.135-150; Vukomanović S. Srpski književni jezik kao faktor konstituisanja nacije i demokratizacije nacionalne kulture // Postanak i razvoj srpske nacije... С. 124-126.

⁹⁰ Ср.: Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 64; Костић М. Гроф Колер... С. 89-90; Стајић В. Епископ Јован Јовановић и Српска гимназија у Новом Саду // Летопис. 1932. Књ. 333. Св. 1-2. С. 121.

⁹¹ Споменици. Зб. 3. С. 393-394.

⁹² Заболотский П.А. Указ. соч. С. 274-278; Ягич И.В. Указ. соч. С. 349-352; Лециловская И.И. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 89-97; Ђорђевић М. Српска нација у грађанском друштву. Београд, 1979. С. 49-59.

⁹³ Исламов Т.М. Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // ННИ. 1996. № 5. С. 23-24.

⁹⁴ Ср.: Руварац Д. Захарија Орфелин // Споменик СКА. 1891. Бр. 10. С. 73-83; Скерлић Ј. Српска књижевност... С. 167; Новаковић С. Д. Обрадовић и српска култура // Споменица Д. Обрадовића. Београд, 1911. С. 12; Костић М. Гроф Колер... С. 2-3, 102; Веселиновић Р. Српска историографија у XVIII веку // ЗДН. 1964. Бр. 38. С. 13-23; Лециловская И.И. Идеологические аспекты национального возрождения южнославянских народов в Австрийской империи. М., 1974. С.2-3; Лециловская И.И. Сербская культура... С. 159-161, 173-175; Wereszycki H. Pod berłem Habsburgów. Zagadnienia narodowościowe. Kraków, 1986. S. 95-99.

Заклучение

¹ Споменици. Зб. 3. С. 395-396.

² Димитријевић С. Грађа за српску историју... С. 14.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1761 г. Д. 7-а. Л. 168 об. А.Р. Воронцов - М.И. Воронцову, 29 августа (9 сентября) 1761 г.

Список сокращений

АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи
 Архив ИСПКМ - Архив за историју српске православне Карловачке митрополије / Уредник Д. Руварац. Сремски Карловци, 1911-1914, 1923
 Беседа - Беседа: Лист за црквене, школске и народне потребе. Нови Сад, 1868-1870
 Богословски гласник - Богословски гласник. Сремски Карловци, 1902-1914
 Браство - Браство: Лист Друштва Св. Саве. Београд, 1886-1911, 1921-1940
 Весник српске цркве - Весник српске цркве: Лист свештеничког удружења. Београд, 1890-1939
 ВИ - Вопросы истории. Москва
 Дело - Дело: Лист за науку, књижевност и друштвени живот. Београд, 1894-1913
 ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834-1917
 ГИДВ - Годишњак Историјског друштва Војводине. Нови Сад
 ГИДНС - Гласник Историског друштва у Новом Саду. Нови Сад; Сремски Карловци, 1929-1940
 Глас Истине - Глас Истине. Нови Сад, 1884-1890
 Годишница НЧ - Годишница Николе Чупића. Београд, 1877-1940
 Грађа - Грађа за историју Београда од 1717 до 1739 / У ред. Д. Поповића и М. Богдановић. Београд, 1958. Књ. 1
 ГСУД - Гласник Српског ученог друштва (Гласник Дружества Србске словесности). Београд, 1847-1892.
 ГФФ (GFF) - Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1956-1975
 Записи - Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Сремски Карловци, 1902-1926. Књ. 1-6
 ЗДН - Зборник Матице српске за друштвене науке (Научни зборник; Зборник МС. Серија друштвених наука). Нови Сад, 1950-1969
 ЗИ - Зборник Матице српске за историју (Зборник за историју). Нови Сад, 1970-1994
 ЗКЈ - Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1953-1990
 ИГ - Историјски гласник. Београд, 1948-1988
 ИП (НР) - Историјски преглед (Historijski pregled). Београд; Zagreb, 1954-1964
 ИЧ - Историјски часопис. Београд, 1948-1989
 JAZU - Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti
 ЈИЧ (ЈИЧ) - Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1935-1988
 КМС - Књиге Матице српске. Нови Сад; Сремски Карловци, 1896-1928

Летопис - Летопис Матице српске (Сербска Летопис, Сербский Летопис, Новый Сербский Летопис, Србский Летопис). Будим; Нови Сад, 1826-1991
 Мешовита грађа - Мешовита грађа (Miscellanea). Београд, 1956-1989
 МСПЦ - Музеј Српске православне цркве. Београд
 ННИ - Новая и новейшая история. Москва
 Памятники - Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1864-1868. Т. 7-9
 Прилози - Јакшић М. О Вићентију Јовановићу: Прилози за историју митрополитства му 1731-1737. Нови Сад, 1900
 РСЗ - Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830-1842. Т. 1-16
 РГАДА - Российский государственный архив древних актов
 САНУ - Српска Академија наука и уметности
 СКА - Српска Краљевска Академија
 Споменици. Зб. 1-3 - Витковић Г. Споменици из будимског и пештанског архива // Гласник Српског ученог друштва. II од. Београд, 1873-1874. Књ. 3-5
 Српски Сион - Српски Сион. Нови Сад, 1891-1908
 Старинар - Старинар Српског археолошког друштва. Београд, 1884-1940
 HZ - Historijski zbornik. Zagreb, 1947-1991

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Участие сербов в демографических процессах на Балканах в конце XVII - XVIII в.	18
1. Венская война и Великое переселение сербов 1690 г.	19
2. Австро-турецкие войны XVIII в. и миграции сербов в Австрию	26
3. Немецкая колонизация и сербы	30
4. Переселения сербов в Россию	37
Глава II. Правовой статус сербского народа в Австрийской монархии	48
1. Привилегии Леопольда I и юридический статус сербского населения на рубеже XVII и XVIII вв.	48
2. Борьба сербского народа в защиту привилегий в первой половине XVIII в.	60
3. Изменение правового статуса сербов в период терзианских реформ	70
4. Правовое положение сербов в годы правления Иосифа II и Леопольда II	83
5. Военная граница и ее реорганизация	88
Глава III. Социально-экономическое развитие сербов под властью Австрии	94
1. Социально-экономическое положение сербов на рубеже XVII и XVIII в.	94
2. Социально-экономические процессы на сербских землях в 1718-1739 гг.	98
3. Социально-экономическое развитие сербских земель в середине и второй половине XVIII в.	107
Глава IV. Сербская православная церковь в Австрии	123
1. Карловицкая митрополия в XVIII в. Характеристика православного духовенства	123
2. Церковь - народ - Габсбурги	135
Глава V. Социально-политическое развитие сербского общества под властью Габсбургов	148
1. Общенародные саборы	148
2. Представительство на саборах и расстановка политических сил внутри сербского общества	154
3. Позиции депутатов и борьба на саборах	160
4. К вопросу о формировании сербской нации	168
Заключение	180
Примечания	186
Список сокращений	219